

РАЛЬФ РАЙНДЕРС
РОНАЛЬД ФРИЧ

ДВИЖЕНИЕ 2 ИЮНЯ

"САМООПРЕДЕЛЕНИЕ"

Ральф Райндерс, Рональд Фрич

Движение 2 июня

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «САМООПРЕДЕЛЕНИЕ»
Э-КНИГА
МОСКВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2018

УДК 433.94
ББК 63.3(4)

Текст приводится по изданию:
Reinders R., Fritsch R. Die Bewegung 2.Juni. Berlin-Amsterdam. ID-Archiv, 1995

Подготовка текста, оформление, корректура, дизайн обложки:
издательская группа «Самоопределение»
samoopredelenie@riseup.net

Перевод с немецкого: Евгений Бугров

Предисловие: доктор философских наук Иванов В.

Райндерс Р., Фрич Р. Движение 2 июня. М., СПб, - Самоопределение, 2018. - 124 стр.

В 1960-70 годы Западная Европа испытывала подъем леворадикальных движений, важной составляющей которых были вооруженные группы. Одной из таких групп было «Движение 2 июня», названное так в память о демонстрации 2 июня 1967 года, на которой полицейский застрелил студента. Самой громкой акцией «Движения» стало похищение известного тогда политика Петера Лоренца. Уникальность акции была в том, что власти Германии пошли навстречу революционерам и обменяли Лоренца на пятерых политзаключенных, находящихся в тюрьме. Данная книга представляет собой серию интервью, взятых у участников «Движения 2 июня» в разные периоды их жизни: в начале 1990-ых, во время суда, по окончании длительного тюремного заключения. Данная историческая документалистика является уникальным материалом и переводится на русский язык впервые.

<https://www.samoopredelenie.info>

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие издателя	9
От бунтарей, курящих гашиш, к «Движению 2 июня»	12
Похищение Петера Лоренца <i>Ральф Райндерс/Рональд Фрич</i>	45
Несгибаемые со Шпрее <i>Интервью, не опубликованное журналом «Штерн». Документ 1987 г., Фриц Тойфель, Геральд Клёппер, Ральф Райндерс, Рональд Фрич</i>	81
Годы в тюрьме <i>Ральф Райндерс</i>	95
Хронология ключевых дат	106

Предисловие к русскому изданию

2 июня 1967 года в Западном Берлине состоялась демонстрация против визита иранского шаха Мохаммеда Резы Пахлеви. Во время жесткого разгона демонстрации выстрелом полицейского был убит студент Бенно Онезорг, и это убийство перевернуло умы всей бунтующей молодежи Западной Германии. Не было бы этого убийства — возможно, не было бы ни RAF, ни «Движения 2 июня», ни других вооруженных групп Западной Европы 1960–70-х годов.

11 апреля 1968 немецкий радикал-фашист стрелял в лидера «Социалистического Союза Студентов»(ССД) Руди Дучке. От этого покушения Руди Дучке окончательно так и не выздоровел и умер в возрасте 39 лет. Покушение на Руди Дучке только подтвердило намерение части левацки настроенной молодежи Германии приступить к организации вооруженных групп. Как формировалось это намерение? Что нужно, чтобы люди стали думать, где достать оружие и как научиться им пользоваться?

Двое участников «Движения 2 июня» — Ральф Райндерс и Рональд Фрич, чьи имена стоят как имена авторов этой книги, — вышли из молодежной субкультуры хиппи 1960-х годов. Они курили марихуану, ходили на концерты и демонстрации. В 1965 году концерт Rolling Stones в Берлине стал знаковым событием. Знаковым — потому, что он прошел на фоне драк с полицией, а пресса писала о разгромленной молодежью электричках и стадионе, где был концерт. После выступления «Роллингов» публика не хотела расходиться, и полицейские стали ее разгонять водометами.

Хиппанская субкультура, сама по себе являвшаяся довольно пацифичной, способствовала политизации молодежи: консервативное общество с ужасом наблюдало за рок-концертами, длинными волосами, странной одеждой, в которой ходили хиппи. США начали войну во Вьетнаме, и всё это вместе — общий политический фон и давление со стороны полиции — заставляло вроде бы пацифичную молодежь искать ответ на вопрос: «почему нас бьет полиция, если официально у нас демократия?». Первый контакт молодого неформала с государством, как правило, носит отрезвляющий характер.

В Берлине Райндерс и Фрич вступили в полушутовское общество курителей марихуаны, которое называлось «Центральный Совет ищущих бунтовщиков». Они собирались в публичных местах по сто-двести

человек и демонстративно курили гашиш, объясняя это тем, что «если официально можно пить алкоголь, почему нельзя курить марихуану?». Подобные «демонстрации» разгонялись полицейскими, а их участники отправлялись на небольшие сроки заключения в тюрьму за обнаруженные при них несколько граммов «травы». Рональд Фрич и Ральф Райндерс втянулись в уличное противостояние с полицией и постепенно становились заметными для нее. Осенью 1969 года они отказались от шутовских акций в поддержку легализации марихуаны и перешли на нелегальное положение. Вероятно, неоднократное участие в столкновениях с полицией и небольшие тюремные сроки радикализовали молодых людей, подводя к мысли, что раз уровень противостояния растет, то тематика и уровень их акций должны быть иными. «Тюрьма окончательно стала для меня толчком к решению приступить к военным действиям», — сказал много лет спустя Райндерс.

В марте 1970 года уже образовавшаяся группа RAF организовала побег Андреаса Баадера, и таким образом Западная Германия получила леворадикальную вооруженную группировку. В качестве ее стратегической основы была взята концепция городской герильи бразильского коммуниста Карлоса Маригеллы, который погиб за год до этого в перестрелке с полицией. Побег отбывавшего срок Баадера вывел движение на новый этап. Это были уже не молодежные игры в политику — студенческое движение, начавшееся с тусовок и рок-н-ролла, довольно быстро произвело из своей среды людей, готовых отдавать жизни.

Первое время Райндерс и Фрич контактировали с первым составом RAF, но по идеологическим соображениям не стали к нему присоединяться. По своим взглядам Райндерс и Фрич скорее тяготели к анархизму и их не вполне устраивал «марксизм-ленинизм RAF». Конечно же, анархизм «Движения 2 июня» и «марксизм» RAF были довольно условными — и те и другие были скорее организаторами вооруженных групп, больше озабоченных практикой, чем теорией. Очень характерно высказывание Фрича о том, что он вышел из группы «Анархистский рабочий союз»: «Я всегда думал, что анархисты далеки от догматизма, но там я получил противоположный опыт. Они были какие угодно, но только не недогматичные. Они выгнали кого-то из своих рядов только за то, что он... ссылался на Маркса». И те и другие скорее были «продуктом» своего времени, людьми, разделявшими разнообразный комплекс идей, который сегодня обозначают как «новые левые».

Переход на нелегальное положение потребовал от участников «Движения 2 июня» других подходов и прежде всего денежных средств. «Движение 2 июня» начало грабить банки; правда, полученные

средства они тратили не столько на себя, сколько на финансирование общественных кампаний, рабочих групп, газет. Наконец, самой известной акцией «Движения 2 июня» стало похищение в 1975 году Петера Лоренца. Лоренц в тот момент являлся кандидатом в бургомистры Западного Берлина от Христианско-демократической партии. Находясь в заложниках, он выиграл выборы, а потом был отпущен из плена взамен на освобождение пятерых политзаключенных. Из всей истории левого радикализма Германии это был единственный случай, когда действующий политик был обменян на политзаключенных. Ни до, ни после такого не случалось. Вероятно, успешность акции заключалась в ее тщательной организации — не только в вооруженном плане, но и в плане организации переговоров с властями. Немалую роль здесь, вероятно, сыграли и особенности психологии «Движения 2 июня», которое не эстетизировало революционное насилие, а крайне внимательно относилось к моментам подачи себя публике.

После похищения Петера Лоренца виновными по делу о его похищении суд признал Ральфа Райндерса, Рональда Фрича, Геральда Клоппера, Андреаса Фогеля и Тилла Маейра. Больше всего по этому делу — 20 лет заключения — грозило практику и пропагандисту городской герильи в Германии Фрицу Тойфелю, но его причастность к этой акции доказать не удалось, и он отсидел пять лет только за ограбление банка. Участники «Движения 2 июня» Рональд Фрич и Ральф Райндерс, которые значатся как авторы этой книги, получили 13 лет и 3 месяца и 15 лет лишения свободы соответственно. Рональд Фрич из тринадцати лет срока отсидел в тюрьме девять, досрочно освобожден в 1989 году, жив и сейчас. Ральф Райндерс из пятнадцати лет отсидел в тюрьме десять, досрочно освобожден в 1990-м, жив и сейчас.

Политик Петер Лоренц умер своей смертью в 1987 году. Вина полицейского, который, как все считали, убил Бенно Онезорга, так и не была доказана. За два года до его естественной смерти — в 2012 году — появилась очередная версия этих событий, согласно которой студента Онезорга убил кто-то из его коллег, так и оставшийся неизвестным. Уже почти полвека прошло с момента тех событий, но память о них до сих пор не оставляет равнодушным немецкое общество.

Данная книга, выполненная в жанре исторической документалистики, приоткрывает читателю малоизвестную в России страничку истории Германии. Пытаясь сегодня понять мотивы молодых людей, взявшихся в 1960-е годы за оружие, мы невольно переносим ее на историю России — невольно вспоминаем эсеров-максималистов, анархистов-безмотивников и других. Невольно вспоминается и фраза

Ленина о том, что «мы пойдем другим путем», которую каждый, кто вырос в Советском Союзе, помнит еще со школы.

Интересной является мысль, высказанная одним из участников «Движения 2 июня» в этой книге: «Мы не ставили себе задачу группой в двадцать человек совершить революцию. Мы хотели показать людям, что в ответ на насилие государства можно сопротивляться».

Каковы были политические результаты деятельности вооруженных групп RAF, «Движение 2 июня», «Прямое действие», «Красные бригады» и им подобных, действовавших в Западной Европе в 1960–1980-е годы? Ответ на этот вопрос, пожалуй, был дан задолго до этого. В конце XIX века русский революционер С.М. Степняк-Кравчинский сказал, что репрессии против общественного движения были бы значительно сильнее, если бы определенная его часть не выбрала путь вооруженной борьбы. Любое политическое действие нужно понимать в контексте его исторических условий. Очень легко приклеить ярлык «террорист», который при ближайшем рассмотрении оказывается пропагандистским штампом; значительно сложнее попытаться приподняться над уровнем расхожих суждений, обывательщины и страха.

Вячеслав Иванов,
доктор философских наук.

Предисловие

*В январе 1972 года мы присоединились к «Движению 2 июня». Это дата объединила всех нас — студентов и юных пролетариев. Все знают, что означала дата 2 июня. Она означает и другую важную для нас вещь: полиция стреляла в нас. Так это обстоит и до сегодняшнего дня. Всякий раз, когда кто-то говорит о 2 июня 1967 года, то всегда упоминается, что в этот день был застрелен буйволами¹ Бенно Онезорг. В общем, во имя.
(Ральф Райндерс/ Рональд Фрич)*

27 февраля 1975 года, в самый разгар берлинской предвыборной кампании, группа «Движение 2 июня» похитила главного кандидата от ХДС Петера Лоренца. В обмен на Лоренца им удалось освободить пятерых политзаключенных, а также, после смерти Хольгера Майнса, еще двоих демонстрантов. Это были нашумевшая акция «Движения 2 июня» и одновременно — последний удавшийся обмен партизан на пленных.

Через несколько месяцев после похищения Лоренца полиция в Берлине арестовала Ральфа Райндерса и Рональда Фрича. К этому времени Райндерс пять лет находился на нелегальном положении, а Фрич незадолго до ареста вполне открыто выдавал себя за члена «Движения 2 июня».

За участие в похищении главного кандидата от ХДС Ральф Райндерс был приговорен к 15 годам и Рональд Фрич — к 13 годам лишения свободы. Рональд Фрич освобожден в 1989 года, а Ральф Райндерс — в 1990-м. Оба они довольно свободно говорят о своих политических взглядах и конспиративных акциях. После долгих лет тюрьмы они делают это на удивление легко. Причем совершенно верно констатируют многие факты, о которых в 70-е годы распространялись такие выходцы из «Движения 2 июня», как Бомми Бауман.

«Движение 2 июня» возникло во второй половине 60-х годов из политизированной субкультуры в Западном Берлине. В этой книге Ральф

¹Bulle (дословный перевод — «буйвол») — жаргонизм немецкого языка; соответствует американскому «копы» или русскому «менты, мусора».

Райндерс и Рональд Фрич рассказывают о штурме лесной сцены² на концерте «Роллинг Стоунз», о бунтовщиках, о революционно-бунтарских настроениях, о совместной работе и спорах с едва ли не одновременно возникшей тогда Фракцией красной армии (RAF); о скепсисе, с которым RAF встречала люмпенизированных хиппи из «Движения 2 июня»; почему на ней поставили клеймо самой «популистской фракции» партизан — ругательство, которое она даже сегодня воспринимает как достоинство.

Популизм «Движения 2 июня» всегда был ориентирован на то, чтобы оставаться расчетливым по отношению как к друзьям, так и к врагам, чтобы избежать ненужных жертв с обеих сторон. При всех обстоятельствах нужно было избегать того, чтобы так называемое простое население чувствовало опасность со стороны Движения или благодаря акциям укрепляло бы ряды противника. Таким стало «Движение 2 июня» к ужасу берлинских банков, причем без какой-либо перестрелки с полицией. Во время ограблений банков нападавшие раздавали посетителям банков сладости, чтобы символически продемонстрировать тем, что эти акции не направлены против них. Не следует также забывать, что акции боевиков из «Движения 2 июня» при всех мерах предосторожности иной раз не обходились без жертв.

Так, погиб Эрвин Белиц, когда он нашел бомбу, а затем зажал ее в тисках, чтобы обработать молотком и зубилом. Президент берлинского суда Гюнтер фон Дренкманн был застрелен при неудачной попытке его похищения. В 70-е годы во время «охоты на террористов» были застрелены полицией члены «Движения» Георг фон Раух, Томас Вайсбеккер, Вернер Заубер.

Несмотря на поляризацию дискуссий в период 70-х годов, «Движение 2 июня» старалось оставаться верным себе и антиавторитарным принципам. Так, позднее Движение позиционировало себя скорее как «вооруженное крыло левых», нежели «революционный авангард». Речь шла о том, чтобы в легальной среде левых обозначить себя как противовес власти, с тем чтобы разбить мнимое всеислие государства на его традиционных позициях. И не верить слепо тому, что силами пятерых человек можно сделать революцию.

Само собой разумеется, что взгляды Райндерса и Фрича, которыми они поделились в этой книге, не являются представителем всех участников Движения. В ходе бесед обозначились различные позиции. В

2 Лесная сцена - так в Германии называют большие открытые площадки для концертов; идентично понятию «опей эйр», но в отличие от «опен эйров» вход на лесную сцену платный.

настоящее время Ральф Райндерс и Рональд Фрич работают в Берлине вместе с друзьями над обширной историей «Движения 2 июня», и они честно не отказываются от платы за работу.

Издательство ID-Archiv

От бунтарей, курящих гашиш, к «Движению 2 июня»

Интервью по вопросу об условиях возникновения «Движения 2 июня» было взято 22 ноября 1992 года на выставке в Нойкёльне в Берлине. Чтобы получить представление об этой беседе, особенно в пассажах Ральфа Райндерса, кое-где сохраниены обрывки берлинского диалекта.

Молодежное движение 60-х годов «Роллинг стоунз», длинные волосы, Вьетнам.

Клаус Херманн: Чтобы прояснить условия возникновения «Движения 2 июня» на вашем примере, было бы здорово, если бы вы могли кратко рассказать о вашем личном становлении.

Рональд Фрич: Я родился в Ганновере в 1951 году, там и вырос. Школа, торговый техникум; потом я, вообще-то, хотел в гимназию Народного хозяйства, но там, к сожалению, не было стипендии или что-то в этом роде. А так как мой старик не имел бабок, зато имел хорошие связи, я оказался практикантом госслужбы при городской администрации Ганновера. Два года учебы — и я стал бы служащим или кандидатом на должность инспектора. Но через полтора года я бросил учебу — только потому, что должен был бы послужить в Бундесвере. Как убежденный пацифист, я подумал: нет, спасибо! Из Ганновера я так и так собирался уезжать, ибо этот город — город служащих. А Берлин тянул меня к себе — это было сумасшедшее время. Вопрос стоял только о Гамбурге или Берлине, но из-за угрозы военной службы я осел в последнем. В конце 1970 года я приехал в Берлин и там довольно быстро попал в среду анархистов.

Херманн: До этого ты имел с ними личные контакты?

Фрич: Нет. До этого я уже несколько раз был в Берлине. В Ганновере тоже была небольшая субкультура, довольно ограниченная и слишком претенциозная. Она была довольно анекдотична и имела типичную идеологию чокнутых, то есть никакого алкоголя, и всё это отдавало мещанством. Нас прежде всего неприкрыто агитировали через «Бильдцайтунг». Они всё время настраивали нас против «Коммуны № 1» (коммуна, созданная хиппи в 1960-е в Западном Берлине. — прим.ред.) —

свободный секс, каждый трахает каждого, и чего там только не было. И чем больше было назойливой пропаганды, тем больше нас агитировали, поскольку это было как раз то, от чего мы отстранялись.

Херманн: Твоя профессия, кажется, водитель грузовика?

Фрич: В Берлине я работал сначала водителем в разных фирмах. С осени 71-го по лето 74-го — водителем на железной дороге. Отличная работа, и для того времени она офигенно хорошо оплачивалась. По сравнению со своими коллегами в частных фирмах, я получал вдвое больше.

Херманн: Ральф, а как было у тебя?

Ральф Райндерс: Я родился в Берлине в 1948 году, в деревне Райникендорф, на границе Фрохау, вырос там, с восьмого класса пошел в старшую школу. Ходил в ту школу, где сегодня находится район Мэркиш. Эта школа была тогда образцовой. Она сначала была запланирована для детей из Восточной Германии. Но ГДР запретила, чтобы дети оттуда посещали школу на Западе. Таким образом, у нас была новая, с иголки, школа, каких тогда нигде не было.

По окончании школы я обучался на печатника на ротапринтере и закончил обучение. Закончить это обучение было моей первой мечтой в жизни (*смеется*). В то время в Берлине началось движение гаммлеров (немецкий вариант движения хиппи — прим. ред.). Люди прекращали работу. Это тоже была проблема: когда я выпустился из школы, то не знал, начинать мне обучение или нет. Мои друзья бросали работу, сидели с гитарой у церкви и имели неприятности с буйволами. Парни отращивали длинные волосы. Для меня это было довольно трудно: вечером ты ходишь длинноволосым, а на работе с помощью жира зачесываешь волосы назад в коврижку.

Сегодня это уже забывается: многие тогда потеряли работу, потому что носили длинные волосы.

Херманн: Из пивнушки ты тоже вылетал и не получал пиво...

Райндерс: Ты не получал пиво, и тебя били. Иногда на улице тебя поджидали какие-нибудь придурки с намерением обрезать тебе волосы. Такие проблемы были какой-то период. Потом все мои друзья поголовно запали на музыку, которая пришла из Англии. Было даже небольшое соперничество между поклонниками «битлов» и теми, кто причислял себя к фанатам «Роллинг стоунз».

В 1965 году «Стоунз» первый раз приехали в Берлин на лесную сцену. Для многих из нас это был маленький прорыв. Мы тогда, собственно, хотели только послушать музыку. Посмотрели прайслист — вход двадцать марок. Тогда это было по-свински дорого. У нас бабок не

было, и мы решили пройти на халяву. Собрались в Тегеле: поклонники «битлов», «стоунзов», «Кинка». Было где-то человек 200–250. И мы ломанулись; среди нас были будущие активисты «2 июня».

Когда мы с электрички подошли к лесной сцене, то наткнулись на первый полицейский кордон. Он был довольно жидкий — мы его отодвинули в сторону. Недалеко от лесной сцены был второй кордон — из полицейских всадников. Это было немного сложнее, но мы прорвались. И уже непосредственно перед сценой был совсем маленький заслон. Но нас, в конце концов, было больше двухсот человек — протиснулись и стояли впереди всех. А некоторые люди, кто заплатил, пришли после нас и вообще не смогли войти.

В тот вечер там было такое настроение. Тогда я увидел людей, совершенно далеких от политики, от которых исходила дикая ненависть к буйволам. Когда концерт закончился, люди вставали и просили исполнения на бис. Я подумал: если бы я заплатил, то был бы измочален, а тут такое свинство! И тут организаторы концерта взяли и выключили свет. В одно мгновение на сцене начался хаос. Что-то начало ужасно трещать, и этот треск был настолько возбуждающим, что все начали разбирать скамейки. Вдруг свет включился и на сцену выбежали буйволы. Они поливали нас из водометов — началась первая потасовка, главным образом с нами. Все мы знали друг друга, и это был момент общности, общего чувства.

После этого нам надо было убираться. Пока всё протекало сравнительно мирно и ущерб был скорее незначительным. Но затем буйволы стали нападать на группу девушек, человек 40–50, которые спрятались на сцене. Для всех это был сигнал: снова назад! И вот тут вся сцена пошла вразнос.

Четыре-пять часов бушевала битва, которая затем перешла на улицу. Тут я впервые увидел, как у людей срывало тормоза и как они били буйволов. Этого я еще не знал! Мы убежали со сцены и запрыгнули в электрички, а потасовка всё продолжалась. Там были ребята из Восточной Германии, и их было даже официально разрешено ломать.

На следующий день мы снова встретились в Тегеле. Не все двести человек, но многие. И ты сразу узнал всех. Среди них были и те, кто позднее примкнул к «Движению 2 июня».

Параллельно с этим происходят студенческие волнения — например, демонстрации против войны во Вьетнаме, к которым я впоследствии примкнул. Кстати, одна из первых демонстраций была проведена в Нойекёльне. Там нас прохожие сильно прижали к стене; зонтов было больше, чем демонстрантов. Ты слышал об этой берлинской сволочи, которая была возмущена красными знаменами и коммунистами?

Тогда было еще СОЗБ (Социалистическое объединение Западного Берлина).

Фрич: В Ганновере тогда этого вообще не было. Большая демонстрация была только во время похорон Бенно Онезорга, который происходил из Ганновера и был там похоронен. Первые красные знамена появились по случаю акций красных пунктов в 1968–1969 годах. Я знаю о возмущении людей и полиции, когда эти флаги неожиданно появились. Это, кажется, произошло в ходе роспуска ХДС, когда образовались Красная гвардия и эти марксистско-ленинские группы.

Я был тогда в одной из групп SDS³, из которой меня быстро выгнали из-за обструкции. Дело в том, что, когда я присутствовал на занятиях, то при каждом незнакомом слове — а это практически было каждое второе слово — спрашивал, что оно означает. Мне объясняли. Но через несколько занятий меня и моего друга выставили за дверь.

Но это даже не было моим злым умыслом. Я всего лишь хотел понять, о чём идет речь. Тогда мы, по крайней мере, усвоили урок: надо быть немного нахальным и не проглатывать всё подряд, что ты не понимаешь. Это я знал ещё со школьных лет и не раз использовал. Они всё что-то рассказывали об «антиавторитете», но то, что они говорили, это не подразумевало.

Взросление оппозиции

рокеры, студенты, молодые пролетарии

В Берлине всё было немного по-другому. В 1964–1965 годах студенческие протесты и постепенно набирающий обороты путч рабочей молодежи были еще отдалены друг от друга.

Херманн: Я вспоминаю 1965 год. Мы в одном маленьком кружке читали первые критические тексты, а затем из Вильмерсдорфа электричкой поехали в Нойкёльн к нашим пролетарским друзьям. С ними у меня появились проблемы. Они были настроены совсем на другое. У них была хорошая физическая подготовка. Это мне импонировало. Мы же, наоборот, разработали некоторые вещи, где они нас опять удивили. Вообще, это было весьма плодотворное пространство солидарности.

Райндерс: Это было решающим фактором, который нас объединил: с одной стороны студенты, с другой — молодые рабочие. Они выражали свой протест, ревели и топали ногами, но совсем не представляли, о чём

3 SDS - Социалистический союз студентов, крупнейшее левое объединение студентов Западной Германии 1960-х годов.

идет речь.

В тот период экономика страны впервые пошла немного вниз. Тогда это еще не очень чувствовалось, однако молодежь это заметила быстрее. К тому же началось давление со стороны государства: буйволы были повсюду. Студенты один раз получили по башке — когда они вышли на демонстрацию против США, которые считались тогда оплотом демократии. Вот тогда-то все и поняли: этот оплот демократии врежет тебе по черепу и погубит другие народы! Когда мы вышли на улицы, то выглядели немного по-другому.

Мы знали об отношениях к чернокожим в США. В 1965 году там горели целые улицы (Watts⁴ и другие). И люди, когда сами получили по башке, поняли, что такое расизм. Поняли из ощущения: ты получаешь по башке лишь потому, что выглядишь по-другому. Совершенно безразлично, чем ты занимаешься, ходишь на работу или нет. Они врежут тебе по башке только за то, что ты им не нравишься. Ты не немецкий солдат. Поэтому во мне поднимается раздражение, когда я вижу этих коротко остриженных. Я так часто видел этих бритоголовых..., это так подавляет, эта солдатня!

Херманн: Вы тогда ходили в рясе? (длинный балахон, в котором ходили хиппи в 1960-е. — прим. ред.)

Райндерс: Да, мы иногда так одевались. Это до безобразия практично, но довольно отвратно.

Фрич: Очень практично: тепло, и к тому же можно ее разрисовать.

Петер Хайм: Важно то, что на этой одежде можно было нарисовать знак противников атомного оружия.

Райндерс: Да, и прежде всего мы выглядели одинаково, поэтому можно было узнать своих. Ты мог узнать своего товарища и знал, что можешь на него положиться. Тут есть один, кто против буйволов. Сегодня по-другому: не так просто различить. А так ты знал: если кто-то так выглядит, тогда...

Херманн: Тогда ты не один.

Райндерс: Да, тогда было действительно не много таких как мы, кто затем перебежал к буйволам или имел в голове что-то другое. Так было всегда: если кто-то выглядел немного по-другому, то у него не было желания сотрудничать с нами. Сам процесс политизации начался лишь после убийства Бенно Онезорга 2 июня 1967 года. После всего этого мордобоя у нас было ощущение, что буйволы стреляли во всех нас. Но от насилия всё же можно защищаться. Процесс пошел далеко, даже если кого-то и пристрелят. Я знаю многих, кто в этот день получил по морде.

Они вдруг сразу осознали: ты должен идти на улицу, ты должен занять позицию. Они не были ни за студентов, ни за что-то там еще. Но они были против выстрелов.

После этого в Берлине прошла одна из первых больших демонстраций — Марш молчания. От тридцати до сорока тысяч человек, много студентов. К этому надо добавить, что у нас в Берлине была еще «Коммуна №1» («К1»). Никто ее, собственно, не видел, но все, кто о ней слышал, находили ее очень забавной. Как раз на стыке пуританских 50-х и начала 60-х, когда за железным занавесом состоялась сексуальная революция.

Херманн: Ральф, ты ведь жил в коммуне Виланд?

Райндерс: Нет, этот слух идет от буйволов. Мы, и Берни тоже, жили в Тегеле, под Берлином, на улице Нимродштрассе. Там был владелец дома — довольно большого, на четыре семьи. Внизу жила пожилая супружеская пара. А на остальных этажах он сдавал комнаты, и довольно дорого. Но для нас это было свободное пространство. Мы снимали полтора этажа и жили чем-то типа коммуны. Только у нас не было тогда политических претензий, как у «К1». Были общая кухня и общая ванная, то есть скорее это как общество совместного проживания.

В то время к нам заглядывали буйволы — часто из-за всякой ерунды. Мы ставили первые песни Джаггера — он тогда только входил в моду. Это было совершенно безобидно. Тогда там было трое полицейских из отделения по незаконному обороту наркотиков. Их все знали. И если они ехали по нашей улице, кто-нибудь стучал нам в дверь и сообщал: «Сейчас подъедет наркополиция». Они помещали нас в пустую комнату, делали обыск в других и на этом всё кончалось.

Херманн: Как ты объяснишь слух относительно Виландштрассе?

Райндерс: Буйволы тогда не так шмонали. Они вообще не могли нас с Барни классифицировать по УК. Да, собственно, они никого из нас не могли классифицировать. Они вообще всех нас, будь то Георг фон Раух или Михаэль «Бомми», сваливали в один котел. Я не знаю, откуда это пошло: от буйволов или от СМИ. Но мы никогда там не жили. Правда, иногда ходили туда купаться — там была очень классная ванна для купания.

Фрич: Это важный критерий.

Райндерс: Ванна, в которой действительно могли купаться несколько человек одновременно. Облицована кафелем, просто огромная. Что-либо подобное я никогда не видел ни до, ни после этого.

Я, вообще, с малолетства вступал в конфронтацию по политическим мотивам. Например, будучи в ГДР, вступил там в ряды юных пионеров.

Принимал участие в таких мероприятиях, как Международный детский день и прочая дребедень. При этом всегда были конфликты с полицией. Когда ты вместе с детьми в парке Тегель, и вдруг приходит полиция и выгоняет тебя одного из парка, а всё потому, что запрещено ходить в галстук и носить значок FDJ - Свободная немецкая молодежь((1), *здесь и далее см.примечания к концу каждой главы*). В 12–13 лет это уже откладывается в мозгах. Официально в Западном Берлине это не было запрещено, но буйволы всё равно наезжали. Один раз меня обыскали даже при поездке в Восточную Германию. И вот при этом ты получаешь наглядное представление о «демократии и правовом государстве». Сегодня они стали немного хитрее.

Херманн: Ты ведь выходец из северной части Берлина. Были ли у тебя контакты с рокерами их квартала Мэркиш?

Райндерс: Нет, у нас не было прямых контактов с рокерами из квартала Мэркиш. Мы знали их только внешне. А вот «К1» имела с ними дела. Это были рокеры на мопедах, которых мы знали по дискотеке. Они были немного дикие и нападали на пожилых людей. С такими вообще никто не хотел контактировать. Как-то они стали приставать к старой рокерской группе из Веддинга. Тех мы всех знали, и с ними у нас не было чувства вражды. Это были настоящие рокеры, на мотоциклах, и они никогда никому ничего плохого не делали. Ну так вот, эти ребята к ним пристали — думали, что те слишком безобидные, а те их так отметелили! С тех пор эти парни из своего квартала Мэркиш ни ногой!

Херманн: Я вспоминаю, как в начале семидесятых вы сидели в доме Георга фон Рауха за забаррикадированными дверями и отбивали атаки рокеров.

Райндерс: Это были другие, потому что рокеры из квартала Мэркиш во время драки в Тегеле были на нашей стороне. Мы тогда еще спорили: не переметнутся ли они завтра на другую сторону? В тот день они сильно напугали студентов, поскольку выступали очень грутально. Они вообще не знали ничего другого, кроме этой формы выяснения отношений. У них не было страха перед полицией. Тогда полицейские еще носили кивера — шлемы были в очень немногих полицейских участках. Постепенно различные группы повзрослели. Какие-то особые неприятности из-за рокеров были недолго.

Херманн: Это «взросление» происходило больше благодаря ощущению совместной жизни, нежели в результате политических дискуссий?

Райндерс: Тебя преследуют! Это было уже в крови. У рокеров всегда были проблемы с буйволами: когда те перекрывали улицы, то

отнимали у них мопеды.

Центральный совет блуждающих бунтовщиков

гашиши, облавы, уличные драки

Хайн: Промежуточный вопрос: ключевое слово «ищущие бунтовщики» — что это такое? Это шаг вперед или так, подстраховка на всякий случай?

Райндерс: Да, это шаг вперед. Полицейский контроль стал мощнее. Они получили усиление; в Берлине разработали новую методику, о которой мы ничего не знали. Например, изготовить 50 кг гашиша, чтобы потом изымать его при обысках. Они хорошо подготовили людей. Конечно, мы тогда немного приторговывали: продавали наркоту американцам, солдатам. Те платили хорошую цену. Многие из наших тогда не работали, а нам нужна была «капуста». Ходили воровать продукты. По утрам, например, ждали машины с продуктами, подкрадывались сзади, воровали целые пудинги. Так как все курили, нужно было есть что-то сладкое. Один раз стянули целую тележку пудингов. В общем, мы немного приторговывали наркотой — небольшими порциями. Мы знали всех «деловых» людей, которые знали, где можно делать бизнес. Знали турок, которые тогда были такие наивные! Они хотели за одну операцию сделать несколько тысяч марок, попадали на крупных торговцев, а те оказывались буйволами.

А тут произошло такое событие: они вытащили из нашей легковушки 100 грамм! Это было практически всё наше обеспечение в доме, где мы жили и курили. И мы сразу стали банкротами. Кто-то сказал: «Они нам вернут, сегодня мы угоним полицейскую машину». Мы переговорили с некоторыми людьми, которых знали ещё по студенческой сцене. Те притащили нам кое-что. В тот вечер мы не пошли, поскольку Бомми тогда сильно струхнул. Спрятали материал в доме и... забыли. Это была смесь клея с сорной травой. Самое большое, что могло из этого получиться, — вспышка и пламя.

Между тем начали уже поговаривать: «Все эти постоянные облавы в кафе нам уже не нравятся — будем отбиваться». Это касалось прежде всего «Зодиака» в парке на берегу озера Халензее, кафе «Сан» на Фридрихштрассе и «Мистера гоу» на Йоркштрассе, где произошла последняя и самая дикая драка бунтовщиков. Первая драка была перед кафе «Парк», мы тогда защищались.

Мы просто хотели «узаконить» свое право курить. В конце концов,

другие же могут также пить. В зоопарке Тиргартен мы курили марихуану. Это было в июле 1969 года. Тогда впервые появились листовки с названием «Ищущие бунтовщики».

Такое название, хотя сегодня он может это и отрицать, было изобретено Кунцельманном(5). В «Центральном совете ищущих бунтовщиков» речь шла прежде всего о том, чтобы позлить студентов. Они тогда начинали создавать партии с пафосными названиями. На нашу инициативу они ответили «Центральным советом ищущих друзей вермута».

После первых затяжек марихуаной меня сильно «накрыло». Когда я очнулся, то услышал, что арестовали Георга. Тогда нас собралось человек 350–400. Курили. Буйволы видели это, но ничего не делали. Когда курильщики ушли, Георг почти без сознания валялся в кустах. Он, вероятно, спорол слишком большую дозу гашиша. Буйволы доставили его в Моабит, заставили промыть желудок. При этом у него нашли 0,12 грамма гашиша, за что он получил штраф и три месяца тюрьмы.

Таков был дебют «Центрального совета». Позднее мы познакомились с людьми, которые это делали. Несколько раз сидели с ними вместе и болтали о том, что делать, если придут буйволы. Мы не хотели больше попадаться, иногда ставили часового. Это было также в «Пане». Рядом с еврейской общиной у нас была своя служба предупреждения: одна девчонка всегда информировала нас о подходе буйволов.

Всегда случалось так, что у нас что-то было в карманах и мы могли вовремя слинять. И задался вопросом: а кто она вообще такая? Она нам сказала, что ее отец знает об облавах и всегда ей звонит.

Однажды у нее закончились деньги, Томми Вайсзеккер и я поехали с ней в Шарлоттенбург. Ну вот, мы поднимаемся по лестнице, открывается дверь, выходит ее отец, а за ним какой-то молоденький тип. Томми кивает мне и говорит: «Я его знаю». Затем оборачивается к девчонке:

— Твой отец гомик, что ли?

— Нет, говорит она, — это его телохранитель.

— Какой телохранитель? Что это вообще значит?!

— Охранник Геуса. Ты что, не знаешь его?

То есть эта девчонка оказалась дочерью судьи Геуса, который всё время информировал ее об облавах, поскольку знал, что его дочь наркозависима. Он перед облавой звонил дочери, чтобы она сваливала, потому что едут буйволы, а та информировала всех знакомых.

Как-то вечером мы подошли к кафе «Парк», а там стояло оцепление полиции. Они выводили людей с поднятыми вверх руками. Это было что-то новое: такого буйволы раньше не делали. Тогда мы у одной полицейской машины открутили крышку бензобака, засунули туда тряпку и попытались

поджечь. Это не совсем получилось, но наши действия привели к тому, что вся колонна полиции из-за страха за свой парк автомашин быстро выехала из этой местности и попыталась нас схватить. И это снова привело к тому, что другие осмелели и начали уличную битву. Мне кажется, что это было впервые, когда они по-настоящему защищались.

В это время в Берлин приехала музыкальная выставка «Haig 2»(2). Труппа, которая это ставила, была политически продвинута. Почти всё это были берлинцы, несколько американцев и один человек из «Движения 2 июня», 22 пары западных немцев, певцы, танцоры, гимнасты и т.д. Многих из них мы знали, поскольку они с нами курили или покупали у нас. Они жили на площади Ноллендорфплац, где тусовалась вся богема. И они нас спросили: не хотим ли мы сделать что-либо к премьере? Были задействованы все звёзды Берлина. Например, Тилла Дюрье — старая, 80-летняя актриса. Мы сказали: «Хорошо, если вы пропустите нас на сцену с черного хода, то мы выйдем и скажем всем, что есть действительно люди, которые курят марихуану, что это не розыгрыш, и что буйволов мы отыщем в задницу!»

И тут поступило сообщение, что один из артистов передал наверх план всего мероприятия и что охрана будет следить за тем, чтобы все двери были закрыты. Со старыми остатками от «К1» (это был хороший порох) мы изготовили только ради эффекта хорошую дымовую шашку и подумали: как мы ее можем использовать? Как всегда в таких случаях, была комичная ситуация: ты хочешь что-то сделать, но еще не знаешь где.

Во всяком случае, все эти сволочи приперлись, были в гардеробной. А снаружи остались те, кого буйволы из-за нескольких граммов отоварили по башке. Ну вот, эти сволочи вваливаются, смотрят музыкальное представление, хлопают. Вот тут-то мы им и хотели показать, какая она, действительность, на самом деле! Мы бросили дымовую шашку — та попала в предбанник между дверьми. Привратник ничего не смог сделать — началось сильное задымление. Тилла Дюрье получила отравление дымом, и ее доставили в больницу. Прибежали буйволы, один из них достал ствол и выстрелил в воздух. У него полностью сдали нервы. Тогда нервы сдали у всех. Но из наших они никого не поймали. Это была первая и последняя акция такого рода, которую организовал так называемый «Центральный совет».

Было еще одно происшествие около «Зодиака». Поводом был полицейский фотофиксатор, находившийся в тридцати метрах от нашего носа. Мы этого не могли вытерпеть. Несколько наших вышли и просто немного покачали полицейскую машину. Это было весело, так как всё фиксировалось. Буйволы, которые сидели внутри сильно испугались.

Они заблокировали двери и вызвали по рации подкрепление. А пока оно ехало, мы сорвали эту вещичку. Машина лежала поперек дороги. Прибыли буйволы, случилась потасовочка, было арестовано несколько человек. Что же касается физического выяснения отношений, то всё было довольно безобидно.

Последняя акция была в связи с наркотиками у «Гоу». Это было незадолго до нашего ухода в подполье. Мы проезжали по йоркскому мосту и увидели, что у «Гоу» облава. Вылезли, пошли туда, видим странную картину: кругом стоят буйволы без шлемов, а рядом — окружной губернатор Кройцберга, который за всем наблюдает.

Видим, что нет нужного настроения. Люди смотрят на то, как арестовывают их товарищей. Мы хотим их подбодрить, но нам это не удается. Вдруг на другой стороне улицы загорелась рекламная панель. И в одно мгновение люди стали пытаться вытащить своих товарищей из полицейских машин. В буйволов полетели камни. Те побежали сломя голову. Окружной бургомистр побагровел. Нам стало ясно, что на следующий день они обязательно приедут опять. Им это, безусловно, не понравилось.

На следующий день мы пришли туда. Около «Гоу» было уже около полутора тысяч человек. Они ждали. Параллельно с этим в Амстердаме уже три дня шли уличные бои. В этот раз полицейские не приехали. Но этим они нам не оказали услугу. Мы стояли по углам, будучи подготовлены самым лучшим образом. А буйволы не приехали. Тогда Георг говорит: «Сделаем просто: выйдем стекла в аптеке, идем к телефонной будке, звоним и говорим: нападение на аптеку».

Мы так и сделали. После этого прибыли первые буйволы, очень осторожно подползли за угол. В то время у них были автомашины «Жуки». Ну, один «Жук» и один буйвол появились. В мгновение ока все, кто был на улице, набросились на буйволов. Один из полицейских горел, его тушил коллега. Вся улица была заполнена голубыми полицейскими маячками. И вот мы теперь имели их там, как хотели! Это была самая дикая драка, в которой я когда-либо участвовал.

Буйволы применили новую тактику, жертвуя своими коллегами. Из какого-то «Жука» поступил приказ оттеснить нас на боковые улицы. При этом они послали одного «Жука» вперед — он был полностью забросан камнями. В этот момент сзади выехали еще два «Жука», а ни у кого из нас уже не было камней. Так они смогли нас оттеснить, но «Жук» был остановлен.

У «Гоу» они даже стреляли — один из автомата в воздух. А другой выскочил из-за щита и начал стрелять вокруг себя. Тогда это полностью

замалчивалось. Но их коллеги хорошо тогда получили — в них полетело немислимое количество бутылок. Тогда уже появились литровые бутылки с кока-колой. Мы подошли к одной заправке, где стояли грузовики, и шлангом слили с них бензин во все бутылки. Денег на бензин у нас не было.

Первые уходят

подполье, небольшие удары, аресты

Херманн: Когда это было?

Райндерс: Это было летом 1970-го. Сначала, то есть на третий день, была еще одна стычка. Но мы на нее не пришли, так как за нами целый день следили. Но буйволы в этот день всё равно получили по жопе. Они, наверно, думали, что если они нас блокировали, то ничего в этот день не произойдет. Но они просчитались: без нас тоже всё прошло круто. Это было последнее выступление наших бунтовщиков. После этого, в ноябре 1970-го, мы ушли в подполье.

Херманн: Как вы оцениваете такое утверждение, что ваш уход в подполье является якобы чистой случайностью? Вам кто-то, будто бы Якоб Урбах(3), подкинул взрывчатку, чтобы вы провалились?

Райндерс: Мы имели связь с Урбахом, но от одного железнодорожника мы получили информацию о том, что Урбах является осведомителем Ведомства по охране Конституции (БФФ). За это он якобы и вылетел с железной дороги. Позднее он приставал к Бомми по поводу его наркобизнеса. Он уверял, что может задешево достать 10 кг наркоты. После этого все, кто имел с ним дело, отделились от него. То, что он позднее стал очень активным, связано с нашими конкурентными отношениями с RAF. Дело в том, что, как полагала RAF, мы сильно интересовались оружием Урбаха, а наше предупреждение о том, что он является осведомителем БФФ, мы сделали якобы для того, чтобы сделать Урбаха в глазах RAF непартнероспособным. Они получили очень достоверное предупреждение, но Малер(4) не принял это всерьез. Он, как я думаю, решил и дальше поддерживать с ним контакт. Это была роковая ошибка.

Таким образом, получилось так: Берни и я спрятали в доме взрывчатку (эту смесь с клеем), а потом просто забыли о ней. Затем взорвалась бомба в доме еврейской общины. Я тогда посчитал это совершенно бессмысленным. Но брату Берни стукнуло в голову, что это могла быть та же самая смесь, что и у нас, — и он сообщил буйволам. За сообщение

информации по этому взрыву было обещано вознаграждение в 50 000 марок. Буйволы пришли к нам и нашли две большие упаковки. Вероятно, это была похожая смесь. Но я не думаю, что та же самая. В одной упаковке была смесь клея и сорной травы, в другой — смесь сахарной пудры с травой. Во всяком случае, буйволы нас обыскали. Брат Берни знал, чем мы с Берни занимались. Они искали Бомми, Берни и Бэра. Буйволы сначала не знали, кто такой Бэр, а это была моя кличка. Они нашли фото со мной и Берни, которое сделал один знакомый фотограф. Это фото обошло все газеты. И тут уже ничего нельзя было поделать. До сегодняшнего дня неясно, кто сделал этот взрыв. Это одна из тех вещей, которые я совершенно не понимаю. Один раз на допросе Малер(4) выдал, что эту взрывчатку под дом общины подложил Урбах, но я ему не верю. Думаю, что это была отговорка Малера, чтобы хоть что-то спасти. А могло быть и так: это могли быть некоторые из тех, кто тогда в Иордании общался с палестинцами, а там им вбили в голову убеждения о преступлениях Израиля, и те получили от них взрывчатку. А левые здесь были воспитаны в таком духе дружбы с Израилем. Поэтому и была сделана такая бессмысленная акция, но как было на самом деле, я не знаю. Во всяком случае, мы стали известны, буйволы нас искали. Было бы ошибкой считать, что люди, которые нас знали, говорили, что они нас не знают. Но тогда никому не приходило в голову откровенничать с буйволами.

Херманн: А что с братом Берни?

Райндерс: Ну... выродки существуют всегда.

Это было в октябре — ноябре 1969 года. Мы были в подполье, прятались у друзей, которых мы знали по «Парку» и другим забегаловкам. После Моабита нас поместили в следственный изолятор. Это был совсем будничным арест, как можно было себе представить. В квартиру зашли два буйвола, спрашивают: «Вы такие-то?» Мы: «Нет». А у нас не было даже документов. Мы сидели в полицейском участке и могли бы давать другие показания. Буйволы были довольно дружелюбны до тех пор, пока не узнали, кто мы такие. Они заперли нас в камере, затем мы познакомились с тюрьмой Моабит. В камере на стене был громкоговоритель, который включали три раза в день, насколько я помню: утром, в обед и вечером с восьми до девяти.

Херманн: Вам вещала RIAC (американское радиовещание в Западной Германии. — Б. Е.)?

Райндерс: Нет, хуже... Как это называлось?

Фрич: Estrongo Nachama (радиовещание «Новой синагоги» в Западной Германии. — Б. Е.).

Райндерс: Да, каждую пятницу. В это время как раз проходила реформа пенитенциарной системы. Тогда были ликвидированы старые кутузки. Тогда мы могли, например, уже ходить по кругу вдвоем, в то время как раньше ты ходил только один и не имел права разговаривать с заключенным перед тобой и сзади. Буйволы тогда разговаривали на таком языке, что я вообще не мог врубиться: что это за тон? Первые три дня я вообще не понимал, что происходит.

Фрич: В течение дня нельзя было лежать на кровати. Были такие откидные кровати, которые высоко закреплялись. Если ты днем ложился на кровать, *они* заходили — ты должен был встать и закрепить кровать наверху затвором.

Райндерс: Когда они входили, ты должен был подняться с табурета, встать к стене, назвать свое имя и регистрационный номер.

Херманн: Что такое регистрационный номер?

Фрич: Это преходящий номер, который дается задержанному при его регистрации.

Райндерс: Там уже были первые политические. Например, Георг. Буйволы ругались: «Эти длинноволосые нарушают нам тут весь порядок!» Политические, конечно же, не хотели поддерживать такой порядок.

За три дня до этого, как я въехал, случилась такая история. Арестанты между собой обменивались газетами, а буйволы, как коршуны, набрасывались, вырывали их и радовались, что захватили чтиво. Али Янсон из RAF несколько раз это наблюдал. Когда у него был «Штерн», он насрал в него, захлопнул, взял с собой на прогулку в тюремный двор и показал журнал буйволу. Тот радостно набросился на журнал и вырвал его из рук заключенного. За это Али схлопотал штрафной изолятор, но буйволы этого никогда не забыли.

В конце недели тюрьма вымирала. В субботу до обеда еще было какое-то движение, служащие — только до двенадцати, а затем всё медленно вымирало. Арестанты начинали изнывать. Некоторые стали избивать своих в камере. А буйволы пьянствовали и провоцировали людей. Например, громко включали радио, чтобы злить сидельцев. Те начинали барабанить по дверям — тогда буйволы врывались и начинали их избивать. Так было постоянно. А жратва была — я положил зубы на полку. Такая отвратительная! Я был вообще шокирован! Тюрьма окончательно стала для меня толчком к решению приступить к военным действиям.

Где взять оружие

*споры с RAF, освобождение Баадера,
рынки Пенни, пиратский радиопередатчик*

Нас с Берни выпустили через шесть недель. В то время был еще падающий режим арестов. Когда моя мать пошла к прокурору и попросила разрешение на свидание со мной, тот посоветовал ей обратиться к кому-нибудь другому, поскольку он ничем помочь не может. На него оказывалось тогда мощное давление сверху, которое заключалось в том, что политическая оппозиция должна сидеть, независимо от того, занимается ли она чем-либо или нет. Председатель верховного суда Майер насаждал этот принцип в прокурорской системе. Тогда прокурор Шлеман заявил, что он в этом больше участвовать не будет — не будет сажать невиновных людей в тюрьму, — и уволился.

Потом пришел этот пьяница... как его звали? Краузе! Он сделал всё жестко. Он не хотел нас выпускать. Исходил из того, что мы отношения к этому взрыву не имели, но, как он полагал, при таких обстоятельствах мы якобы должны были знать, кто это сделал.

Мы с Берни договорились, что на допросы ходить будем, но по сути ничего говорить не будем. Во время допросов у нас не было даже возможности выпить кофе или выйти. И вот сидят шесть гоблинов в помещении и разыгрывают комедию: двое дико агрессивные, один сидит и подражает нам во всём. И еще один интеллигент — он хотел с нами дискутировать о форме общественного устройства. Он, должно быть, читал какую-то книгу. Во время разговора курил трубку, чтобы выглядеть импозантнее. Он был ужасно смешон. Другой изображал этакого равнодушного и говорил: «Оставьте его в покое» или «Вы не хотите поесть?»

Нам всё это было смешно. Но там, внутри, в Моабите мне было довольно паршиво. Хуже, чем в течение тех пятнадцати лет, когда я сидел. Всё это было полностью неожиданным: этот тюремный режим, которого ты не знал, этот повседневный тюремный быт с его жестокостью.

Через шесть недель, когда мы вышли, то снова все встретились. Я познакомился с Ульрикой Майнхоф и другими. Были первые дискуссии между нами и RAF. Рафовцы хотели вызволить Баадера и в помощь получить от нас людей. Это был апрель 1970-го. Очень интенсивное время. Мы часто сидели вместе с Кунцелем(5) и говорили: «Надо заниматься другими делами».

Для этого представилось 1 мая. Тогда 1 мая было большим

событием. Большая демонстрация — 50 000 участников — прошла по Нойкёльну. Это были революционеры 1 мая, то есть не под контролем профсоюзов. Мы планировали три акции: против американцев, против банка общего хозяйства (BFG) и против Верховного суда.

Акция у дома Харнака не совсем удалась — влетела только одна бутылка. Остальные разбились о стенку дома. Мы были не так хорошо натренированы, чтобы попасть в окно второго этажа. А вот акция по банку BFG у театра Шиллера получилась. И еще была акция у здания Верховного суда. Она была успешно проведена ночью. Мы приставили к зданию ведра и канистры с бензином. В одну из канистр опустили электронагреватель, подключили его к электросети. Тогда мы были еще не очень опытные. Когда прозвучал взрыв, в здании еще находились люди. Бензин — всё-таки адская вещь!

Пылающий электронагреватель прорезал пластик канистры — бензин вылился наружу, затем всё произошло быстро. Взрывной волной с балкона выбросило двух человек, зал выгорел полностью.

В мае в Берлине состоялся парад войск союзников. Мы пошли на его генеральную репетицию. К тому времени были так называемые «говорящие буйволы», «группа 47» или что-то подобное. Они подошли к нам, выбрали несколько жертв и стали им всё подробно разъяснять. В это время сзади подошли другие буйволы, стали выдергивать наших, начали их избивать. «Говорящие буйволы» были возмущены, ведь мы же ничего такого не сделали, — и сцепились со своими коллегами. Это была настоящая драка. Мы перед этим задели одного английского офицера. Тот хотел установить наши персональные данные, так как Георг обозвал его Pig (свинья (англ.). — Б. Е.). Тот в своей высокомерной манере сделал вид, что ничего не заметил, пошел к ближайшему перекрестку и донес. Там стоял один буйвол в гражданке, который нас снимал, а мы хотели отобрать у него эту пленку. В этот момент драка стала еще сильнее.

Буйволы рубились между собой и уже не смотрели. Меня схватил за шею какой-то буйвол в гражданке, а те подумали, что на меня нападает какой-то взбесившийся прохожий. Я увидел пролетающий мимо меня кулак в серой перчатке, который так врезал этому буйволу, что тот пролетел половину улицы.

Они арестовали Шорти и Холи, меня тоже хотели бросить в «воронок», но тут вмешался Георг: «Вам не нужно его брать, вы же его знаете». Буйволы посмотрели друг на друга: «Разве мы его знаем?» — «Ну хорошо, можете идти дальше». Это спасло меня от шести месяцев тюрьмы. Меня они еще разыскивали из-за попытки уличного разбоя, так как мы хотели отобрать видеокамеру у буйвола в гражданке. Он, кстати,

был телохранителем Клауса Шютца(6). Тот ввел в оборот фразу: «Если ты вытерпишь двадцать пуль, то можешь покупать этот фильм». Однако вернемся к нашим военным делам в город партизан. Так уж выходит, что ты должен разбираться в людях. Если ты с ними знакомишься, то всё зависит от того, какие у тебя намерения и какую роль ты будешь играть. Случайности, конечно же, могут играть свою роль.

Фрич: Но в сухом остатке остается осознанно приятное решение.

Райндерс: Ты же не просто скатываешься из ниоткуда.

Фрич: Тебя очень быстро выносит из узкого действия, если ты не сам это делаешь. То есть нельзя сказать, что это чистая случайность.

Херманн: Каким всё же был шаг от спонтанного «делаем акцию» до городского партизана?

Райндерс: Мы больше спорили, чем делали. Тут была проблема. Мы рассуждали о вооруженной борьбе, но у нас не было оружия. И мы не имели понятия, где его взять. Те, кто приходил к нам из Западной Германии — такие как Ронни, — были вообще пацифисты и косили от военной службы в Бундесвере. А мы, берлинцы, и так не имели понятия об оружии. Ну, говорили: можно купить оружие там-то и там-то. По нашему тегельскому периоду у нас было много знакомых в криминальной среде. Часть из них, с которыми мы тусовались во времена юности, стали совершенными преступниками.

Во всяком случае, была ситуация неуверенности. Предательство в криминальных кругах всегда было делом обычным. Другие говорили, что оружие можно приобрести в Австрии, Швейцарии, Италии или Бельгии. Ну да, у нас было всего 800 марок, чтобы купить один автомат. Вечерами мы вскрывали и очищали торговые ларьки, каждый день ходили в супермаркеты с сумками и подворывали.

RAF в то время занималась созданием вооруженной организации, более интенсивной и более марксистско-ленинской. Мы с ними были тогда в экстравагантных отношениях.

RAF намеревалась выволить из тюрьмы Андреаса Баадера. У нас тоже обсуждалась тема освобождения арестованных. Мы не знали, правильно ли это, — ведь Баадеру оставалось отсидеть всего года два-три. С одной стороны, мы хотели его выволить. Мы сами только что пришли из тюрьмы и знали, что это такое. У нас было убеждение, что человек не должен сидеть. С другой стороны, мы говорили: «Для нас это очень крупное дело. Мы этого не хотим».

RAF напрямую говорила с Георгом — они его знали. Большинство акций организовывал он. Георг для них был самым вменяемым и самым надежным. Они хотели иметь его у себя непременно. Но тот им сказал:

«Если вы считаете, что мы еще не готовы, я в этом участвовать не буду». Он хотел лишь что-то сделать из нашей группы. RAF потихоньку собирала оружие: пистолеты, мелкокалиберные винтовки.

Однажды утром, когда мы лежали в ванной, пришла новость: Баадер освобожден. Нам стало ясно: всё стало намного серьезнее. Как мы и предполагали, началось! Полиция задействовала огромный аппарат. В это время мы налаживали первые контакты с уголовниками. Но у нас не было денег. А где они? В банках! Это был дальнейший шаг от размышлений к действию.

Мы всегда грабили какие-нибудь магазинчики. Во взломах были довольно искусны. Мы могли профессионально вскрывать замки и всегда находили хорошие объекты. Все другие дела были для нас слишком горячими. В ограблении автомашин мы также всегда были одними из лучших.

Сначала мы не имели об этом никакого представления. Студенты этого не умели. Они были из благополучных семей, те, кого я знал, не могли ограбить ни одного автомобиля. Потом пришла RAF и сообщила, что у них есть два специалиста по автомобилям. Мы обсуждали это и обменивались знаниями.

Потом мы познакомились с настоящим анархистом, в техническом отношении очень подготовленным. Его лозунг был такой: «Самобытные анархисты должны всегда оставаться самобытными, а вы находитесь гораздо ближе к этому». Он вместе с Руди Дучке собрал первый радиопередатчик и имел к тому времени телевизионный передатчик. С ним мы осуществляли акции, много ездили и включались в телевизионную программу. К сожалению, мы могли посылать только сигнал. Прибор имел короткий диапазон действия — несколько сот метров, до ближайших домов. Мы испытывали его в разных местах. Особенно удачен в этом отношении был один из холмов. Оттуда мы могли достать больше людей. Доходило даже до того, что когда мы сидели на передаче, то замечали, что буйволы идут. Всё шло отлично.

По этому пункту возник спор с RAF. Они хотели иметь такой передатчик, но анархист заявил: «Никогда и ни за что ни один марксист-ленинист не получит от меня этот передатчик! Этого не будет никогда!» У него были связи в Италии с людьми, которые действовали в Генуе. Это было время красных бригад. Они привезли пистолеты и мелкокалиберные винтовки. Затем мы испытали обрезы из ружей, начали делать бомбы из труб.

**В январе 1972 года мы присоединились
к «Движению 2 июня»
создание оппозиции власти, «гримаса террора»,
три банка в один день**

Хайн: Была ли в период зарождения «Движения 2 июня» печально знаменитая поездка в Майланд?

Райндерс: Это было раньше. Я об этом не знаю. Они поехали в Майланд до того, как некоторые из них уехали в Иорданию. Фритце, например, вернулся в Мюнхен и создал мюнхенский «Тупарамос».

Херманн: В 1972 году «Движение 2 июня» обратилось к обществу со своей программой...

Фрич: С этой программой тоже целая история. Кто-то когда-то написал это в качестве Положения о дискуссиях. Но мы сами познакомились с этим только в тюрьме. Ранее никто из нас об этом ничего не знал (*все смеются*). Никто вообще не знает, кто это написал! Во всяком случае, Положение о дискуссиях уже имеется.

Райндерс: То есть кто-то написал это Положение и попытался из него сделать Программу.

Фрич: В этом качестве оно никогда не рассматривалось. Ни одна свинья не знала этого.

Херманн: Этот документ рассматривается как программа «2 июня»?

В моей библиографии я это обозначил как Программу «Движения 2 июня».

Райндерс: Судьи также хотели использовать эту программу в качестве доказательства против нас. Они зачитали ее на суде. Мы обоссались от смеха!

Геус(7) как-то заметил, что здесь что-то не так. Во всяком случае, он очень хотел знать, кто это написал. Мы тоже. Мы у себя, конечно, всех опрашивали, но ответа так и не получили.

Херманн: Как же всё-таки выглядело самоопределение «Движения 2 июня», если не считать аморфные заявления результатам отдельных акций?

Райндерс: Уже перед «официальной» декларацией в качестве «Движения 2 июня» мы заседали три или четыре раза. Было двенадцать человек, представлявших три группы, среди которых было относительно большое совпадение мнений. Такое было нечасто. Была сильная фракция анархистов, а также сталинистская фракция, но их было немного. В январе 1972 года мы присоединились к «Движению 2 июня». Эта дата

связала всех нас — студентов, а также рабочую молодежь, — поскольку тогда всё было в разброде. Все знали, что означает дата 2 июня. Для нас дальнейшим и более важным обстоятельством было: с именем этой даты всегда будет указываться на то, что *они* сначала стреляли.

Фрич: В целом обсуждения тогда проходили открыто и широко. Я не знал тогда всю группу, но подобные дискуссии проводились и у нас. Приходило много людей, которые с этим вовсе не были связаны.

Райндерс: Да, так было. Все — независимо от того, кто они и откуда, — переносили эти дискуссии в свои группы. Это был какой-то общий скреп. В то время я уже был на нелегальном положении, но всегда знал, где и какие обсуждения проводятся. Но людей из местечка Кнофус я не знал. Так называемая банда Цаля-Крэхера-Кнофа имела свой опорный пункт в Нойкельне. Там у Цаля была типография.

Фрич: В 1971 году мы совместно с Кнофом основали «Джиппи»(8). А у Цаля мы создали «FIZZ», осколок от «883»(9). У «883» был конфликт, так как воинствующие боевики (они были на нелегальном положении) как-то сразу ушли, потому что там доминировало реформистское крыло. После них ушли оставшиеся радикалы.

Райндерс: Дирк Шнайдер тоже ушел.

Фрич: ...И они создали FIZZ. Это длилось долго, даже не полгода, так как Кнофо и Цаль исчезли.

Херманн: Ронни, а как ты пришел в «Движение 2 июня»? Через Кнофо и Цаля?

Фрич: Нет, они к тому времени уже пропали. Некоторое время я был в «Анархистском рабочем союзе», который также довольно быстро прекратил свое существование. Я всегда думал, что анархисты далеки от догматизма, но там я получил противоположный опыт. Они были какими угодно, но только не недогматичными. Они выгнали кого-то из своих рядов только за то, что он прошел курс капиталистического обучения и ссылался на Маркса. Это было уже немного абсурдно.

Хайн: Как вы пришли к названию «2 июня»? До этого ведь было «Триконтиенталь».

Райндерс: Первый раз это название мы применили при похищении Лоренца. Кто-то подумал: было бы хорошо использовать броское название, — и мы отошли от «Триконтиенталья». Своего рода доказательство нашего интернационализма.

Херманн: Некоторые мои вопросы благодаря вашим описаниям излишни, но я охотно хотел бы знать, каковы были ваши цели, даже если ваша программа «Движения 2 июня» была вами и не составлена?

Фрич: Как уже было сказано, Положение о дискуссиях в некоторой

степени было изложено корректно.

Херманн: В одном из интервью в тюрьме вы оба заявили, что никто из вас настолько не слеп, чтобы поверить, что через пять лет революция будет стоять перед дверью. Из чего же тогда должна проистекать борьба?

Фрич: Речь идет о том, чтобы создать оппозицию государству, усилить сопротивление. Тут дело вот в чём. Если кто-то действует, то могут найтись и те, кто способен это воспринять. То, что мы с двумя десятками людей победим государство, полный абсурд! Так не бывает. Нашу форму организации мы представляем в виде ячеек. Это был тот шаг, который уже больше не делают. После похищения Лоренца у нас было намерение поделить группу — так, чтобы действующие члены ячейки создавали другие ячейки. Такой метод можно применять в специфических сферах, например на предприятиях. Там мы хотели создавать центр тяжести нашей борьбы.

Райндерс: На некоторых предприятиях мы уже имели практически опорные пункты. Так, например, в августе 70-го на предприятии «Линхоф» на Зильберштрассе. Там в то время опять начались массовые увольнения. Мы планировали провести эту акцию совместно с RAF. Хотели туда проникнуть, вынести остатки оборудования и материалов, замазать указатели, подписи и разломать кресло хозяина. Всё конфискованное мы планировали продать, чтобы у рабочих были хоть какие-то деньги. Одновременно мы хотели поджечь машину Линхофа и бросить бомбу в его гараж.

Проблема состояла в том, что RAF, которая всегда с пафосом говорила о власти рабочих, о марксизме-ленинизме, который они так хорошо нам разъясняли, — ее на эту акцию невозможно было подвигнуть. Мы к этому времени разделились по задачам: RAF берёт фабрику, так как они лучше к этому подготовлены и у них лучшие материалы, а мы — гараж и машину. Конец «песни» был такой: RAF ничего не сделала, а мы тем не менее решили «сделать» автомашину Линхофа.

Группа состояла из трех человек. Один сидел в машине, двое вошли в открытый гараж, разлили пять литров бензина и поставили в угол бомбу с коротким запалом. Когда выходили из гаража, то задали себе вопрос: а что будет, если бомба не сработает? Чтобы было наверняка, один из нас зажег запал для розжига угля и бросил его в направлении гаража. И тут состоялась «гримаса террора», как позднее писали в газетах. Обоих отбросило к забору, на одном одежда была в лохмотьях. У второго товарища полностью, за исключением части, закрытой солнечными очками, обгорело лицо. Они потом через весь город гнали на автомобиле,

а тот в это время держал свою морду на ветру, чтобы охладить ее. У первой же водяной колонки он обмыл раны. На этой акции мы опять убедились: бензин — адская вещь!

В Мюнхене была еще одна акция — в отношении некого судьи. Буйволы потом искали труп — они были уверены, что поджигатель не мог остаться в живых. Товарищи тогда влили пять литров бензина в подвал дома и зажгли запал для розжига бензина. Рука соратника даже еще не была у окна, когда подвал взлетел. Но с поджигателем, к счастью, ничего не случилось, поскольку он стоял за выступом. После этих историй мы были очень осторожны с бензином и всякими манипуляциями с ним.

Фрич: Еще раз к фразе «гримаса террора». Когда они арестовали того парня, всё его лицо было в волдырях, а волосы сгорели. В газете «Баварский курьер» появилось большое фото с таким заголовком.

Райндерс: Но его арестовали не в связи с этим. Буйволы не знали точно, что, собственно, произошло. После этого RAF планировала взять три банка, а четвертый мы должны были взять на себя. У них было достаточно оружия и материалов, чтобы осуществить задуманное. Мы встречались, обсуждали, высказывали свое мнение. По нашему мнению, это было слишком круто: четыре банка в один день! Будет много неприятностей. Буйволы наверняка задействуют весь свой огромный аппарат. В конце концов после долгих споров мы решились: да наплевать, мы сделаем это!

Мы много говорили о банках, и ситуация казалась нам благоприятной, чтобы начать действовать. К тому же нападение на четыре банка одновременно давало нам определенное преимущество. Но потом, в сентябре 70-го, мы всё же остановились на трех банках. Перед четвертым работали строители, вследствие чего у нас были определенные опасения. Было запланировано в один банк бросить дымовую шашку. Но от этого пришлось отказаться, когда мы увидели, что туда вошла женщина с детской коляской. Кроме того, один из нас ездил вокруг и создавал помехи для полицейской рации. Он делал такие помехи, что центральная едва-едва могла связываться с полицейскими машинами, а те вообще не имели связь с центральной. Первое нападение состоялось на углу Хауптштрассе и Райнштрассе. Была тревога — буйволы рванули туда. Вторая тревога последовала на Альтонаерштрассе. Они подумали, что первое сообщение было ложным. И вдруг третье сообщение из Штеглица, площадь Брайтенебах. Всё прошло очень даже здорово.

Херман: Они на вас что-то повесили из-за этих акций?

Райндерс: Нет, как раз наоборот.

Фрич: Дела 1974 года они прекратили ввиду их незначительности.

Райндерс: Тут была интересная история в отношении преследования RAF и лжи буйволов. Через некоторое время с нами разговаривала одна журналистка из «Штерна». Она сообщила нам, что буйволы исходили из того, что на один из банков напали мы. Они якобы это знали, но не проявили к этому интереса. Они тогда всё это хотели повесить на RAF. Мы тогда, в противоположность RAF, существовали легально. На нашем процессе в связи с главным свидетелем Хохштайном(10) для меня речь здесь шла о том, чтобы показать, как делаются главные свидетели, что на банк на Альтонаерштрассе напали мы. Концовка песни была такова: я якобы отказался от признания о нападении на банк. Ни одного слова тогда не было убрано из вранья Руланда(11), а буйволы его речь перевернули так, чтобы приговоры получили нужные им люди.

Ограбления банков

*закрытые кассовые кабинки, пути отхода, шоколадные поцелуи
для клиентов*

Херманн: Какую функцию имели для вас нападения на банки?

Райндерс: Нам нужна была капуста для оружия и логистики. И это была хорошая возможность, как и прежде при незначительных акциях, наблюдать за людьми с оружием в руках. Мы действовали в ситуациях, которые были более стрессовыми, чем когда мы ночью бросали куда-то бутылки.

Мы спорили также о том, нужны ли нам люди, которые, получив в руки оружие, ощущают свою власть. Или же у них просто сдадут нервы, и они наложат в штаны? Этот аспект для нас вырисовывался всё более явственно. С одной стороны, нам нужны были бабки: на протяжении длительного времени у нас были проблемы с деньгами, особенно после того, как мы ушли в подполье. Их надо было доставать. Кроме того, нужно было помогать родственникам тех, кто сидел. С другой стороны, всегда важно знать, как товарищи будут вести себя во время акции, будут они спокойны и хладнокровны, или у них сдадут нервы.

Херманн: Как вы решали ситуацию, если вдруг один из служащих банка заявит вам, что не будет выдавать вам деньги, или один из клиентов встанет у вас на пути?

Райндерс: Тут однозначно он получит по морде, или мы выстрелим ему в ногу.

Фрич: Мы это часто обсуждали, что из-за денег не будем стрелять.

Райндерс: В большинстве случаев мы ставили оружие на

предохранитель. Мы брали его только на случай встречи с полицией. Но ни в коем случае не для использования его внутри! Только в случае необходимости, когда, например, какая-нибудь курица начнет передавать по факсу, — тогда она получит по ногам. Мы действовали довольно быстро — инициатива была в наших руках. Мы так распределяли между собой функции, что люди вообще не испытывали желания оказывать нам сопротивление.

Только один раз был случай — это в Лихтерфельде, — когда один кассир отказался выдать нам деньги. Мы сделали предупредительный выстрел в кассовый аппарат, но это его не сбilo с толку. Тогда мы стали угрожать одной секретарше в надежде, что он выйдет из своей кабинки. Но он не вышел. Мы были в отчаянии: что делать?! Уже вообще хотели сматываться, но вдруг заметили, что в двери в кассовую кабинку с внешней стороны кассир оставил ключи. Это спасло ситуацию. В этот день мы спокойно вышли наружу.

Херманн: Какое чувство вы испытывали при нападении на банк? Был ли стресс?

Фрич: Ну, перед этим мы уже начали тренироваться. Преимущество банка состоит в том, что там всё статично и ты можешь хорошо планировать. Ты можешь проиграть все возможные варианты. Что может произойти? Что делать в этом случае? Всё довольно прозрачно, и накануне мы всё проигрываем. Как ты себя поведешь, когда у кого-то сдадут нервы или какой-нибудь дедушка с клюшкой пойдет на тебя? Всегда может что-то произойти: у кого-то сдадут нервы, да и полоумных всегда хватает.

Райндерс: Мы, к примеру, выбираем всегда самого сильного среди нас. У него задача — стоять посреди помещения или у двери, держать всех посетителей в поле своего зрения, а если кто-то хочет сбежать, приблизить его к себе. Но мы заметили, что люди не капризны, они всегда в ступоре от страха. Они скорее в таком...шоковом состоянии. Ты можешь с ними вообще не говорить. Они, как правило, неадекватны и не двигаются. Ты должен заставить их спокойно стоять.

Фрич: Есть такие маленькие психологические приемы. Например, ты стоишь перед окошечком в кассовую кабинку, а в это время другой участник заходит туда сзади. А кассирша сидит как парализованная и смотрит на твой пистолет. Иногда просто достаточно сказать: «Выходи!» Если она всё равно не двигается, то взводишь курок — и она вылетает пулей наружу. Эти детали мы заранее обсуждали. Чем мощнее ты себя подаешь, тем меньше неожиданностей. Это означает, что с самого начала надо создать совершенно ясную ситуацию. Это, правда, звучит грубо, но

но соответствующе. Неожиданностей не случается, если никому не приходят в голову глупые мысли.

Райндерс: Мы никогда никому не причиняли ничего плохого, даже наоборот. Во время судебных заседаний они были нам признательны, как мы с ними были дружелюбны и приятны! Каких-то значительных инцидентов не было.

Херманн: По каким критериям вы выбирали банки — например, на Зеленой дороге?

Райндерс: Было так. Среди нас было пять-шесть человек, которые знали практически каждый банк в Берлине. Я тогда совершенно был сбит с толку — ориентировался на банки, а не на улицы. Мы действительно знали почти все сберкассы, берлинские банки, банки для торговли и промышленности. Коммерческие банки мы не трогали — у них тогда уже были закрытые кассовые кабинки.

Фрич: Так или иначе, мы всегда шли туда, где больше денег.

Райндерс: Когда я только начинал, в Берлине было семь или восемь банков без кассовых кабинок. Были только решетки. После трех нападений не осталось ни одного банка без кассовых кабинок. Но сберкассы, которые относились к Берлинскому банку или к ВНИ (крупная фармацевтическая компания в Западной Германии — Б. Е.), имели внизу окошечко, так что ты мог угрожать кассиру. Коммерческий банк и другие имели закрытые кабинки, поэтому ты никак не мог приблизиться к кассиру.

Но тут в Берлине произошел случай, который сыграл нам на руку. Один *перец* грабил банк, где кассир отказался выйти из кабинки. Тогда грабитель вытащил управляющего банком и прострелил ему колено. После этого все чудненько выбегали из кабинок, и никто больше не кобенился.

Вообще, часто бывали случаи, когда все эти неожиданности были нами заранее предусмотрены. Один раз нам в руки попала должностная банковская инструкция, в которой было написано, что при нападении на банк надо следовать всем указаниям грабителей. Вероятно, для банков выходило дороже на протяжении нескольких лет платить подстреленному посетителю компенсацию, нежели зараз потерять деньги, которые они так и так компенсируют страховкой.

Фрич: Первым критерием были пути отхода. Как ты смоешься с места акции? На улице Вильмерсдорф нельзя было делать ограбление. А сегодня тем более: ты вышел и стоишь в пробке.

Райндерс: Мы обследовали местоположение банка с той точки зрения, чтобы при отходе могли прибыть к такому месту, где преследователь, какой бы он ни был, не мог гнаться за нами на автомашине. Было важно,

чтобы нельзя было стрелять. То есть место должно быть такое, чтобы мы пешком могли перейти ко второй машине, а преследователь глупо стоял, поскольку не мог переехать через тротуар или сквозной проезд был слишком узок для машины. Мы всегда так делали из соображений безопасности, ибо никто не хотел на улице стрелять в преследователя.

Один раз был случай: нас кто-то преследовал, мы показали им пушку — и они приткнулись вправо. В другой раз в одном банке мы сами подняли тревогу. Это был вообще похабный банк. У кассира деньги лежали в тысячах мест, и он их собирал. При открытии одного ящика кто-то не увидел тревожную кнопку — и пошло. Когда мы сиделись в машину, то снаружи звенело. Нам навстречу выехала машина, убирающая мусор. Мы показали водителю пушку, но он всё равно бросился за нами в погоню. Буйволам он рассказывал героическую историю: он будто бы пытался наброситься на нашу машину, а мы его просто объехали и стреляли в него. Но, как сами буйволы потом говорили, они сильно сомневаются в том, что стрельба вообще была.

Херманн: А как вы вообще пришли к идее «поцелуй негра»?

Райндерс: Банк «Зеленая дорога» был нам удобен. Два года назад мы его «сделали» — взяли 230 000 марок. Там ничего не изменилось, поэтому мы его имели на прицеле. А идея «поцелуя негра» пришла к нам после «Лоренца». Мы были в отличном настроении, но после Стокгольма(12) всё пошло наперекосяк. Началась пропаганда, что мы, мол, действуем против простых людей. Создавалась атмосфера страха — люди чувствовали угрозу. Они даже объявили, что следующей похитят продавщицу цветов Хайке — так же, как Лоренца. Мы подумали и решили кое-что противопоставить этой пропаганде. Хотели продемонстрировать, что мы еще здес и что простым людям вообще не нужно нас бояться. Люди не ели «поцелуи негра», и это, наверное, было правильно, так как они были паршивы. Мы их закупили оптом у Вулвёс. Они были безнадежно старые. Нам тогда нужны были срочно деньги, поскольку у нас были потери: Ронни был арестован, и часть инфраструктуры пропала. Мы должны были в один день взять два банка, но не получилось по техническим причинам. Сначала выбыл один из наших, потом была проблема с машиной. Нам нужно было купить еще один автомобиль, поэтому на следующий день мы сделали банк в Шмаргенсдорфе.

Херманн: А как реагировали люди на «поцелуи негра»?

Райндерс: Однажды их раздавала одна женщина (это в районе Грюнер вега). Однажды надо было успокоить ребенка, девочку лет двенадцати, — она ужасно редела. Мы с ней поговорили, пока она не успокоилась. В Шмаргенсдорфе люди их едва брали. Они были в ступоре

от страха. Это всегда проблема — сначала они ужасно пугаются. RAF нас за такие вещи сильно критиковала.

С этого дня на нас снизошла большая популярность, но мы больше не хотели бы воспринимать это дело всерьез.

Херман: А как вам пришла в голову идея раздавать листовки с конъюнктурной программой?

Райндерс: Да, мы подумали, что недостаточно просто раздавать «поцелуй негра». После всех арестов хотелось показать: мы еще здесь. Настроение среди левых было шатким: туда-сюда, вверх-вниз. А после арестов многие думали: а стоит ли оно того? Всё равно всех арестуют. Поэтому мы хотели всем показать, что мы существуем. Скорее это была самоирония.

Херманн: А что означает в вашей листовке фраза «...Надеюсь, всё идет хорошо?»?

Райндерс: А, ну как раз про это. Нельзя забывать, что банковские служащие страшно боятся того, что буйволы приедут слишком рано. Посетители не знают, а банковские служащие знают очень хорошо, что наибольшая опасность исходит именно от буйволов. Дело в том, что когда они приезжают, то сразу начинают стрелять.

Херманн: Откуда ты это знаешь? Ты с ними говорил?

Райндерс: Нет, но ты знаешь это по тому, что замечаешь. Они хотят, чтобы ты быстрее ушел. Собственно, они всё делают для того, чтобы ты быстрее получил деньги и слинял.

Фрич: Есть буйволы, которые просто боятся слишком рано приезжать. Однажды это проявилось очень четко. Во время ограбления один из наших сидел дома и перехватывал переговоры полицейских для нашего дальнейшего анализа. Так вот, мимо этого банка проезжал один буйвол и услышал сигнал тревоги. Он стал повторять: «Прошу вашего указания». Это что?! «Я прошу вашего указания!»

Райндерс: Он стоял рядом с банком, ему надо было просто заехать за угол. Но у него не было желания. Когда мы в процессе отхода пересели во второй автомобиль, они все с мигалками подъехали к банку, а тот всё еще тупо хотел, чтоб его проинструктировали. У некоторых по-настоящему нет желания.

Фрич: Буйволы тоже были хитрые.

Райндерс: Была одна примечательная история в Мюнхене. Гангстер по фамилии Роммельмайер при ограблении банка взял в качестве заложницы одну служащую — так они ее застрелили. Было объявлено, что это он ее застрелил, хотя это сделали буйволы. С тех пор во всех банках настрой был абсолютно однозначным: только бы *они* не пришли! Я думаю,

что уголовники в некоторой степени устлали нам дорогу, поскольку они делали такие вещи, которых мы никогда бы не сделали. Люди больше боялись. Когда вдруг пять человек внутри, то они тогда ничего больше не видят. Как правило, они могут напасть на одного человека, самое большое — на двух. А когда пять: один у кассы, второй у окна, блокирует окно....

Легальные и нелегальные левые *социальный скреп, обмен мнениями, финансирование*

Херманн: Тут вот что бросается в глаза на понятийном уровне: вы отделяете себя от уголовников, а в прессе вас называют террористами. Какую бы вы тогда дали себе классификацию?

Фрич: Террористы? Я протестую против такого клейма! Террористы на другой стороне. Террор есть слепое насилие. А мы никогда не использовали насилие неразборчиво.

Райндерс: Мы же никогда не делали уголовных вещей. Это то, что отличает нас от уголовников. Они грабят банки, потому что хотят красиво жить, а нам нужны бабки, чтобы действовать дальше на политическом поле. Что сегодня часто замалчивается в отношении наших нападений на банки — так это то, что мы финансировали многие легальные проекты. Например, чилийская кампания после путча Пиночета финансировалась исключительно нами. Мы были единственными, кто быстро предоставил деньги. Мы финансировали газеты, все эти рабочие группы, выпуск листовок. Ну, конечно, не все, но многие проекты.

Херманн: Как у вас происходил обмен с легальными левыми? Ввиду того, что у вас был логистический аппарат, требовалось время для всей этой работы, было ли у вас еще время вести с ними политические дискуссии?

Райндерс: Мы имели не только нелегальные, но и легальные формы работы и многое обсуждали между собой.

Фрич: У нас было немного по-другому, чем у RAF. У нее было требование: ты должен после себя сжечь все мосты и с фальшивыми документами уйти в подполье. У нас же было так: пока буйволы на тебя не положили глаз, то ясно, что ты на легальном положении. Так меньше издержек. Для нелегального положения нужны люди, которые предоставят тебе фальшивые документы, нужна квартира — а это большой дополнительный расход. А кроме того, с людьми на нелегальном положении мы далеко не всё можем делать.

Фрич: Я незадолго до ареста был на легальном положении, и мы

все были в других группах.

Райндерс: Иногда товарищи на нелегальном положении встречались с людьми, которые их знали, обсуждали что-то на встречах. Пусть даже они и говорили не много, но это всегда поднимало им настроение. Но вообще-то, мы делали это слишком редко. Это мы уже потом поняли, в тюрьме. Надо было это делать чаще.

Фрич: Я думаю, мы обсуждали много проблем — по крайней мере, с людьми, которые что-то сделали. Я, например, вспоминаю акцию с листовками после похищения Лоренца. Нами было запланировано распространить 50 000 листовок. Мы распространили 30 000. Подсчитали, что за полчаса один человек может бросить 200–250 листовок в почтовые ящики. При этом нужно было учитывать, что кто-то может позвонить в полицию. Вся акция должна длиться не более получаса. Так и было. В тот вечер в период между 19:30 и 20:00 было распространено 30 000 листовок. Невозможно подсчитать, сколько людей участвовало в этой акции. И это буйволов шокировало больше всего.

Райндерс: Это произвело на них впечатление — уже хотя бы потому, что их присутствие на улицах в это время было очень плотным. Они стояли на каждом углу.

Херманн: Еще раз к вопросу о структуре групп. Ствол в руках всегда подразумевает готовность при определенных обстоятельствах нажать на курок. Не было ли опасности, что такая готовность к насилию когда-нибудь сорвет стопор? Это может быть в группе или в личных отношениях. Как вы такое переживали?

Райндерс: Мы говорили об этом довольно часто. Получилось так, что у нас в группе было несколько людей, которые получили опыт с самого начала. Конкретный пример — история с RAF: Герд Мюллер, которого позднее на процессе сделали главным свидетелем. В Гамбурге застрелили буйвола. Между отделениями RAF Рольфом Полем, Иной Зипманн и мной был спор. Мы были шокированы тем, что Мюллер по этому поводу выражал что-то наподобие радости или восторга. Ну хорошо, была стрельба, буйвол мертв. Мы от этого не плачем, так как буйвол тоже стрелял и мог попасть в любого из нас. Но нет никакого основания радоваться и гордиться этим. Этот спор настолько тогда обострился, что мы ушли. У нас с самого начала проводилась беседа о правилах применения оружия.

Фрич: Ты уже замечаешь, как человек постепенно меняется. Когда люди получают в руки оружие, они действуют немного по-другому. Оружие в твоих руках что-то значит.

Херманн: Ощущение власти?

Фрич: Я думаю, да. У нас было два человека, чье поведение привело к жарким дискуссиям. Один из них был арестован вместе со мной. То, что он был арестован, — вообще случайность, так как против него вообще ничего не было. Он должен был снова легализоваться. И был уже практически на воле. Если бы буйволы пришли на день позже, он бы не провалился.

Хайн: Было ли такое, что вы некоторым товарищам говорили, что не очень хорошо, если они ходят с оружием?

Фрич: Ну... у одного из наших был такой пунктик. В конце концов, после долгих разговоров пришли к тому, что он должен быть легализован. И он наконец сказал, что хотел бы уйти работать на предприятие.

Райндерс: Использование оружия у нас всегда было предметом спора. Было ясно, что ни один из наших не вылетит из группы, если заявит, что при стычке он не будет стрелять. Это, конечно, смешно, когда ты в деле с оружием и не можешь его использовать, поскольку это довольно опасно.

Фрич: У нас постоянно были споры не об оружии вообще, а о его применении. Как ты поведешь себя в определенной ситуации? Например, идешь по улице, навстречу тебе буйволы. Всегда должна быть исключена возможная угроза случайным людям. Если бы у нас был кто-то, кто придерживался такой точки зрения: «А мне насрать, всё равно я убегу!», то ему бы ничего не отломилось. Поэтому у нас никогда не было бездумной стрельбы, если не считать Георга(13), но там была другая ситуация. С самого начала всегда думаешь, как ты подойдешь к делу. Вот ты идешь, а тебе навстречу буйвол. Ну так что — ему не повезло? А ты в это время размышляешь: что может произойти и как обойти эту ситуацию?

Райндерс: Разговоры крутились не только о посторонних прохожих, но и о маленьких буйволах. Как можно избежать конфронтации с ними? Он вечером хочет идти домой. Настрой должен быть такой: те буйволы, которые заезжают в банк, знают, что если они заехали, то ничего не случится. А когда он думает: «в моего коллегу сейчас где-то стреляют», то он становится первобытным. Они чувствуют какую-то угрозу для себя лично, поэтому у них появляется сильная мотивация искать врагов.

Херманн: Но иногда следствие всё же неизбежно: или ты уложишь полицейского, или он...

Райндерс: Только в случае крайней необходимости. Но не тогда, когда тебя остановит полицейский пост, потому что у тебя не горят габаритные огни. Ты же в этом случае не думаешь, что буйволу не повезло. Мы говорим: «У нас документы в порядке — можем показать».

Херманн: Вам встречался Грюнхаген из Ведомства по охране

Конституции?

Фрич: У нас он странным образом не появлялся, а так посещал в тюрьме всех арестованных. Он только у троих не был: у Фрица и у нас двоих.

Райндерс: Первый раз Грюнхаген появился после тройного нападения в 1970 году. Тогда они забрали с собой Ину Зипманн после обыска в ее квартире. А после допроса он болтал с Иной и дал ей понять, что он не буйвол. Мы склоняемся к тому, что он был психологом. Это было время, когда полиция начала работать совместно с психологами. Затем, позднее, он появился при Шмюккере(14).

Херманн: После того, как вы в 1975 году попались, они вам не делали вообще никаких намеков на сотрудничество с Ведомством по охране Конституции? Они вам что-то предлагали?

Райндерс: Полгода я вообще не видел ни одного буйвола. Затем пришли сразу пять или шесть друг за другом. Это было незадолго до ареста Андреаса Фогеля в феврале 1976 года.

Херманн: А как просматривается ситуация в отношении Мёлленброка(15)? Он всегда появлялся в связи с Грюнхагеном.

Райндерс: Я о Мёлленброке немного знаю.

Фрич: При мне сначала приходили буйволы и хотели меня разговорить. Через несколько дней они оставили эту затею. Потом, после того как арестовали Рольфа и других, они снова пришли. Но об аресте стало известно не через СМИ. Ну вот, они пришли — прямо светились от радости: Пржитарски(16), Мёлленброк и еще двое буйволов. «Ты знаешь этих? — Они положили передо мной фото арестованных. — Это твой последний шанс, один из них уже поет». Я на это только рассмеялся. Мёлленброк, мой специфический «друг», пришел ко мне через неделю и начал (при этом нужно упомянуть, что мой отец был тогда довольно стар): «Твой отец тяжело болен, он при смерти. Если ты хочешь его увидеть, ты должен начать говорить. Тебе нужно рассказать самую малость, ну хоть что-то сказать, иначе ты не увидишь его никогда». Я чуть не съездил ему по роже. Тут вообще было что-то не так — ничего человеческого. Это было уже подло. При этом мне пришло в голову, что Мёлленброк приходил уже несколько раз и предлагал мне: если я уж не хочу выступать в роли главного свидетеля, то он мог бы наладить контакт с организацией, которая не обязана осуществлять уголовное преследование...

Примечания:

1. FDJ - Свободная немецкая молодежь, детская организация Социалистической единой партии Германии (ГДР).
1. «Hair 2» - тематические и коммерциализованные выставки о жизни хиппи.
2. Петер Якоб Урбах — осведомитель БФФ, действовал как агент-provocateur.
3. Хорст Малер — медийный адвокат, сооснователь RAF, в 1972 году был приговорен к 15 годам лишения свободы, вышел на свободу через десять лет.
4. Дитер Кунцельман — «оппозиционер одного часа», участник акции в поддержку «К1» и компартии Германии. Наконец, депутат земельного парламента в Берлине от Альтернативного списка.
5. Клаус Шютц (Социалистическая партия Германии) — с 1967 по 1979 год правящий бургомистр Западного Берлина.
6. Председательствующий судья 1-го уголовного Сената при верховном суде Берлина.
7. Джиппи (JP) — «Молодежная международная партия» См. хронологию с 1 мая 1971 года.
8. FIZZ и «agit 883» — подпольные журналы революционных левых.
9. Райнер Хохштайн — гамбургский анархист, который помогал «Движению 2 июня», но не был принят туда.
10. Карл-Хайнц Руланд — был первым главным свидетелем против RAF.
11. См. хронологию от 24 апреля 1975 года.
12. Георг фон Раух — устроил перестрелку с полицейскими у студенческого общежития Сигмундсдорф.
13. Ульрих Шмюккер: см. хронологию от 4 июня 1974 года.
14. Мёлленброк — гособвинитель в Берлине. Участвовал в процессах против «Движения 2 июня». Нелегально сотрудничал с БФФ. Позднее — госсекретарь при Сенате по внутренним делам.
15. Пржитарски — гособвинитель в политическом отделе в Берлине. Выступал на процессах против «Движения 2 июня». Работал тайно на БФФ. Позднее зам. руководителя Берлинского БФФ.

Об интервьюерах

Клаус Херманн в рамках выставки в Берлине/Нойкёльн обрабатывал главу «Акции “Движения 2 июня”».

Петер Хайн в течение нескольких лет работает над архивом левых изданий и в издательстве ID-Archiv издал библиографию «Городской партизан: вооруженная борьба в ФРГ и Западном Берлине».

Похищение Петера Лоренца

В четверг, 27 февраля 1975 года, служебную машину тогдашнего председателя земельного ландтага от ХДС Петера Лоренца останавливают в Берлине на улице Кверматенвег. Последующие пять с половиной дней Петер Лоренц проводит в «народной тюрьме» «Движения 2 июня». В обмен на Лоренца выпускают двух участников демонстрации и пятерых заключенных различных западноберлинских групп партизан, которые после освобождения вылетели в Народную Республику Йемен.

Спустя двадцать лет берлинская газета «Юнге Вельт» опубликовала серию статей, в которой два участника рассказали, как всё происходило. Похищение Лоренца было своего рода вехой в истории леворадикальных боевых дружин в ФРГ. Это было первое и единственное похищение политика, которое сделало возможным освобождение товарищей.

Вопрос: Через неделю после похищения журнал «Шпигель» написал: «Четверг последней недели должен был стать для Лоренца корочке. Впервые за несколько недель он хотел вернуться домой пораньше. В 8:52 главный кандидат (ХДС) попрощался со своей женой Марианной («Лебеди прилетели, скоро наступит весна») в Целенхофе, добавил «до вечера» и поехал в своем служебном черном «Мерседесе», управляемом водителем Вернером Совой, между Грюневальдом и коттеджами. Этот день стал для него длинным. Лоренца увидели только через двадцать четыре часа на свежем фото полароида, без очков, с картонной табличкой «пленный». Те, кто его сфотографировал и послал фото по почте, похитили его в четверг (27.02.1975) в 8:55 в 1,5 км от его виллы после того, как его «Мерседес» был блокирован четырех тонным грузовиком и протаранен «Фиатом», а его водителя Сову ударили черенком от метлы». Это было так?

Райндерс/Фрич: Почти. За исключением черенка от метлы. Метла была лишь маскировкой. Это, собственно, была железная труба, обмотанная изоляцией. А вот чего не знал «Шпигель», так это того, что у нас были проблемы. С одной стороны улица Кварматенвег, лес, с другой — в основном виллы. А тот, кто ударил водителя со стороны леса, подметал лес. Так как Лоренц выехал в этот день на час позднее, этот человек целый час подметал лес, что никому не бросилось в глаза.

— Как долго держали Лоренца в плену?

Райндерс/Фрич: 5 дней.

— *Какие требования были?*

Райндерс/Фрич: Одно требование — освободить демонстрантов, попавших в тюрьму за участие в демонстрации в поддержку Хольгера Майнса(1). Затем они должны были отпустить шестерых пленных: Габи Крёхер Тидеман, Рольфа Хайслера, Рольфа Поля, Ину Зипман, Верену Беккер и Хорста Малера.

— *Акция была вами довольно хорошо спланирована. Когда вы начали к ней готовиться?*

Райндерс/Фрич: Сначала мы хотели достать деньги, поскольку сидели, в общем-то, на мели. Ограбления банков, которые мы до этого осуществили, принесли нам деньги, но их хватило лишь на несколько месяцев. Дополнительно мы финансировали легальные вещи, такие как журналы и радиопередачи. И мы подумали, что решим проблему основательно, прихватив мешок денег в Берлине. И с этой целью решили накануне акции обучить всю группу. Мы получили информацию о нескольких денежных мешках в Берлине. Нашли одного такого. Для прикрытия дали жертве погоняло Сержант — исходя из ливерпульской программы битлов «Одинокое сердце сержанта Пеппера». Это был совладелец Европейского центра. Кроме того, у нас была информация, что он «весил» 6 миллионов, то есть мог бы эту сумму спустить. Он был замешан во многих строительных делах в Берлине.

Для планируемой акции нам нужен был большой подвал или две квартиры — одна над другой. Похищенный должен был иметь хорошие условия содержания. Мы не хотели иметь отношения к мафиозным историям, когда похищенный содержится в тесном ящике, а потом становится инвалидом.

Наконец, мы нашли магазинчик на Шенкенсдорфштрассе. Когда нашли это место, то впервые пришли к единому мнению несмотря на то, что напротив была штаб-квартира ХДС, а за углом — охрана. Затем предприняли дальнейшие действия для похищения «Пеппера». Мы хотели, чтобы буйволы вышли не на нас, а подумали на «нормальных» уголовников. Они не должны были заранее знать, что мы способны на такие акции. Поэтому нам нужно было доставать автомобили другим способом, нежели обычно(2). Тогда можно было ждать у любой почты. Водитель обычно выходит из машины, мотор не заглушает. И мы подыскивали такую почту, где рядом были гаражи. Мы знали, что водителю надо было дойти пешком до почтового ящика метров тридцать. Вскоре подъехал один, вышел, мотор не выключил — и мы угнали машину, не оставив следов.

Для передачи денег машину надо было переделать в такси со

складывающимся багажником. Было запланировано, что один из нас должен был ехать в такси, а заложник — лежать в багажнике, чтобы его поменять на идентичный чемодан с деньгами. Это для демонстрации того, что, если вдруг буйволы будут ехать сзади, то им должно было быть ясно: какой-то тип едет в такси — и мыслей о какой-то передаче денег не возникнет.

Кроме того, мы начали обустривать подвал. Всё, что нам было нужно, мы своровали на стройплощадке. Акцию «Пеппер» мы хотели провести в период с начала до конца декабря 1974 года. Однако развитие голодовки арестантов из RAF и других помешало этому. Голодовка началась 13 сентября 1974 года и продолжилась до 5 февраля 1975-го. Требование голодающих было, чтобы их содержали в нормальных условиях, то есть такое же, что и у остальных заключенных. Сначала проблемы не было, так как мы думали, что голодовка продлится недели две, максимум три. Однако мы сильно недооценили сложившуюся ситуацию.

К тому времени на всех легальных площадках резко возросла активность в связи с этой голодовкой. Мы стали принимать участие во всех легальных и не совсем легальных акциях, так что времени на более крупные акции не оставалось. Со смертью Хольгера Майнса и расстрелом председателя Верховного суда фон Дренкмана наши возможности по похищению «Пеппера» резко уменьшились. Акция в отношении Дренкмана было прямым ответом «Движения 2 июня» на смерть Хольгера.

Вообще, акция «Пеппер» был запланирована на Рождество, чтобы воспользоваться праздничной суетою. Но из-за мощных преследований правоохранителей нам стало ясно, что для обеспечения операции по Лоренцу надо подготовить что-то еще, ибо совместить обе эти операции мы не сможем. Была известна точная дата выборов — 2 марта 1975 года. Таким образом, операция «Пеппер» у нас отпадала, что сразу создавало нам существенные финансовые проблемы.

— *Какова была цель похищения Лоренца?*

Райндерс/Фрич: Освободить заключенных и поднять общий настрой, который тогда находился в упадке. Голодовка Хольгера и его смерть — это был тяжелый удар. Да, была сильная мобилизация, но психологически многие были сильно подавлены. Мы хотели показать, что кажущемуся всемогущему государству можно что-то противопоставить.

Позднее, когда мы были уже в тюрьме, то часто обсуждали: не было ли похищение Лоренца ошибкой? Дело в том, что создавалось впечатление, будто освобождение арестованных стало чуть ли не главным пунктом нашей программы действий, поскольку в политическом плане ничего больше не происходило.

Нам был нужен успех. Мы бы не пошли на это дело, если бы не верили, что у нас есть реальный шанс на обмен. Если при занятии немецкого посольства в Стокгольме в апреле 1975 года боевиками RAF (команда Хольгера Майнса) имела в списке 26 арестованных, то мы исходили из того, что государство никогда не пойдет на то, чтобы освободить такое количество заключенных. Мы предполагали, что возможно освобождение не более 5–6 человек. После этого нас даже упрекали: дескать, мы были слишком компромиссны, не требовали невозможного.

Были долгие споры о том, кого внести в список. Основная мысль была такая: от каждой фракции хотя бы одного. При этом мы подумали об Ульрике Майнхоф, Андреасе Баадере, Яне Карле Распе и Гудрун Энслин. Вначале нам показалось, что всех четверых они не выпустят. Но тут опять возникала новая проблема: заключенные в Штамхайме сообщили нам, что они сами решат, кого внести в список.

— *Вы их спрашивали в Штамхайме?*

Райндерс/Фрич: Да, но мы должны были оставаться незаметными. Однако наши всё поняли. Пришел ответ: «Мы знаем о дюжине акций по освобождению, но берлинское болото определенно не вписывается в эту схему». Через две-три недели они еще раз всё обсудили между собой и попросили нас сообщить им о наших намерениях. Потом новая проблема, от которой мы схватились за голову. От женщин RAF, а также от нашей Ины Зипман, которая тогда сидела в женской берлинской тюрьме на Лертерштрассе, пришел ультиматум: всех или никого! Результатом наших споров и размышлений было решение: прекратить обсуждения с заключенными RAF и никого их в список не вносить. Такое решение было мотивировано также тем, что, как нам стало известно, RAF сама готовила акцию по освобождению.

Вильфрид Бёзе(3) от революционных ячеек (RZ) был тогда в Берлине и в свою очередь пытался повернуть совместную операцию «Движения 2 июня», RAF и RZ. Мы не знали, что речь идет о Стокгольме. Всё это произошло незадолго до операции по Лоренцу. Их акция была в значительной степени подготовлена, и они хотели, чтобы в ней участвовали двое-трое наших людей. Мы отказались. Во-первых, из-за способа решения задачи, во-вторых, из-за формы акции. Они хотели две операции одновременно: одну в воздухе, одну на земле. А это означало похищение самолета и захват посольства. Мы сказали: «Мы это не делаем принципиально».

— *Почему вы не хотели участвовать?*

Райндерс/Фрич: Похищение самолетов тогда практиковали прежде всего палестинские группы. Мы тогда спорили об этой тактике

и пришли к единому мнению, что такими акциями они хотят привлечь всеобщее внимание к своему особенному положению, а мы не можем себе позволить быть осужденными за подобные акции. Мы исходили из собственного разумения. Отказывались выдать имя будущего заложника третьему субъекту, не участнику акции, а они держали нас за контрреволюционеров. Кроме того, при захвате посольства добавляется то обстоятельство, что враг знает, кто мы, может нас окружить и не позволит уйти.

Но вернемся к нашей акции. Сначала мы думали освободить тех заключенных, которые сидели в Берлине. Мы не знали, какая инстанция в госаппарате принимает решение по обмену заложников. Позднее выяснилось, что в Бонне есть главный «кризисный штаб», в котором были две линии. Это линия Штраус/Коль, которая была готова к обмену, и линия Шмидт/Вернер, которые заявили: «Мы этого не делаем» — жесткая линия. На это правящий бургомистр Западного Берлина Клаус Шютц сказал: «Если федеральное правительство не захочет договариваться, то я предлагаю местное решение в Берлине, поскольку хочу поддерживать с вами рабочие отношения». Таким заявлением он добился успеха в «кризисном штабе».

— *Что за различные фракции, из которых были заключенные?*

Райндерс/Фрич: Прежде, чем называться «Движение 2 июня», мы проводили акции под различными вывесками. Например, до этого мы назывались «Тупамарос Западного Берлина». Товарищи в Мюнхене называли себя «Тупамарос Мюнхена», а в Рурской области — «Красная армия Рура». Рольф Хайслер происходил из «Тупамарос Мюнхен» и в тюрьме политически сблизился с RAF. Но существенной причиной, почему мы внесли его в список, было то, что он был самым изолированным заключенным в ФРГ. Баварцы его полностью изолировали. У него было восемь лет за нападение на банки. Рольф Поле тоже был от «Тупамарос Мюнхен». Он сидел за изготовление оружия и всякие мелочи — например, за владение фальшивой академической степенью. У него было шесть лет. Хорст Малер был одним из основателей RAF. Он был приговорен к двенадцати годам тюрьмы за нападения на банки и членство в RAF. Он ориентировался на компартию Китая.

Габи Крөхер Тидеманн происходила из тех, кто основал «Красную армию Рура». За перестрелку с полицией она была приговорена к 8 годам тюрьмы.

Верена Беккер и Ина Зипман были наши. Ина была приговорена к тринадцати годам за нападения на банки, Верена — к семи годам за нападение с применением бомб.

Мы думали о том, сколько человек должно быть в списке. Освободить больше пяти-шести мы считали нереальным. Должны были не шесть, так как были заключенные с пожизненными сроками. Решение давалось тяжело.

— *Вы не спрашивали других членов Движения, хотя ли они выйти?*

Райндерс/Фрич: Мы спрашивали Петера-Пауля Цаля. Он получил четыре года. Сказал, что не хочет, так как не заслуживает этого. Позднее, при пересмотре его дела, он получил пятнадцать лет. Ему действительно не повезло.

Мы говорили также о Зигурде Дёбусе(4). Но единственный из нас, кто его знал, ужасно его ругал: он якобы был сталинистом, уверял, что тот после освобождения без оглядки будет заниматься другими делами, которые могут представлять для нас риск. Впоследствии оказалось, что всё это было не так и что в таких делах нельзя полагаться на мнение только одного человека.

— *Заключенные, которые были вами освобождены, перед этим сообщали вам, что согласны с вами?*

Райндерс/Фрич: Мы не со всеми могли связаться.

— *На сколько человек вы решились?*

Райндерс/Фрич: Ну, приблизительно от шести до пятнадцати.

— *Расскажите о планировании.*

Райндерс/Фрич: То, что мы возьмем Лоренца, было ясно с самого начала. По опросам выходило, что Лоренц, как главный кандидат от ХДС, выборы выиграет. Делался вывод, что правящей СДПГ непросто будет устранить вероятного победителя. Мы спорили также о Луммере. Это было очень нервно. Есть люди, которых ты просто не можешь упустить. Кроме того, нам нужен был успех. Лоренц оценивался многими в ХДС как слишком либеральный. Луммер же, наоборот, заплатил своим друзьям в Национальной партии Германии, чтобы они написали ему лозунги на плакаты ХДС. Луммеру повезло в том смысле, что он не был проходным кандидатом. Похищенный Лоренц был крупным по габаритам, поэтому мы не смогли бы упаковать его в картонную коробку, в то время как Луммер был небольшим. Если бы мы похитили Луммера, то наверняка повезли бы его в картоне.

— *Когда же всё по-настоящему началось?*

Райндерс/Фрич: Конкретно на Рождество 1974 года. Все, кто должен был участвовать в операции, собрались на рождественский митинг. Сначала мы зажарили рыбу и гуся. Затем уселись и еще раз прочитали книгу «Мы Тупамарос»(5), в первую очередь историю о похищении. Это

была история о том, как в отношении одного типа не применялись средства одурманивания, поскольку он был алкоголиком. В него влили под завязку, а он так и не перестал болтать, то есть дошел до кондиции. После того, как Лоренц оказался у нас, мы поняли, что автор имел в виду. На следующий день мы проиграли весь план с помощью игрушечных машинок. Это была уже сформированная группа. К тому времени мы в общих чертах слепили всю схему операции и частично определили участников.

А затем подготовленная группа чуть не раскололась. Причина была в двух людях, которые были очень своевольны и подгадили нам. Один не сделал того, что ему было жестко приказано сделать по плану. Другой пришел с пушкой в молодежный центр и устроил там шумер.

— *А что произошло дальше?*

Райндерс/Фрич: Ну, обоих мы подвергли критике. Однако у нас была объективная проблема: в нашем распоряжении было еще восемь недель, и было достаточно людей, с которыми можно было переговорить. Но эти двое были уже посвящены и получили задания. В январе мы освободили все квартиры, поскольку считали, что преследование будет жестким. Многие вещи спрятали — например, всё оружие, которое нам было не нужно; мы его закопали. Впоследствии трудно было его найти — ведь деревья со временем растут.

Позднее, в тюрьме нас спрашивали, где мы что закопали. Объясняли: где-то в лесу. Один такой склад, который устроил наш швейцарский коллега Зойберт(б), мы как-то сами разыскивали. Он был так запрятан, что мы уже хотели отказаться от поисков. Но сказали себе: это же швейцарец, надо искать! И действительно, мы уже думали, что сейчас пойдут грунтовые воды, — и тут наконец склад показался! Зойберт был очень аккуратный.

После рождественских праздников мы зафиксировали все пути Лоренца. В местности, где он жил, было непросто. Каждый день процесс был один и тот же. Водитель приезжал и недолго ждал перед дверью. Потом выходил Лоренц и садился рядом с водителем. Это всегда шло как часы. Но в день похищения он, как нарочно, задержался на час. Мы всё время видели его на удалении. Оценили, что его рост сто восемьдесят — сто восемьдесят два, вес — около восьмидесяти килограммов. Это нам надо было знать, чтобы запихать его в ящик. И когда мы наконец его взяли, это была действительно проблема. Он был огромный и такой тяжелый, как свинья, что ящик не подошел; хотя он шел нам навстречу, но нам было грех на него обижаться, так как он был покладистый.

Было много технических проблем. Как нам остановить машину? Или как успокоить Лоренца уже в машине? Были и проблемы медицинского

характера — из-за средства для отключения объекта. Никто из нас в этом абсолютно не разбирался. После долгих медицинских изысканий и консультаций с... э-э... специалистами(7) мы выбрали галоперидол, так как он должен был сохранять естественные рефлексy, и чтобы Лоренц проглотил язык. Для остановки машины мы по поддельным документам арендовали небольшой грузовик.

Затем была психологическая проблема: как, собственно, вытащить водителя из машины? Грузовик выезжает из переулка и останавливает автомобиль. Сзади на него наезжает женщина — красивая блондинка. Водитель, как все подобные типы, выходит из машины в позе мачо, смотрит на жертву с таким выражением лица: «Ну, и что вы тут натворили?»

У нас же чуть не случилась такая лажа. Наша машина, которая должна была ехать за машиной Лоренца, была оснащена рацией и по рации должна была предупредить водителя грузовика о том, что Лоренц подъезжает. А тут как раз проезжал черный «мерседес», но приказа по рации не было. Водитель грузовика подумал, что с рацией что-то случилось, и выехал. А в этой машине ехал Шерц, председатель районного суда, который стал потом начальником полиции. Позднее он рассказывал, что всё произошло так странно! Грузовик выехал на главную дорогу, затем обратно, задом в проулок. То есть мы чуть не взяли не того человека!

После того, как водитель Лоренца получил по башке, четверо наших залезли в машину Лоренца: двое сзади, один за руль, один на переднее сиденье, на колени Лоренца. Мы поехали в подземный гараж. Для пересадки взяли классный подземный гараж на улице Канта. Водитель в этом гараже должен был нас ждать на час больше. Он вообще не знал, что происходит, поскольку рации у него не было.

— *Как реагировал Лоренц?*

Райндерс/Фрич: Сначала он кричал о помощи, начал сучить ногами, выдавил ими переднее стекло, но всё произошло быстро. У него были чертовски длинные ноги. Он сразу получил по носу; ему сказали, что он должен вспомнить Дренкмана и успокоиться. Ну, он сказал «хорошо, хорошо» и успокоился. Затем один из нас разрезал ему штанину и всадил укол в ногу. Лоренц сидел на переднем сиденье, один из наших прямо на нём, а еще один сзади обвязал ему голову полотенцем. От этого он выглядел еще больше. И еще получил пощечину.

— *То есть вы ехали с этим типом, его голова обвернута полотенцем, один сидит у него на коленях, всего пять человек, и без лобового стекла?*

Райндерс/Фрич: Да. На скорости сто шестьдесят через Аvus. Позднее объявился один очевидец, который ехал нам навстречу. Он сам

ехал на скорости километров сто двадцать. И утверждает, что узнал того, кто сидел на водительском сиденье: на нём был красный галстук.

На автобанае нам нужно было остановиться рядом с радиомачтой. На нас никто не обратил внимания, хотя рядом стояли машины. В подземном гараже всё было спокойно. Была только проблема с автомобилем прикрытия. Хотя этот угнанный автомобиль был совершенно новый, но сцепление у него было ужасное.

— *Лоренц был в отключке?*

Райндерс/Фрич: Нет, средство на него еще не подействовало. В подземном гараже мы поместили его в чемодан и в другой автомобиль. Мы выбрали такой маршрут, чтобы до Кройцберга не ехать по главным дорогам. Думали, что на главных дорогах будет установлен сплошной контроль, как только поступит сигнал тревоги.

Ну это была и поездочка! «Шпигель» тогда писал: «Через несколько минут после похищения полиция устроила такую масштабную акцию преследования, какой еще не знала история Западного Берлина: пять вертолетов, двести автомашин ДПС, 10 000 преследователей, сто тысяч марок вознаграждения и еще пятьдесят тысяч от “Правого союза свободной Германии”».

— *Вы что-нибудь заметили из этого?*

Райндерс/Фрич: В первый момент — нет. Один из нас всё время пытался успокоить Лоренца, а из того шел словесный поток, как водопад: что это с ним сейчас происходит? и т.д. Он, вообще, довел нас до белого каления.

Позднее буйволы искали роскошный лимузин с большим багажником, в который могли бы спрятать Лоренца. Это был опыт после нападений на банки, когда буйволы останавливали все большие автомашины. Затем мы поехали к кладбищу в маленьком проулке в Кройцберге, где всегда был виден главный вход в полицейскую охрану на Фризенштрассе. Там стоял транзитный «форд», мы загрузили Лоренца в ящик. Это было около 9:30. Затем мы подъехали к магазину на Шенкендорфштрассе. Наступил самый ответственный момент: ящик необходимо было занести в магазин. Там, у магазина, стояли три старушки и, как водится, болтали. Ящик был достаточно тяжелый, да еще этот тип в нём! Ну, я тебе скажу, и это может любой подтвердить: революционная работа — это не самая тяжелая работа. Мы были не все, так как машину прикрытия надо было поставить в гараже в Нойкёльне. А тут еще открылась крышка ящика, так как Лоренц там внутри нервничал. К счастью, он уже больше не болтал — вероятно, укол начал действовать. С момента, когда мы ему сделали укол, прошло не меньше часа.

— *А что вы сделали с бабушками?*

Райндерс/Фрич: Вообще ничего! Ждать их? Мы могли их ждать вечно. Мы просто прошли мимо.

— *Ящик вы несли вчетвером?*

Райндерс/Фрич: Да. В магазине нам надо было спускаться по лестнице. Мы там сделали лаз, через который проходили в подвал. Подвал состоял из двух помещений. Одно было очень низким, и в него можно было попасть только через лаз в полу. Это помещение мы отделили от другого стеной. Другое помещение мы отделали: сделали проход на кухню, постелили ковер.

— *Во время похищения вы были вооружены? Что бы вы делали, если бы водитель стрелял в вас?*

Райндерс/Фрич: Вот поэтому мы сразу съездили ему по голове, чтобы он вообще не хватался за ствол. Кроме того, мы обыскали водителя, чтобы спокойно уйти. Один из наших стоял там с оружием — в случае чего он мог бы нас прикрывать. По нашему плану стрельба у нас вообще не была предусмотрена. Если бы с самого начала были трупы, то шансы на обмен были бы минимальны.

— *А удар железной палкой?*

Райндерс/Фрич: Мы долго обсуждали это. Но тут вообще ничего не надо обсуждать.

— *Вы как-то тренировались?*

Райндерс/Фрич: Вообще-то, это не так просто — ударить так, чтобы человек не откинул копыта. Мы нашли одного, у которого был в этом опыт. Он был боксер и знал, как можно красиво ударить. Он мог хорошо дозировать удар. Когда мы оказались в магазине, то лишь тогда смогли как следует рассмотреть Лоренца. Тот заявил, что хочет говорить с шефом или командиром ... ну, что-то вроде этого. Мы ему сказали, что здесь нет шефов.

— *Вы были неузнаваемы?*

Райндерс/Фрич: Мы были в комбинезонах. Такие синие комбинезоны фирмы «Блауман», с длинными рукавами. Капюшоны сами сделали из простыней, с кисточками и разрезами. Во время акции мы все были так одеты и с бородами. Но Лоренц так и так был слепой. У него очки были за семь, как у Фрица Тойфеля. Хотя мы этого не знали, так как он часто носил очки из простого стекла для фото на агитационных плакатах.

В подвале была кабинка с проволочной сеткой и красной шторкой. Когда ему надо было в туалет, мы деликатно прикрывали шторку. Впереди была прихожая, где была лестница наверх. За ней была маленькая

кабинка, где сидела охрана. У него была полевая кровать, программа гимнастических упражнений на стене, а также стол и стул. То есть это была нормально оборудованная тюрьма.

У него была еще лампа, даже две. Была политическая литература для чтения. Он получал газеты, пропущенные через нашу цензуру: всё, что касалось непосредственно его, вырезалось. Это делалось для того, чтобы он не мог получать ненужную информацию, которая могла там быть. По существу, он получал вырезки с небольшой рекламой. Всё это было похоже на клочки. Это было единственное, на что он потом жаловался: по его мнению, это было не очень хорошо. А так он получал информацию о том, как идет его поиск. От этого у него был страх. Больше всего он боялся того, что буйволы нас найдут. Эти денщики! Он всегда их называл так: «денщики».

— *Это был его самый большой страх?*

Райндерс/Фрич: Да. Он даже не так боялся нас, как того, что когда буйволы нас найдут, то грохнут всех, включая и его.

— *Когда Лоренц был в подвале, вы сказали ему, кто вы?*

Райндерс/Фрич: Да. Мы сделали еще это фото. Он, правда, немного сопротивлялся, не хотел держать рамку. Нам тогда было тяжело, так как все были больны. Один из наших заразил всех гриппом. После всего потом Лоренц выразительно подчеркнул, что мы с ним обращались хорошо.

Вечерами, когда ему было скучно — мы ведь ему запрещали смотреть телевизор, — он занимался тем, чем было можно: смотрел театр Онезорга(8) вместе с охраной. Он там что-то узнал, над чем мы тоже смеялись. Об этом он позднее рассказывал в суде. Мы ему пришили пуговицу, отремонтировали брюки («Вы мне их испортили»). Кроме того, он получил новое нижнее бельё. Играли с ним в шахматы.

— *В подполье играли с ним в шахматы?*

Райндерс/Фрич: Да. Его в суде спросили: выигрывал ли он? Он ответил: иногда выигрывал, но у него создалось впечатление, что мы ему подыгрывали.

— *А что вы сделали после фото?*

Райндерс/Фрич: Мы писали обращение. Двое были наверху, двое внизу, и мы бегали вверх-вниз, так как все хотели это обсудить. Мы написали: «Сегодня вооруженные женщины и мужчины “Движения 2 июня” захватили Петера Лоренца, председателя берлинского отделения ХДС, который является главным кандидатом на выборах 2 марта. Похищение было вооруженным, так как Лоренц к такой акции был подготовлен — его шофер и телохранитель был с оружием. Петер Лоренц

является пленником “Движения 2 июня”. В этом качестве его не будут истязать и с ним не будет негуманного обращения в противоположность 60 000 заключенных в тюрьмах ФРГ и Берлина. Нашему пленному будет лучше, чем заключенным в государственных тюрьмах, хотя комфорта его целлендорфской виллы у него не будет. Петер Лоренц будет допрошен. Он должен будет рассказать о своих связях в деловых кругах, с шефами и с фашистскими режимами.

Лоренц похищен нами как представитель реакционеров и бонз — он ответственен за травлю и слежку на рабочих местах, за создание заводской охраны и антипартизанских групп, за запреты на профессии и новые права на демонстрациях, ограничения прав защиты и поддержание дискриминационного параграфа 218.

Как шеф ХДС, он, приезжая в Израиль и делая там пожертвования деньгами, превратился в пропагандиста сионизма — агрессивной и захватнической политики Израиля в Палестине. Он принимает участие в преследовании и подавлении палестинского народа. Он также участвует в кровавом путче Пиночета в Чили. Это его партия денежными пожертвованиями позволяет хунте проводить репрессии, которая безжалостно преследует любые свободолобивые убеждения и кроваво подавляет тысячи чилийцев в концентрационных лагерях, истязает их и удерживает свою власть благодаря кровавой бойне.

Наши требования: 1. Немедленное освобождение, то есть аннулирование приговоров тем заключенным, которые были арестованы и осуждены за участие в демонстрации по поводу убийства революционера Хольгера Майнса. Это требование должно быть выполнено в течение 24 часов.

2. Немедленное освобождение Верены Беккер, Gabrielly Крёхер Тидеманн, Хорста Малера, Рольфа Поле, Ины Зипман, Рольфа Хайслера, которые схвачены в Западной Германии. Товарищей Крёхера, Поле и Хайслера необходимо в течение 48 часов доставить в Западный Берлин. “Боинг 707”, полностью заправленный, должен стоять наготове с четырьмя членами экипажа в Западном Берлине. Названные товарищи сопровождают до их цели путешествия одним лицом, известным широкой общественности. Это лицо — пастор и бургомистр Хайнрих Альбертц. Кроме того, каждому товарищу выдать по 20 000 марок. Эти требования должны быть выполнены в течение 72 часов.

3. Опубликовать это обращение в форме официального сообщения в следующих газетах....

4. В течение всего времени его плена мы требуем абсолютного неприменения оружия со стороны полиции, ее неприсутствия на улицах,

никаких контролей, обысков, арестов, развешивания фото, попыток преследования населения. При неисполнении этих требований, обмане безопасность пленного будет под угрозой.

Все требования одинаково важны, и никаких тайных переговоров. Сообщения госаппарата в наш адрес и процесс освобождения названных лиц, включая их отлет, должны передаваться по телевидению и радио.

При точном выполнении всех требований безопасность и освобождение пленного Лоренца гарантируются. В противном случае последствия, как это было в случае с Дренкманом, неизбежны.

К товарищам в тюрьме: мы бы с удовольствием вызволили бы и больше товарищей, но не можем это сделать при нашей сегодняшней численности.

К населению Берлина: в ближайшие дни государственные органы развернут против нас мощную кампанию. Они будут пытаться втянуть вас в преследование. Не оказывайте им помощь. Оставьте полицию, бонз и прессу друг с другом.

Свободу всем заключенным «Движения 2 июня!»

— *Как вы передавали это сообщение и другие?*

Райндерс/Фрич: Частично мы работали через «мертвые» почтовые ящики. В старых домах, где это не бросалось в глаза, мы дополнительно повесили почтовые ящики, которые использовались только нами. Один из нас выходил из Шенкендорфштрассе к одному такому ящику, а оттуда наши сообщения передавались дальше. Первое сообщение пошло в полицию, но не одно. Все сообщения посылались минимум по трем адресам: сначала в СМИ, потом в адрес Лоренца, который мы нашли в телефонной книжке. А также священнику.

Мы исходили из того, что если ты что-то положишь под коврик и если пять текстов распределишь правильно, то можешь рассчитывать, что четыре из них направятся дальше. В первом сообщении мы приложили две фотографии Лоренца в очках. Он настоял на этом. И тут он себя по-настоящему подставил.

— *Выслеживался?*

Райндерс/Фрич: Да, но гражданскими. Сначала они хотели выиграть время. Это понятно. Потом они хотели удостовериться, что он жив. Ведь на фото мог быть и труп.

— *Что произошло потом, в четверг, когда было похищение?*

Райндерс/Фрич: Дальше ничего. Вечером Лоренцу всё стало понятно. Мы пытались сделать допрос. Составили список вопросов о его деятельности в ХДС и его махинациях с берлинской строительной мафией. Поставили магнитофон, затем должен был последовать допрос.

Но мы не следователи, и через час перестали. Мы не хотели применять жесткие методы, чтобы что-то из него вытягивать. А он отказывался говорить. Но на следующий день Лоренц стал разговорчивее, мы уже не ставили магнитофон. Так, он рассказал о «пути страданий» христиан-демократов в Чили. Относительно палестинской проблемы он выразил мнение, что израильский народ должен жить в мире. Мы были того же мнения, но их благополучие не должно строиться на костях палестинцев.

То, что он рассказывал от себя, было преимущественно пошло. Он сидел внизу в подвале, и все его видели. Всё было согласовано.

— *Кто должен был его грохнуть, если бы весь план не удался?*

Райндерс/Фрич: По этому поводу высказались все. Но среди нас не оказалось ни одной свиньи. Наивно!

— *А на следующий день?*

Райндерс/Фрич: Ну, у нас были бумажник Лоренца и... как звали этого типа... Клинбайль. От него был чек на десять тысяч марок — пожертвования на выборы для ХДС. До того времени Клинбайль был известен как абсолютный сторонник СДПГ, поскольку он получал от них все строительные подряды. Затем мы нашли документы о запланированном повышении платы за проезд в автобусе, о котором тогда еще не было известно. Были документы о запланированном увольнении работников с предприятия DTW (фирма — производитель запчастей в ФРГ — Б. Е.). Кроме того, были еще письма от одной матери с ребенком с ограниченными возможностями. По этому пункту он ничего не сказал. Мы вынуждены были закрыть один почтовый ящик, поскольку в пятницу в Гамбурге арестовали Райнера Хохштайна, который имел контакты со многими нашими. Он знал только один «мертвый» почтовый ящик. Мы отказались с ним сотрудничать. Поэтому позднее он использовался федеральным судом как главный свидетель. Это был идиот — по крайней мере там, где он был.

— *Что вы предусмотрели на тот случай, если буйволы накроют ваш магазин?*

Райндерс/Фрич: Мы на такой вариант вообще не рассчитывали. Самое большое, что мы сделали — это продумали, что можем забыть о своих требованиях и будем пытаться убежать. Но это было очень щекотливо.

— *По магазину были еще какие-то меры безопасности?*

Райндерс/Фрич: Мы чувствовали себя в абсолютной безопасности. Магазин был с видеокамерой, и у охраны всегда была картинка с пространством перед входом в магазин.

Второе сообщение было написано в пятницу. Оно пошло к

Марианне Лоренц, к руководству земли ХДС, в полицию, к пастору Шарфу, в Сенат Берлина. Это второе послание ссылалось на первое, которое было отправлено по почте. Второе письмо имело, собственно, смысл, что мы еще живы и активны. В письме для жены Лоренца была прикреплена дополнительно его личная приписка: «Полиция сделает всё, чтобы я вышел целым. С любовью, твой Петер».

«Мы требуем от вышеназванных лиц и организаций сделать всё для того, чтобы наше первое обращение в полицию и Сенат было зачитано не позднее чем в вечернем обозрении новостей, а также зачиталось один раз во всех дневных обозрениях. Одновременно должно быть продемонстрировано фото Лоренца в плену. Вы должны начать действовать, чтобы все перечисленные в первом сообщении требования безотлагательно были выполнены, если вы заинтересованы в без ущерба освобождении Петера Лоренца. Если же эти условия не будут выполнены, то в субботу в 12:00 поступит ультиматум. “Движение 2 июня”».

Мы хотели от Лоренца, чтобы он назвал нам человека, которому он доверяет, и это был (остроумно!) «Пеппер». Мы ему позвонили — спросили : может ли он что-либо сделать для Лоренца? А тот просто положил трубку. То есть не хотел в это вмешиваться. «Ну, я ему это припомню!» — сказал после этого Лоренц.

— *Как вы связывались с полицией и кризисным штабом?*

Райндерс/Фрич: Через СМИ. Иногда они нам сообщали: сегодня вечером будет кое-что в вечернем обозрении. В субботу, 1 марта, в 00:05 по радиостанциям SFB (радио «Свободный Берлин», в настоящее время — радиостанция «Берлин-Брандербург» — Б. Е.) и RIAS было распространено сообщение полиции: «Настоящим полиция обращается к похитителям Лоренца. Лица, которые были арестованы в связи с участием в демонстрации по поводу смерти Хольгера Майнса, уже давно находятся на свободе. Оба названных — Этора Канелло и Гюнтер Ягдманн — выпущены 1 марта 1975 года около 10:00 из заключения. Второе: вы должны нам предоставить убедительное доказательство того, что Лоренц жив. Третье: мы со своей стороны прилагаем усилия, чтобы жизни и здоровью Лоренца ничто не угрожало. Во избежание недопонимания необходимо прояснить некоторые вопросы. Например: как вы представляете безопасную передачу Петера Лоренца? Что делать, если один из названных вами людей откажется от участия в процессе обмена? Четвертое: предоставьте нам доказательства того, что мы ведем переговоры с настоящими похитителями. Например, № личного документа Петера Лоренца».

— *Откуда вы знали, что это будет передано в 0:05?*

Райндерс/Фрич: Ты что, думаешь, что мы могли бы выключить радио хотя бы на пять минут? Об этом было объявлено заранее и еще повторялось. Эти сообщения передавались поздно ночью. А на четвертую ночь они дошли до того, что все почтовые машины ездили по городу, так как они надеялись, что в четыре утра немногие будут сидеть перед телевизором. Но тогда весь город уткнулся в телевизоры. Единственными, кто не явился в телевизор, были мы.

Мы были настолько измождены, что даже охрана спала. В субботу в десять утра они освободили из тюрьмы последних заключенных по демонстрации Хольгера Майнса. Правда, тут они немного не уложились по времени, но это уже не играло никакой роли.

Когда Ягдман вышел, на него налетела толпа репортеров. Он сказал: «Я к этому вообще никакого отношения не имею. Я ничего не знаю». Затем вышел Канелла. Они хотели броситься к нему, а его нет: он взял ноги в руки и убежал. Ягдман попал на демонстрацию случайно (так он сказал). У него в тот день были проблемы дома. Он напился, пошел на демонстрацию и бросил камень в буйвола.

Процессы были прекращены. О них потом ничего не было слышно. После того, как в СМИ полностью появились наши обращения и оба были освобождены, нам стало ясно, что мы всё еще держим инициативу в своих руках.

В субботу утром от нас поступило обращение № 3. Его мы занесли по различным адресам, среди них — евангелический пасторат в Целендорфе. В нём сообщалось: «Если кто-то из названных нами товарищей не принимает освобождения, он должен это объявить 01.03.1975 в присутствии своего адвоката в вечерних новостях. Мы не будем продлять свой ультиматум. Он заканчивается 3 марта в 9:00. До этого срока освобожденные товарищи и пастор Альбертц должны улететь. После возвращения последнего мы сразу же дадим знать об условиях освобождения Петера Лоренца. Его безопасность напрямую зависит от поведения госаппарата. Мы не забыли Фюрстенбрукка(9) и Роммельмайера. Если полиция приготовит что-то подобное, то это наверняка повлечет смерть Петера Лоренца. До исполнения этих требований это последнее наше сообщение».

— *Это было ваше последнее обращение?*

Райндерс/Фрич: Нет. Вечером в 20:00 по радио и телевидению прошло обращение от священника Альбертца: «Я обращаюсь к вам как служитель церкви, который обязан защищать жизнь человека. Поэтому объявляю, что в этой трудной ситуации я готов сотрудничать. Но это я готов делать лишь тогда, когда опасности и риски не лежат бременем

только на одной стороне. Предложение, которое стало мне известно и которое было передано мне через правящего бургомистра(10), содержит в отношении условий освобождения Петера Лоренца неудовлетворительные высказывания. Для того чтобы выполнить свое задание, я должен получить иной, чем до этого, ответ. Я предоставляю себя в ваше распоряжение, чтобы во время первой встречи с вами или вашими друзьями быть уверенным в безопасном освобождении Петера Лоренца. Вы же, наоборот, можете на меня положиться, что я не буду участвовать ни в каком мероприятии, которое имело бы конец Фюрстенбрука».

Сразу же за этим пришло сообщение полиции: «Вы получили обращение Альбертца. Немедленно сообщите об условиях освобождения Петера Лоренца. Используйте в качестве опознавательного знака название места, где в окружении дома Лоренца продавались продолговатые подделки резчиков по дереву». Понятно, что это были вещи, которые Лоренц мог знать.

В 00:00 Малер по каналу ARD объявил, что он отклоняет обмен: «Похищение врага народа как средство освобождения политических заключенных есть выражение политики, отдельной от борьбы рабочего класса, которая неизбежно закончится тупиком. Стратегия индивидуального террора — это не есть стратегия рабочего класса». Так это прошло по телевидению. В объявлении, кроме того, было: «По поводу показательного процесса против Беккер, Майнхофа и меня в сентябре прошлого года я публично дал понять, что это была публичная критика, одновременно и самокритика, что мое место на стороне революционного класса. Я твердо убежден, что благодаря борьбе рабочих масс откроются ворота политических тюрем и что выдвинутое против меня обвинение в терроризме будет отменено. Поэтому я отклоняю этот способ покинуть страну. Вперед к Коммунистической партии Германии!»

В 1980 году Малер был выпущен. Поскольку ворота тюрьмы открылись для него не благодаря революционным массам, а из-за его согнутой походки и благодаря Бауманскому туннелю(11). он отомстил рабочему классу, став после освобождения менеджером по его эксплуатации.

После этого пришло сообщение от Габриеллы Крехер-Тидеманн о том, что она против освобождения. На следующий день Рольф Поле потребовал связи с ней по телефону. Буйволы обеспечили связь с ней, после чего она всё же решила пойти со всеми. Позднее мы сделали более точный вывод о причине изменения ее мыслей. Сообщение об отклонении освобождения она сделала потому, что ей обещали сократить срок ее заключения наполовину или на 2/3. Она настаивала на письменном

подтверждении этого обещания, но не получила его.

— *Идея с телефоном исходила от вас?*

Райндерс/Фрич: Нет, это была идея Рольфа.

— *Как вы отреагировали на ее решение?*

Райндерс/Фрич: Для нас это был шок! Сразу двое! Слышал бы ты наши реплики тогда: «Они что, нагадили им всем в мозги?», «Что они еще замышляют?» и т.д. Ну а так, если они твердо решили остаться... Сидите от звонка до звонка. Про Крёхер-Тидеман мы подумали, что она просто запуталась.

— *Лоренц что-нибудь узнал об этом?*

Райндерс/Фрич: Нет. Самое большое, что он мог от нас услышать, — это постоянная пустая болтовня.

— *А вы не думали о том, чтобы вместо этих потребовать освобождения других?*

Райндерс/Фрич: Думали. Но проблема была в том, что если бы мы назвали два других имени, то от них бы пришел ответ, что по времени ничего не получится, а мы хотели непременно соблюсти временной план. А тут в субботу в 00:00 пришло сообщение: «Полиция вновь обращается к похитителям Петера Лоренца. Мы получили сообщение № 3. Другие нумерованные сообщения вами не предусмотрены. 1. Полиция исходит из того, что Петер Лоренц жив. 2. К полету в Берлин готовы только двое заключенных. Как вы уведомлены, еще имеется возможность достигнуть вашей цели через один из аэропортов страны. Из этого представляется возможным доставить туда всех поименно названных заключенных. Ждем вашего мнения по этому вопросу. 3. Вы слышали обращение пастора Альбертца и из этого знаете, что обязательным нашим условием является ясно изложить возможности безопасного освобождения Петера Лоренца. 4. Вы можете уверенно полагаться на то, что все прежние и последующие переговоры с вами служат исключительно одной цели — безопасности и здоровью Петера Лоренца. 5. Ваша методика ведения переговоров не дает нам шансов отвечать всем вашим требованиям. Выберите более оперативный путь переговоров. 6. Чтобы быть уверенными в том, что мы и дальше ведем переговоры с нужными людьми, назовите в качестве опознавательного знака место, где жена Лоренца купила себе наручные часы». Это было в ночь на субботу.

— *Что за споры вы вели между собой?*

Райндерс/Фрич: К тому времени споров не было. Не забывай, что все эти дни мы практически не отдыхали. Но настроение было хорошее, так как после первых сообщений буйволов стало ясно: дело пошло. Они пошли навстречу нашим требованиям о публикациях и об

освобождении демонстрантов. То есть после этого всё и пошло. Было также ясно, что они будут пытаться выиграть время. Буйволы исходили из того предположения, что мы назовем адвоката, через которого будем вести переговоры. Поэтому они и говорили о более быстром методе их ведения. Таким способом они хотели выйти на нас.

— *А что Лоренц знал по всему этому процессу?*

Райндерс/Фрич: Он знал наши требования, но ничего не знал о состоянии переговоров. В остальном он лишь хотел знать, как высказался по всему этому процессу Биденкопф, бывший в то время сильной фигурой в ХДС. К тому времени он был генеральным секретарем и оппонентом Коля. Когда мы сообщили Лоренцу, что Биденкопф высказался за обмен, тот отреагировал оптимистично и облегченно. С этого момента он уверовал, что обмен действительно состоится.

Далее было наше сообщение о том, что решение Крёхер-Тидеманн и Малера мы получили. Это сообщение вместе с кассетой мы бросили в почтовый ящик на Кудамм и в 03:00 сообщили по телефону буйволам, где можно было найти следующее сообщение. «Сообщение № 4. Решения Крёхер и Малера нами приняты. Заключенные революционеры ЗИПМАН, БЕККЕР, ХАЙСЛЕР и ПОЛЕ должны быть срочно доставлены во Франкфуртна-Майне. С берлинскими товарищами должен лететь пастор Альбертц. Во Франкфурте(12) товарищи должны иметь возможность переговорить друг с другом без надзора. Кроме того, им должны быть показаны все наши сообщения по этому делу. К тому же все четверо должны получить возможность объявить в информационном обозрении в воскресенье в 12:45, полетят они или нет. Господин Альбертц и те товарищи, которые объявят, что хотят вылететь, до 9:00 понедельника вылетают на “Боинге 707”, с экипажем в четыре человека. Товарищам должны быть выданы требуемые деньги (120 000 марок). Петер Лоренц сам что-то сообщит о возможностях своего освобождения. Кассета прилагается. Нам, для того чтобы знать, что это сообщение дошло до госаппарата, необходимо сразу зачитать его по радио SFB. “Движение 2 июня”. Наручные часы — Мадрид».

Мы требовали для каждого по 20 000 марок; поскольку полетели не все, мы, несмотря на это, настаивали на всей сумме — 120 000 марок. Буйволы же хотели выдать каждому по 20 000 марок, на что Поле возразил: требовали 120 000 марок. Позднее, через три с половиной года, он своим шантажом дополучил остальные 20 000 марок, объяснив, что требования надо выполнять корректно.

Было обращение Лоренца, записанное на пленку, где он заранее благодарил Альбертца. В частности, он сказал: «Господин пастор, вы сами

хотите, чтобы всё произошло надежно, что не произойдет катастрофы, как в Мюнхене, и хотите знать, где и когда я буду освобожден. Мои сторожа не могут меня посвятить в детали моего освобождения, так как тем самым они подвергают себя опасности. Они объясняют это тем, что у них нет никакой веры соответствующему обещанию полиции. Мои сторожа дали мне честное слово, что, если вы, господин пастор, возвратитесь обратно в Германию, я буду отпущен беспрепятственно без какого-либо ущерба для жизни и здоровья. Я доверяю моим сторожам в том, что они сдержат свое слово. Я прошу передать моей жене сердечный привет». Буйволы подтвердили, как мы требовали, что адресат получил это сообщение.

— *Что произошло дальше в воскресенье?*

Райндерс/Фрич: Дальше проходили выборы в Берлине. Настроение было своеобразное. С одной стороны, власти хотели создать впечатление, что выборы проходят совершенно нормально и анархисты не шантажируют государство. С другой — похищение было темой для разговора по всему городу. В каждой пивнушке только об этом и говорили. Это же что-то особенное, когда победителя выборов своровали! ХДС с Лоренцем получило наибольшее количество голосов. Предсказывали увеличение голосов в его пользу вдвое, чем он в реальности действительно потом получил бы.

Мы спустились к нему вниз и сообщили: «Господин Лоренц, сердечные поздравления: вы, вероятно, следующий бургомистр Берлина!» Он засиял.

— *Ему надо было увидеть результаты выборов?*

Райндерс/Фрич: Конечно, надо было.

— *А всё это время он был спокоен?*

Райндерс/Фрич: Он был кооперативен. Даже не брюзжал по поводу еды. Мы совершенно не помним, кто в тот день готовил еду. Но это была жратва для свиньи. Даже хуже, чем в тюрьме.

— *И затем вы всю ночь были как на иголках: что может произойти завтра?*

Райндерс/Фрич: Да, напряжение возрастало, так как буйволы сообщили, что в 14:00 заключенные в тот же день улетели во Франкфурт: «Полиция обращается к похитителям Петера Лоренца. Состояние по факту на 2 марта 1975 года, 14:00: 1. Заключенные Беккер и Зипманн сегодня вылетели во Франкфурт-на-Майне. Поле и Хайслер также будут во Франкфурте... Названные вами временные рамки невозможно реализовать. 5. Необходимо, чтобы вы немедленно сообщили вам конечную цель полета, чтобы могли провести связанные с этим мероприятия».

Утром 3 марта наше следующее письмо с надписью «В

СЕНАТ». Пароль: «Герд». Оно было сброшено в почтовый ящик на Магдебургерштрассе, и об этом буйволы были проинформированы по телефону. «Сообщение № 5. 1. Мы не называем цель поездки. Пилот получит наши указания в воздухе. 2. Ультиматум будет продлен на один час, то есть до 10:00. Это означает, что в 10:00 должна транслироваться посадка в самолет пяти товарищей и Генриха Альбертца. Одновременно в понедельник в 4:00 должно быть передано ваше сообщение. 3. «Боинг 707» должен быть заправлен под завязку и взлететь с экипажем 4 человека. 4. Генрих Альбертц не является заложником. 5. Петер Лоренц и мы ждем беспрепятственного отлета пяти товарищей и Генриха Альбертца. «Движение 2 июня»».

Федеральное правительство и участвующие в этом земельные правительства еще до получения этого сообщения решили выполнить наши условия. Правительства-участники теперь окончательно уступали давлению, поскольку, незадолго до окончания срока, это было единственным путем сохранить жизнь Петеру Лоренцу. Освобожденные затем получили требуемые 120 000 марок. Из франкфуртского аэропорта по телевидению было передано сообщение от Ины Зипман, в котором она сообщила, что они сейчас вылетают. Около 9:00 они все сели в заранее подготовленный самолет, который в 9:56 полетел в направлении Зальцбурга. На протяжении всего дня показывали картинки взлета «Боинга 707» и старта самолета.

— *У вас не было никакой возможности перепроверить, что они действительно сели в самолет и тот взлетел, что перед вами не разыгрывали большой театр, показывая вам инсценировку, что взлетел какой-то самолет?*

Райндерс/Фрич: У нас была гарантия Альбертца. Кроме того, у нас была такая страховка: Альбертц после приземления получает от заключенных кодовое слово. Он должен был получить от пленников сообщение, в котором это кодовое слово было спрятано. По возвращении Альбертц должен был зачитать этот текст по телевидению. Благодаря этому мы узнали точно, приземлились они или нет. Позднее, если бы была симуляция приземления, то в тексте не было бы кодового слова, и мы бы знали, что приземления не было. Кроме того, мы настояли: нигде никаких промежуточных остановок.

— *Но в таком случае вы должны были быть уверены, что записка от вас с кодовым словом дошла до заключенных в тюрьме?*

— **Райндерс/Фрич:** У нас было налажено хорошее двухстороннее сообщение.

— *А буйволы после этого всё равно продолжали «копать»?*

Райндерс/Фрич: Во всяком случае, они так и не узнали, кто получил кодовое слово.

— *А как оно звучало?*

(Оба хором): «Такой же день, как сегодняшней чудесный день». Мы им передали не только кодовое слово, но и маршрут. Дали им детальные указания по всем этапам маршрута. Сначала Рим. Незадолго перед Римом пилот получил указание от освобожденных: в Триполи, затем в Аддис-Абебу и, наконец, в Аден.

Благодаря тому, что всё это передавалось по радио, мы всегда были в курсе, где они находятся и что дело идет по нашему плану. А буйволы не должны были знать с самого начала, где закончится маршрут. Таким образом, мы хотели их немного запутать, чтобы не было привета в посольство Ливии и т.д. А по радио всё время говорили, что они не знают куда. Сначала они думали, что самолет приземлится в Ливии, затем он полетел дальше. Поэтому мы выбрали «Боинг 707». Предварительно мы рассчитали, как далеко они смогут улететь. Указания пилотам всегда давал Рольф Поле.

— *На борту был действительно экипаж в четыре человека?*

Райндерс/Фрич: Первоначально они хотели двойной состав экипажа, но освобожденные пленники это отвергли. Буйволы послали второй экипаж во втором самолете.

— *То есть два самолета?*

Райндерс/Фрич: Даже три. В третьем сидел госсекретарь Ведомства федерального канцлера тайный дипломат Вишневский («Бен Виш») с чемоданом с 6 миллионами марок для строительного проекта в Южном Йемене, чтобы выкупить обратно пленников.

— *Но он ведь не знал, что происходит в Южном Йемене?*

Райндерс/Фрич: Нет, но у него было с собой 6 миллионов — безразлично для какой страны. Они же так представляли это себе. В принципе, речь шла об Алжире, Ливии, Сомали, Южном Йемене, может, об Ираке. За несколько лет до этого ФРГ обещала йеменцам цементный завод, и они могли его получить, но отказались. ФРГ позднее не раз пыталась заполучить обратно пятерых освобожденных пленников. Но что Альбертца ужаснуло больше всего (это он рассказал на процессе) — так это тот факт, что федеральное правительство побуждало, чтобы самолет приземлился в Аддис-Абебе, а эфиопская армия взяла бы его штурмом и всех бы перестреляла, включая и его, Альбертца. Об этом поведал ему один высокий чиновник в Бонне. От этого он был в совершенном шоке.

Его всё время спрашивали: подвергали ли его давлению освобожденные пленные, однако единственная опасность исходила совсем

с другой стороны. Кроме того, он так и так был зол на буйволов за то, что они перед отлетом замучили его допросами, хотя до этого его заверяли, что он может свободно общаться с освобожденными пленниками.

— *А что было тогда в Южном Йемене?*

— **Райндерс/Фрич:** Сначала самолет долго кружил над аэропортом, так как не получал разрешения на посадку. Правительство Южного Йемена само поставило себя в дурацкое положение, когда хотело получить от ФРГ официальную просьбу на разрешение посадки и прием освобожденных заключенных. Наконец, около 19:00 они получили разрешение и посадили самолет.

— *Вы ведь до этого в Южном Йемене целый год прорабатывали этот вопрос?*

Райндерс/Фрич: Ну, не год, а где-то месяц. Там был один человек, который сказал нам, что он берёт этот вопрос на себя, и всё там объяснил. Мы одни не смогли бы это проверить, получить такой контакт. Без предварительного разрешения страны у нас не было бы ни единого шанса.

— *А этот человек, который помог, был палестинцем?*

Райндерс/Фрич: Да. Он смог достичь такого результата благодаря своему влиянию там. Мы были уверены. Просто у нас уже был опыт от общения с этими людьми. Мы сказали «хорошо», уверенность была на 99%. 4 марта через несколько часов они смогли покинуть самолет. Там, в аэропорту, все вместе сидели за одним столом: представитель правительства Южного Йемена, освобожденные пленные и Альбертц. Все пили чай — такова там местная традиция. За чаем обсуждали, как получить разрешение на бессрочное нахождение в стране.

После этого, когда Альбертц хотел уже улетать, освобожденные вдруг в самый последний момент вспомнили, что надо еще дать кодовое слово. Они быстро написали обращение.

— *Два других немецких самолета должны были там же приземлиться?*

Райндерс/Фрич: Нет. Они должны были приземлиться в Северном Йемене. Немецкий посол в Саане в Северном Йемене поехал на джипе, но его на границе сначала не пустили в Южный Йемен.

Наконец, в 8:30 Альбертц один вылетел обратно с обращением. Он где-то сделал промежуточную посадку, чтобы поменять экипаж. Самолет в тот же день прибыл во Франкфурт. Сначала было передано обращение. Вечером Альбертц еще раз зачитал его в вечернем обзоре: «Утром 04.03.1975 мы, пять освобожденных пленников, Грев и пастор Альбертц покинули самолет. В холле аэропорта Адена мы собрались вместе с госсекретарем внешнеполитического ведомства южнойеменского

правительства. Он еще раз подтвердил решение своего правительства принять нас в Народной Республике Южного Йемена, где мы можем находиться неограниченно и свободно. Правительство дало слово, что оно будет соблюдать это условие пребывания в ответ на наше слово, что этот текст создает предпосылку для освобождения Петера Лоренца. Мы благодарим господина Грева за содействие, благодарим пастора Альбертца за все его усилия. Мы приветствуем товарищей, которые вне тюрьмы, и тех, которые находятся в тюрьме. Мы направляем нашу энергию на то, чтобы *“Такой же день, как сегодняшней чудесный день”* скоро наступил и для вас. Мы победим. Ина Зипман, Рольф Хайслер, Габи Крэхер-Тидеманн, Верена Беккер, Рольф Поле».

— *И это Альбертц зачитал?*

Райндерс/Фрич: Да, это было передано во вторник вечером по телевидению.

— *Лоренц должен был что-то знать об этом?*

Райндерс/Фрич: Вылет и полёт он смотрел вместе с нами по телевидению. После отлета он принимал участие в завершении обмена. Вся ситуация стала более напряженной.

— *У вас было шампанское?*

Райндерс/Фрич: Нет, только вино. Но мы с Лоренцем только чокнулись. Он знал теперь, что пойдет домой. Мы совместно с ним думали, как это все лучше сделать. Он выразил мнение, что с помощью ящика очень неудобно. Мы ему сказали, что можно выйти и через дверь дома, но тогда нас кто-нибудь может увидеть. В конце концов мы заклеили ему очки, то есть заклеили глаза и потом еще очки. Было неудобно, но он мог идти.

Мы подвели его к машине; это было около 23:00 того же вечера, когда Альбертц зачитал обращение. Город вымер — на улице ни одного буйвола. Было убрано всё, что можно было убрать. Затем мы поехали в городской парк Вильменрсдорф, именно в то место, где в 1945 году его, как солдата Вермахта, арестовали русские, но мы об этом не знали. Мы дали ему три монетки на телефон. Три — на тот случай, если одна монетка проскочит. Попрощались с ним за руку. До этого он выражал сожаление, что «познакомился с нами при таких обстоятельствах. Может, удастся встретиться при других».

В этот момент мы посадили его на скамейку в парке. Он тогда подумал, что сейчас увидит сразу всех тех людей, которые в его жизни играли какую-то роль. Он даже надеялся, что увидит нас еще раз, когда времена изменятся. Даже пригласил на вечеринку в своем саду.

Мы посоветовали ему, чтобы он входил в свой дом не с парадного

входа, потому что там вокруг стоит много репортеров. Он так и сделал. Он хотел лишь возвратиться назад, к своей жене. Он ни с кем не хотел говорить.

— *Но потом в прессе вокруг него было много шума.*

Райндерс/Фрич: Да. Во второй половине дня пятого марта состоялась международная пресс-конференция. Он не отоспался.

Лоренц: Это, безусловно, был акт насилия. Но если взять во внимание все обстоятельства такого рода, то в отношении меня они вели себя корректно. Это означает, что у меня была всегда возможность умыться, у меня всегда была еда, и они ко мне особенно не придирались и не притесняли меня.

Репортер: Господин Лоренц, у вас было ощущение, что похитители чувствовали себя абсолютно безопасно перед мероприятиями полиции или они не были уверены?

Лоренц: Нет, похитители производили впечатление, что, с их точки зрения, они себя обезопасили так хорошо, насколько это было возможно. И я должен сказать, что сейчас, когда я смотрю на весь ход этой акции, то берется в расчет то, что полиция осознанно отказалась на протяжении длительного времени от каких-либо мероприятий, что говорит в пользу того, что акция была спланирована и проведена превосходно. Конечно, у них были опасения, что со стороны полиции могут возникнуть какие-либо препятствия.

Репортер: Господин Лоренц, анархисты высказывались в отношении предвыборной борьбы?

Лоренц: Только то, что похищение может как-то повлиять на результат выборов.

Репортер: Господин Лоренц, двое ваших товарищей по партии потребовали для террористов смертной казни. Как быть с этим, по вашему мнению?

Лоренц: Я был и всегда буду против введения смертной казни.

Репортер: Господин Лоренц, у вас не было впечатления, что в данной акции речь идет о народной тюрьме?

Лоренц: Нет. У меня сложилось ощущение, что всё это было устроено специально для данной акции.

Репортер: Не можете ли вы описать, как осуществлялся прием пищи и что вы ели?

Лоренц: Обычная еда: хлеб, кофе, чай. Прием пищи был так же, как всегда — рукой в рот.

Репортер: В какой тональности было обращение с вами? Какое

впечатление у вас было от преступников с учетом вашей интеллигентности?

Лоренц: Я считаю их интеллигентными людьми, и я не хотел бы говорить дальше какие-либо подробности. То, что я не подвергался шантажу, и с учетом всех обстоятельств (принуждение и насилие, которым я был подвергнут) всё было достаточно корректно.

Позднее на протяжении нескольких недель полиция пыталась заполучить Лоренца на допрос, а тот всё время этого избегал, так как было очевидно, что он не готов к сотрудничеству. Его раздражало, когда во время его прогулок они за ним наблюдали. В психологическом заключении по Лоренцу стояло: «Симпатия создается под внешним давлением, наличием совместной цели, и от этого частых близких контактов. Эти факторы налицо: общая постановка одной цели, так как обе стороны заинтересованы в освобождении. Доказательством для таких высказываний может служить следующее: совместный просмотр телевизионных программ, зашили ему поврежденные брюки, обеспечивали его различными бытовыми принадлежностями, вместе с ним играли в шахматы, беседы и разговоры типа: “Ребята, скажите, пожалуйста”, “Подождите минут пять”. Эти выражения либо использовались, либо Лоренцу казалось, что они использовались. В обоих случаях это говорит о “дружественном” общении.

Такое отношение в соответствии с кодексом чести (это выражение самого Лоренца) коммунистических и анархистских преступников вполне возможно, так как они повернуты не против отдельных “капиталистов”, а против «системы», в которой они тем не менее признают честность. (Такое утверждение, однако, справедливо далеко не ко всем группам. Есть и такие, которые не остановятся перед убийством, если по политическим мотивам это считается правильным). Когда уменьшается чувство страха, то спокойная оценка своего положения способствует возникновению определенной симпатии и оказывает влияние на доброжелательную оценку людей и их целей. Нельзя также предполагать, что эта оценка вредит их объективным высказываниям или вообще приводит к ложным заключениям с целью защитить преступников. Возможность идентификации этих людей с преступниками должна учитываться, но такая возможность маловероятна. Необходимо также хотя бы в какой-то степени учитывать возможные провалы памяти из-за шока, к тому же воздействие медикаментов в угрожаемый период может препятствовать появлению глубоких душевных травм и судорог».

После освобождения Лоренца развернулось мощное преследование. Буйволы провели обыски в восьмидесяти домах, в

нескольких молодежных центрах. В некоторых СМИ обыски прошли формальным образом. Есть фотографии, на которых видно, как буйволы с какой-то злостью избивают людей в доме Вайсбеккер(13). Раньше обыски проходили вполне мирно — всё это походило на месть. Было ясно, что Лоренца не было в доме на Вайсбеккерштрассе. Основная часть преследований, как мы предположили, будет в первые три дня, а после этого всё будет проходить в закрытом режиме. Так оно и было.

Сначала мы залегли на дно. Подвал мы покинули, ничего там не меняя. Поставили только перед входом шкаф. Мы хотели позднее привести его в первоначальное состояние. У нас были специальные квартиры, которые мы до этого никогда не использовали. Квартиры, в которые мы ушли, были вполне легальными квартирами людей, которых мы знали, но которые нечасто мелькали на сцене жизни. В первые три дня никто из нас вообще не выходил на улицу. Поименно буйволы искали Ингу Витт, Ральфа Райндерса, Фрица Тойфеля, Норберта «Кнофо» Крэхера, Тиля Майера, Андреаса Фогеля, Вернера Заубера и Анжелу Лютер. Всего восемь человек, для половины из которых не было оснований. За Анжелой Лютер они охотились, потому что она была крупной. Водитель уверял, что он ее узнает. Удар по голове водителя был слабее, чем мы рассчитывали. Здесь в Берлине буйволы всё время гонялись за крупными женщинами.

В первые дни дела у нас шли сравнительно неплохо, так как мы заметили, что буйволы на нас вообще не выходили. После того, как Лоренц был свободен, мы написали письмо Альбертцу, в котором просили его содействия в передаче вещей Лоренцу, которые мы нашли в его портфеле. Среди этих вещей были письма от некоей фрау Буш, у которой была дочь с ограниченными возможностями и которая неоднократно просила Лоренца о помощи. Там было: «Дорогой господин Лоренц, я уже двадцать пять лет являюсь членом ХДС. У меня девочка монголоидного типа, она родилась 24.12.1960. С тех пор я прошла в нашем обществе через такие тернии! Люди без моральных ценностей могут быть так отвратительны. Обидно, что Сенат и церковь тоже бросили нас как картофельную шелуху. Мы чувствуем себя людьми второго сорта...». Женщина бегала по всем инстанциям, а Лоренц, очевидно, собирал ее письма, но женщине до сих пор так никто и не помог. Поэтому мы написали Альбертцу письмо с просьбой помочь женщине. Деньги, которые были при похищении у Лоренца — где-то 700 марок, — мы послали этой семье с пояснительной запиской. В это время мы много писали.

— *Женщина получила эти деньги?*

Райндерс/Фрич: Нет, она позднее сожалела об этом.

— *А Альбертц вступился за эту женщину?*

Райндерс/Фрич: Мы не знаем.

— *А позднее он вступился за вас?*

Райндерс/Фрич: Да, за освобождение Геральда Клёппера и Габриэллы Крёхер-Тидеманн.

— *После этого было еще обращение от вас?*

Райндерс/Фрич: «Похищение. Наша оценка». Дней через двадцать мы эту листовку распространили. Через три дня после освобождения Лоренца мы все собрались и составили текст этой листовки: «КТО МЫ ТАКИЕ? Через эту газету после всех драматических событий мы хотим обратиться ко всему населению Берлина, напрямую и масштабно, насколько это возможно. Делаем это мы главным образом по трем причинам: 1. Мы хотим рассказать, что мы за люди. 2. Мы хотим хотя бы частично разоблачить ложь прессы и политиков. 3. Мы хотим объяснить, почему мы похитили Лоренца. Мы не группа людей, которые действуют по принципу “чем хуже, тем лучше”. Мы не ищем выгоду для себя. Мы осознаём, что мы не изменим государство принципиально, не сможем его ни уничтожить, ни развалить. Мы не асоциальные элементы, некоторые из нас знают, что такое работать на фабрике. Некоторые еще не закончили старшую ступень школы, не говоря уже о студентах.

Наши враги распространяют ложь, которую уже нельзя терпеть: “Мы все сидим в одной лодке”, “Никто уже не осмеливается выйти на улицу”, “Сейчас мы все равны”. Вдруг равны те, кто живет в плохой и дорогой съемной квартире в Кройцберге, Веддинге и те, кто живет на вилле в Целендорфе. Теперь вдруг равны, кто зарабатывает в месяц не больше 1000 марок, и те, кто эту сумму тратит за один день. Равенство, которое записано у нас в законе, вдруг здесь, в то время, когда только десять процентов детей рабочих учатся в университетах (и не потому, что они глупые), хотя богачи с их деньгами продолжают шляться по границам и жировать. Равны и ХДС, который поддерживает предпринимателей, и маленький человек, который загнан в угол.

Те, кто начинает защищаться, объявляются преступниками и террористами. И это не свиньи-полицейские, которые громят молодежные центры. Это не предприниматели, которые чохом выбрасывают сотни людей на улицу, когда им это удобно. Это не судьи и полицейские, которые оберегают строительные компании и расстреливают взломщиков автоматов. Мы считаем, что слова и устные требования не принесут никакой пользы, чтобы что-то изменить в этой стране, где всё фальшиво. Об этом уже много писалось, слишком много людей пережили это на своем хребте. В этом обществе только отдельным личностям живется

хорошо, а большинство подавляется.

Что это значит, если ты каждый день пашешь на работе, а вечером возвращаешься домой такой изможденный, что сил хватает только на то, чтобы сидеть перед телевизором? Отчего происходят жестокое обращение с детьми, избиения, самоубийства? Почему это происходит не на виллах Целендорфа или Далема, а в районах Моабита, Веддинга, Кройцберга? Только потому, что в Целендорфе и Далеме живут более утонченные, более лучшие и приличные люди?

Это происходит не оттого, что большинство женщин-рабочих внешне соответствуют своему возрасту, а фрау Крессманн-Чах, эдакая бойкая предпринимательница, ухоженная и моложавая, занимается своими сомнительными делишками. Сколько сил фрау Буш потратила на то, чтобы люди услышали о ее ужасном положении! В ее письмах отчетливо проявилось то, что ХДС и СДПГ — одна и та же шайка. Народ должен выбирать между чумой и холерой. Это и есть пропагандируемый свободно-демократический порядок?! “Наши доходы при сегодняшних ценах достаточно велики, чтобы не умереть с голода, но слишком малы, чтобы быть сытым. Может быть, вы думаете, что рабочий должен только работать, есть, пить и оплачивать аренду?” — спрашивает фрау Буш у партии. В самом деле, это выглядит так: чем больше у рабочего забот, тем реже к нему приходят в голову “глупые” мысли — в этом правы все партии.

Дело в том, что самый большой страх для власть имущих — это когда народ начинает защищаться, бороться за свои права. Тот, у кого есть деньги, имеет власть, а тот, кто имеет власть, имеет права и будет защищаться от того, чтобы эти права отдать. Поэтому вы вынуждены сопротивляться. Начало положено: дикие забастовки, гражданские инициативы, борьба против строительства атомной станции в Виле. Формы сопротивления бывают порой не совсем однозначные. Например, праздновать болезни <пассивная форма сопротивления на рабочих местах. — прим. ред.> на предприятии, ну или еще веселей. Жители одного дома в Темпельхофе защищались так: на головы полицейских, которые что-то вынюхивали вокруг их дома, вылили кипяток. “Виновный” так и не был найден.

Свою борьбу мы понимаем как часть всеобщего сопротивления, Городской партизан — это значит фантазия и сила действия. Способности, которые есть в народе, нас радуют. Это означает, что мы не рубим с плеча вокруг себя, а реалистично оцениваем наши возможности, чтобы затем действовать. Мы учимся на практике. Только поэтому операция по похищению Лоренца была проведена превосходно.

Мы не фантомы и не патологически больные гении, как вам пытаются запудрить мозги партии, пресса, полиция, чтобы замаскировать ваше жалкое положение! Мы поняли: если чего-то хочешь достичь, то нужно организовываться, держаться вместе. Если ты один, то многого не сделаешь. Нужно только оглянуться вокруг — людей, которые думают так же, как ты, и хотят что-то изменить тысячи! Нужно вместе начинать, учиться на своих ошибках, не падать духом, даже если всё порой выглядит бесперспективным. Государство и полиция не всеильны даже в Берлине, самом полицейском городе мира».

Это воззвание мы сделали на ротапринте в Штеглице, тираж 30 000 экземпляров. В сноске мы написали, что тираж 50 000, но из-за нехватки времени не смогли столько изготовить. 30 000 листовок распространили за полчаса. Это было 26 марта 1975 года. План был такой: несколько пакетов, в каждом по 250 штук — на одну улицу. Был охвачен весь город. Пакеты передавались другим группам, а те передавали их дальше. Тираж надо было разбросать между половиной восьмого и восьмью вечера, так как в восемь часов большинство домов в Берлине закрывалось. Период распространения мы ограничили половиной часа, чтобы исключить ненужную угрозу. Если кто-то найдет листовку и позвонит в полицию, та могла прибыть через двадцать минут. Всего у нас было задействовано 120 человек.

— *И всех двадцать человек вы предупредили о том, что нечто подобное может произойти, и никто не предал?*

Райндерс/Фрич: Да. В конце концов, как мне рассказал один товарищ, у них были кое-какие вещи, которые могли сгореть до того, как буйволы ворвались в Рауххаус(14). С распространением листовок была одна старая история — так называемая система снежного кома. Ты говоришь с пятью-шестью товарищами, которым доверяешь, а те уже дальше разговаривают со своими доверенными. После истории с Дренкманом уже была акция по распространению листовок. Для людей всё тогда было гораздо жестче, до этого и после этого по данному поводу были жаркие споры. Некоторые не принимали участия в распространении листовок, поскольку были не согласны с этой акцией, а другие не хотели, так как страх был всё-таки большой.

После похищения Лоренца акция с распространением листовок была для буйволов бóльшим шоком, чем само похищение. Они поверили в то, что было распространено 50 000 листовок. Они, конечно, просчитали, что в распространении листовок участвовало гораздо больше, чем шесть человек, если за короткий промежуток времени листовки вплыли по всему городу.

— *Сколько страниц было в листовке «Похищение: наша оценка»?*

Райндерс/Фрич: Десять страниц.

— *А что вы делали, когда распространялись листовки?*

Райндерс/Фрич: Мы тоже распространяли их. Мы были в Веддинге за «Путте»(15), так как в этом районе буйволы усилили патрули. Мы бросали листовки в почтовые ящики, телефонные будки, на станциях метро — тогда видеокамер еще не было. Когда мы ушли, прибыли первые экипажи полиции.

— *Пресса из-за этого опять на вас напала.*

— **Райндерс/Фрич:** Да. Напала из-за способа распространения, из-за содержания листовки: массовые увольнения в DTW и в Loewe-Orta (радиозавод в Германии. — Б. Е.), запланированное повышение цен в общественном транспорте. Ну, и потом еще Клинбайль принял сторону ХДС. Мы рассчитывали на то, что пресса будет молчать, но было не так. Получился такой скандал, что многие после этого сами хотели прочитать наши листовки. Потом вышло разъяснение. Повышение цен на проезд в общественном транспорте отодвигается на полгода, массовые увольнения запрещены. Политически это был крупный успех — мы встретили это с воодушевлением. Хотя буйволы всё еще продолжали преследование на улицах. На это мы ответили выпуском газет в юмористическом стиле.

Во всяком случае, всё шло хорошо, и мы освободили подвал. Мы всё там оборвали, запахали в мусорные мешки и разбросали их по городу.

— *А что было там?*

Райндерс/Фрич: Главным образом пенопласт, минеральная вата и сетка-рабица. Было сложно избавиться от всего этого дерьма сразу, как мы планировали. Один раз мы закидывали мешок в мусорный ящик, а тут рядом из близстоящего дома на нас заорала женщина: «Эй, не забивайте наши мусорные бачки!». Остатки мы раскидали по разным мусорным бачкам.

«Шпигель» писал: «Молодые люди разгрузили 21 пластиковый пакет около высотного дома в Мариенфельде. Желтые обои, коричневые клейкие ленты, сетку-рабицу и красный материал для штор». Это был удар в литавры. В этой местности жил политик, член ХДС Рубин(16), которого самого похищали в начале 70-х годов.

Но тут уже все были во всеоружии. Некоторые левые уже тогда считали, что акция похищения была предпринята с той целью, чтобы помочь ХДС победить на выборах. «Ага, — закричали они, — это они сами и организовали!»

А правые подумали, что это был специально наш замысел — все улики свалить перед домом функционера ХДС, чтобы направить след в

его направлении. В связи с этим у буйволов было до фига работы. Они должны были исследовать каждый кусок скотча на предмет извлечения отпечатков пальцев. То есть они были вынуждены всё выгребать.

Содержимое всех этих мешков они разбросали в пяти гаражах, надеясь, что им удастся создать мозаику события. Через несколько недель они отказались от этого. Затем они пытались вычислить, какого размера было помещение. Лоренц же мог им рассказать, на каком расстоянии он мог ходить. Потом они комбинировали, какая толщина изоляции была на стенах.

Буйволы тогда были в синей униформе и на протяжении долгого времени ездили пьяными. Тогда в округе даже гуляла шутка: двое на улице разговаривают, перед ними лежит пьяный полицейский: «О, посмотри-ка, они опять валяются из-за этих голубых мешков» (*blau / голубой/* — на берлинском жаргоне означает «пьяный»). — Б. Е.). Позднее они начали обыскивать сотни подвалов в городе, были также в нашем подвале, но ничего там не нашли. Через две недели они нашли грузовик, в котором мы увозили мусор. Мы в нём могли вывозить пенопласт.

По существу, их успех был крайне незначителен, так как было понятно: если на протяжении нескольких недель весь этот огромный аппарат роет землю и ничего не находит, то он слеп. Они нашли так много глупых улик, что мы хотели сами им позвонить, чтобы подкинуть побольше следов.

— *Каково было отношение населения к этому?*

Райндерс/Фрич: Точно сказать не можем, так как мы информацию получали из случайных рассказов, но в основном положительную, как после большого спортивного мероприятия. Через неделю мы улетели в Бейрут. Денег у нас было достаточно, поскольку дней за десять до похищения Лоренца мы «сделали» один банк. Мы предприняли различные маршруты, чтобы добраться до Бейрута. Двое отправились в путешествие в Италию и Грецию, двое — через Данию. И в разное время. Мы исходили из того, что в этой поездке нас особо не будут контролировать. В то время ехать через ФРГ с поддельными паспортами было слишком рискованно. Товарищи доставили нас к станции метро на Фридрихштрассе, мы им передали оружие, а там перешли в Восточный Берлин. Нам там без проблем поставили визовую печать, а оттуда мы на поезде поехали в Засниц. Договариваясь между собой, мы допустили ошибку в расчетах, так как снова встретились вместе на пароме в Копенгаген. У датчан контроль на границе не очень сильный. Буйволы, вероятно, не рассчитывали на наш такой отъезд. Оттуда мы разлетелись по разным направлениям. Место встречи мы предварительно согласовали в Бейруте на пляже. Палестинцы посоветовали нам не заходить ни в одно кафе на набережной

— это было любимым местом встреч работников тайных служб. Тот, кто сидит в кафе больше часа, является журналистом или сотрудником спецслужбы, что зачастую одно и то же.

— *Вы не хотели встретиться с освобожденными товарищами?*

— **Райндерс/Фрич:** Да, конечно, хотели. Для этого мы, собственно, и приехали в Ливан. Мы там провели небольшой ликбез, как заранее обговаривали. К встрече с товарищами мы хотели подойти осторожно. Не из-за западных спецслужб, а из-за израильских. Дело в том, что они были единственные, кто правильно предсказал, где приземлится самолет с освобожденными товарищами. К сожалению, встреча не состоялась: наши палестинские контактеры объяснили нам, что в тот период времени мы встретиться не можем, так как в Южный Йемен на встречу с ними спешило много людей — журналисты, сотрудники спецслужб, родственники. Затем через некоторое время должна была состояться встреча, но наши палестинские друзья очень вежливо объяснили, что нам из-за начавшейся гражданской войны надо как можно быстрее покинуть Ливан, поскольку они нам не гарантируют нашу безопасность.

Нам было неясно, как будут развиваться события. Половина возвратилась в ФРГ. Остальные уехали в Дамаск (Сирию) и лишь позднее возвратились обратно.

— *А что стало дальше с пятью освобожденными?*

— **Райндерс/Фрич:** Все, кто был освобожден, продолжили борьбу дальше, Хотя и при других обстоятельствах. Рольф Хайслер был арестован в 1979 году во Франкфурт-Заксенхаузене. При аресте он получил выстрел в голову. Остался в живых только потому, что вовремя заметил, что что-то происходит, и в тот момент держал перед головой портфель с газетами. От этого пуля изменила направление полета.

Перед этим жертвами смертельного преследования пали Элизабет фон Дик и Вили Петер Штоль. К тому времени Рольф был в RAF, куда он перешел по принципиальным соображениям. Сейчас он сидит в тюрьме в Баварии пожизненно. 21 июля 1974 года Рольф Поле был арестован в Адене. Из-за его экстрадиции в ФРГ из Греции была шумиха. Прошла демонстрация в его поддержку. Его греческий защитник по процессу об экстрадиции стал позднее министром юстиции. А судья первой инстанции, который отклонил экстрадицию Поля, стал позднее греческим президентом. Это тот самый судья, на которого ссылается фильм Коста Гарвас «Z». ФРГ оказала такое мощное давление на греческое правительство, что более высокая судебная инстанция дала согласие на экстрадицию Рольфа. Ему прибавили к приговору еще 3,5 года из-за греческих обстоятельств. В начале 80-х он вышел на свободу и сейчас

живет в Адене.

Ина Зипман сначала вернулась в ФРГ, а в конце 1979 года уехала в Ливан. У нее была такая ситуация: с одной стороны, бороться как крыло освободительного движения так называемого «третьего мира», с другой стороны, не было никакой перспективы увидеть какие-либо изменения в ФРГ, где обстановка становилась всё более шизофреничной. Поэтому она решила присоединиться к борьбе палестинцев. Насколько мне известно, она сражалась в рядах палестинской женской бригады и во время интервенции Израиля в 1982 году погибла. Израильцы тогда после вторжения разрыли все могилы и нашли тело женщины-блондинки. Они объявили с уверенностью в 95%, что это именно тело Ины.

В феврале 1979 года во время пика преследования RAF были арестованы Верена Беккер и Гюнтер Зоненберг. В них обоих стреляли при аресте. Позднее они были приговорены к многолетним срокам заключения. Верена была помилована в 1979 году. Вышла на свободу, сейчас живет в Берлине.

Габриэлла Крёхер-Тидеманн после перестрелки в декабре 1976 года была схвачена вместе с Христианом Мёллером на швейцарской границе. Она была приговорена к 13 годам тюрьмы за попытку убийства в Швейцарии. Был длительный процесс по экстрадиции, так как ее наказание в ФРГ оставалось открытым и поскольку тогда еще шел процесс по нападению на конференцию ОПЕК в 1975 году. В 1989 году ее доставили в ФРГ. На процессе по ОПЕК она решительно дистанцировалась от вооруженной борьбы, сказала, что всё было не так. После этого ее выпустили. Сейчас она тяжело больна, живет в ФРГ.

— *То есть в течение двадцати лет вы никого из тех, кого освободили, больше не видели?*

Райндерс/Фрич: Только Верену Беккер — здесь, в Берлине.

Примечания

1. Демонстрация по Хольгеру Майнсу, см. хронологию: 9 ноября 1974 года.
2. «Движение 2 июня» успешно работало с профессиональным угонщиком — был виден профессиональный почерк. Поэтому буйволам сразу стало ясно, что речь идет о политической акции, — профессиональные революционеры обычно не работают с дилетантами.
3. Вильфрид «Бони» Бёзе (1949–1976), в июне 1975 года был схвачен в Париже с поддельными документами. Член «Революционных ячеек»

(RZ), принимал участие в угоне пассажирского самолета в Ентеббе, где при штурме был застрелен израильском спецназом. См. хронологию: 27 июня 1976 года (более подробно — в брошюре «Тексты к Герду Альбартусу»; есть в любом крупном книжном магазине, а также «Гроздь гнева», письма RZ в двух томах, издательство ID-Archiv, 1993).

4. Зигурд Дебус был арестован в 1974 году и получил 12 лет тюрьмы за попытку ограбления банка и создание преступной группировки. Умер в тюрьме в 1981 году во время голодной забастовки заключенных из RAF и Сопrotивления. Во время его принуждения к приему пищи получил кровоизлияние в мозг.

5. «Мы Тупамарос» появилось однажды в издании «Красной звезды», см. хронологию.

6. Вернер Зойберт Заубер («Зауберли»), член «Движения 2 июня». В начале 1974 года поехал в Кёльн, чтобы там организовать сопротивление на предприятиях. Работал по поддельным документам на имя Клёпера-Хумбольдта-Дойца. 9 мая 1975 года был застрелен на площади в Кёльне. См. хронологию: 9 мая 1975 года.

7. Во избежание рисков и побочных явлений прочитайте приложение на упаковке или спросите своего врача или аптекаря.

8. Гамбургский Кламаук-театр с Хайди Кабель.

9. Фюрстенфельдбрук; см. хронологию: 5 сентября 1972 года.

10. Клаус Шютц, СДПГ, правящий бургомистр в Западном Берлине с 1976 по 1979 год.

11. Назван так по имени тогдашнего министра внутренних дел Герхарда Баума (СВДП), который ввел запрет на применение оружия при освобождении заложников.

12. От первоначального требования доставить выпущенных заключенных в Западный Берлин пришлось отказаться, так как Люфтганзе в соответствии с союзническими договоренностями не разрешалась посадка своих самолетов в Западном Берлине. Чтобы избежать приостановки акции, переориентировались на Франкфурт.

13. Дом Вайсбеккер на Вильгельмштрассе назван так в честь Томаса Вайсбеккера. См. хронологию: июль 1971 года, 2 марта 1972 года.

14. Дом Рауха, площадь Марианнеплатц в Берлине-Кройцберге. Назван в честь Георга фон Рауха. См. хронологию: июль 1974 года, 4 декабря 1971 года.

15. «Путте» — молодежный центр на Путкамерштрассе, Берлин-Веддинг. См. хронологию 1972 года.

16. Бертольд Рубин. Родился в 1912 году, временно освобожденный профессор, активен в кругах ХДС. В 1971 году на четыре дня обменял

своего ребенка «террористам Баадера-Майнхофа», чтобы на выборах помочь своим друзьям христианам-демократам. Маневр провалился.

Несгибаемые со Шпрее

Интервью, не опубликованное журналом «Штерн», документ 1987 г. Фриц Тойфель, Геральд Клёппер, Ральф Райндерс, Рональд Фрич

Следующее интервью с Фрицем Тойфелем, Ральфом Райндерсом, Геральдом Клёппером и Рональдом Фричем было летом 1978 года. С 10 апреля 1978 года против четверых, затем еще двоих (Андреаса Фогеля и Тилья Майера) с участием судебной коллегии Верховного суда проходил так называемый процесс Лоренца-Дренкмана. Интервью проводил «Штерн». В соответствии с распоряжением суда по обеспечению безопасности всё проводилось письменно. В ноябре 1978 года окончательный текст интервью был конфискован судом как вещдок, копию интервью «Штерну» всё же оставили с указанием на «журналистскую обязанность быть честным». Тогдашний шеф-редактор Генри Наннен понял намек и запретил публикацию в «Штерне». Другие издательства тоже были в затруднительном положении относительно взглядов четверых. Тиль Майер, Андреас Фогель и еще некоторые пригрозили «Штерну» «юридическими последствиями», если они представят их как официальных представителей «Движения 2 июня». Скрытой причиной этого был раскол в конце 1977 года группы партизан на две фракции — «популистскую» и «антиимпериалистическую». Последняя в июне 1980 года примкнула к RAF. Интервью вышло брошюрой впервые только в ноябре 1980 года перед судом(1).

— *Как возникло «Движение 2 июня»? Каковы были личные и политические причины, которые привели к тому, чтобы превратиться в городских партизан и уйти в подполье?*

— Несмотря на то, что 2 июня 1878 года Кайзер Вильгельм во время выезда в Тиргартен и во время государственного визита шаха Персии в Берлине стал жертвой покушения и со своей королевской задницей, наспигованной дробью, размышлял о том, что же люди имеют против него; несмотря на то, что 2 июня 1967 года снова во время государственного визита шаха Персии в Берлине был застрелен Бенно Онезорг; несмотря на это, через большое или небольшое количество радостных и не очень половых актов немецких супругов в 40-е — 50-е годы были рождены поздние протагонисты, писаки и деятельные приверженцы свободы, — возникло «Движение 2 июня».

В криминальных фантазиях государственных прокуроров «Движение 2 июня» является одной из многих группировок для совершения террористических преступлений. О пользе наших групп истеблишмент распространяет ложь. В революционных фантазиях других людей «Движение 2 июня» является спонтанной силой, возникшей и выросшей после 2 июня 1967 года со сценой в Берлине. Берлин — одна из многих площадок автономных движений для изменения общества. Изменения общества от капиталистического ада эксплуатации и отчуждения к социалистическому обществу свободных людей. Без господства и принуждения. Действительно, «Движение 2 июня» возникло в начале 70-х годов как политическое средство для военных акций против собственников, классовой юстиции, капиталистов, буйволов и проклятого режима местных политиков.

Действующие люди были всегда. Они появлялись, были и исчезали, как им это подходило, в соответствии с их знаниями и совестью.

Какой опыт отягощает этих людей и движет ими? Повседневный! На каждом шагу — оковы промышленной капиталистической жизни и способа производства. Семья, школа, фабрика, бюро, предприятие, университет, тюрьма — совершенно обычное террористическое сумасшествие капиталистической повседневности которое гнало молодежь всего мира на баррикады, заставляло ее экспериментировать с новыми формами совместного проживания и борьбы. Желание жить самостоятельно. Не привлекательная кукла, не роботы, не манипулируемый идиот-потребитель, якобы управляемый интересом своего дохода, чтобы быть общественно естественным.

А что такое подполье? После каждой акции, которая не вписывается в так любимый всеми особый общественный порядок, буйволы выполняют указание: «Разыскать и арестовать террористов-преступников!». И как только ты найдешь свое более удачное место, ты должен выбирать: решиться на подполье или на полицейское государство, общество вчерашнего; встань перед полицией — пусть они тебя вывернут наизнанку, всего обнюхают. Я этого не хочу. А может мой друг: если надо, посидит несколько лет под подозрением. Или решение на подполье: общество завтрашнего дня, поцелуй меня в жопу, жизнь в бегах...

Или всё это — полицейская альтернатива? Свободный выбор между двумя смертельными стандартами существования? Должен ли для нас этот вопрос ставиться по-другому? В этом-то и состоит задача «Движения 2 июня» — сделать непригодными стандарты и смиренные рубашки буйволов.

Компьютер знает только «да» и «нет» либо «1» и «0». Революционер

знает жизнь, изучает ее во всех вариантах. Есть перетекающие переходы между легальностью и нелегальностью. Люди, которых не ищут, могут делать незаконные вещи. Люди, которых разыскивают, на протяжении многих лет могут жить, не участвуя в каких-то типичных акциях городских партизан: могут жить за границей, в земельных коммунах или по поддельным документам работать в офисе или на фабрике. А то, что вчера было разрешено, то сегодня, если это удобно власть имущим, уже запрещено. Так, за последние годы около пятисот засранцев (до объединения ФРГ с ГДР в Бундестаге заседали 520 депутатов. — Б. Е.) в Бонне нормально бросили по новым законам в тюрьмы несколько десятков человек(2).

— *Теоретические сочинения при этом играли какую-то роль?*

— Если вопрос нацелен на то, что какие-то сочинения надо изъять из обращения с целью защиты государства, то ответ один — все! Всё, что будит фантазию, опасно. Книжки об индейцах, описания путешествий, иллюстрации в журналах (накаченный мужчина в «Штерне» ужасно опасен). Различные сочинения могут будить мысли и ассоциации, но мотивация оказывать вооруженное сопротивление вытекает из конкретного практического опыта, из несправедливости на предприятиях, бесполезности шумных протестов, из противоречия между формальным правом и реальным безвластием, невозможностью действительно его применить(3). Как сказал Хорст Малер, уход в подполье трудно себе представить.

— *Что изменяется при переходе на нелегальное положение?*

— Это вообще нелегко себе представить. Подполье, легальность, фабрика, тюрьма ХДС, СДПГ — у нас всегда есть свобода выбора. Никто не хочет добровольно переходить на нелегальное положение, и если уж мы идем на это, то защищаемся от таких шаблонов, как «подполье», «терроризм».

Мы защищаемся и оказываем сопротивление. Точно так же, как в других сферах жизни и в ситуациях, это возможно и необходимо. Нелегальное положение не есть что-то особенное. Это как наступить на собачье дерьмо — может произойти с каждым. Об этом свидетельствуют преследования главных противников фон Брокдорфа и Гронде, а также облавы на женские группы во Франкфурте. Мы будем остерегаться романтизировать или демонизировать подполье. В полицейском государстве это совершенно обычная вещь. Мы должны быть трезвыми. Малер сказал: «Революционная политика криминальна по необходимости»(4). Он стал автором брошюры, которая пользуется большой популярностью. Тогда он стоял в лесу восклицательных знаков:

«Осмыслите, наконец!», «Делайте, наконец!», «Творите!».

Сегодня он стоит в лесу вопросов, и его представляют образованной публике как антитеррористическое пугало. При этом Малер всегда откровенен. С гребня восторга он достиг гребня горечи. То, что делается по необходимости, есть трезвое отношение к действительности. Это справедливо и по отношению к подполью.

В этой мешанине действительности, нашей повседневности мы высматриваем восклицательные и вопросительные знаки и некоторые «А» с кренделем. Готовность к акциям, восторг быть «на коне», способность к самокритике (сюда относится и критика других, даже если она исходит от буйволов) — эти вещи не должны взаимно исключать друг друга.

— *А нелегальное положение не закрывает доступ к массам, которого, вообще-то, и нужно достигать?*

— Переход на нелегальное положение — это средство буйволов изолировать людей, которые для них опасны. Это понятно. Но изоляция царит во всех сферах жизни. Борьба против изоляции за солидарность — это главная задача любой революционной практики. Но доступ к массам закрывает не нелегальное положение, а выступающее на первый план самомнение, чванство. Мы ведь не проповедники, которые несут в «массы» святое учение. Задача партизан — показать возможности для сопротивления в отношении кажущейся мощи государства и его прихлебателей и организовать людей. Когда противники АЭС, занимая строительные площадки или саботируя строительство, препятствуют опустошению окружающего мира, когда женские группы организуют клиники и поездки против аборт, когда ученики анонимной угрозой о заложенной бомбе выигрывают себе один день свободы от террора на учебных фабриках, тогда это тоже разновидность партизана. Партизан — это не религия, а форма борьбы масс(5).

— *Акции были спонтанные или они всё же планировались? Что вы испытывали после этого?*

— Конечно, условия борьбы в определенной степени требовали планирования. При этом недостатка в спонтанной деятельности не было. На практике ни одна акция не идет точно по плану(6). В RAF были сильные иерархические тенденции.

— *Как выглядело это в «Движении 2 июня»? Как принимались решения и каково было ваше отношение к RAF?*

Мы немного знаем о RAF. Активисты из RAF всегда говорят, что в их рядах господствуют чуткость и коллективизм, а в «Движении 2 июня» женщины подавляют мужчин, а пролетарии студентов, как и наоборот. Решения принимаются по жребию или рукоприкладством, но всегда

неверные. Наше отношение к RAF очень эротично и родственно(7).

— *А есть такие люди, которые говорят «Я больше с вами не сотрудничаю» — и выходят?*

— Да(8). После провала Тиля Майера появились «Революционные ячейки».

— *К слову: это не была акция «Движения 2 июня»?*

«Революционные ячейки» взяли на себя ответственность за обе акции против адвокатов-назначенцев. Как явствует из объяснения Тиля Майера, которое он дал на процессе, акция освобождения была проведена «командой Набиля Харба»(9).

— *«Движение 2 июня» не собирается распусться?*

— «Движение 2 июня» — это политическое понятие. Оно означает каждодневную конкретизацию политического сопротивления, которое выросло из молодежных протестов 60-х годов. То есть «Движение 2 июня» образуется из всех тех, кто пытался и пытается противопоставить себя каждодневному капиталистическому террору. Сюда относятся домовладельцы и молодежь, которая принимает на себя управление молодежными центрами, заключенные и женские группы, детские магазины и альтернативная пресса, организации забастовок и поездки против аборт, а также международные комитеты солидарности с народами Ирана, Вьетнама, Палестины, Анголы Западной Сахары и др.

Вооруженные команды были выражением и результатом этого Движения, они выросли из него и зависят от него, даже если некоторые уже не хотят признавать это. Это была попытка перевести латентный революционный характер этого Движения в показательные акции и так двинуть его вперед, чтобы преодолеть частичное бессилие, например в отношении тюрем и полиции.

Ни Движение, ни его группы не распущены. Но всегда был и есть далеко идущий процесс преобразования. В настоящий период едва ли идет речь о терроре потребления, зато на первый план всё больше выходит проблема безработицы.

Больше уже не страх перед законами о бедности выгоняет оппозицию на улицы, а полиция. Служба охраны границы провоцирует гражданскую войну, в которой законы — всего лишь макулатура. Вот смотри: Гронде, Брокдорф, Штамхайм, охрана границы, война против клопов, «Большой брат», информационные базы заводской охраны и ее вооружение и т.д., и т.п. А всё большее угнетение большинства населения порождает новый, более мощный вид недовольства, чем возмущение студентов против удаленной бойни империализма.

Сейчас, если хотите, налицо трансформация идеального характера

сопротивления в материальную фазу. В этой связи, конечно же, заметно перемещение центра тяжести революционной борьбы, заметна трансформация сопротивления, форм ее организации(10). Как выразился Карл-Хайнц Дельво, для некоторых сочувствующих эти акции были бы как обухом по голове.

— *Правда ли, что, как сказал Бомми Бауман, в настоящий период всё идет по каким-то закономерностям, которые ты сам не можешь определить?*

— Да, это так. Захват самолета в Могадишу(5) был антинародным. Есть даже такая теория, в соответствии с которой «популистский» — это якобы жаждать симпатию народа, а «революционный» — это всегда и везде заботиться о всякой «ерунде». Мы выбрали популизм, так как при нашем и без того горящем облике просто невозможно отказаться от симпатий народных масс.

Бомми Бауман действует по той жесткой закономерности, что ему время от времени нужны деньги, — и он может продавать свои, между прочим, известные истории, пока ему в голову не придет что-то новое. Как, например, атомный шантаж «террористов». А вот здесь для нас шутки прекращаются. Были расисты-американцы, которые первыми сбросили атомную бомбу на японские города-миллионники, И мы уже давно боимся, что военные ястребы и политиканы после первой атомной катастрофы на атомной станции или несчастного случая с атомным оружием направят гнев народа на нас. То, за что ратует Бомми(министр внутренних дел ФРГ Герхард Баум - прим.ред.), показывает, куда это может привести, если следовать в фарватере пропагандистской политики власть имущих.

— *При своем образовании рассматривало ли «Движение 2 июня» Федеративную республику как фашистское государство? Каким вы сегодня видите это государство? Вы решительно отказались от анализа?*

— Ерунда! ФРГ не была и не является фашистским государством. Но государственные бюрократы, прежде всего полиция и юстиция, функционируют не меняясь не только как во времена III Рейха, но и при Кайзере Вильгельме, а также во времена Веймарской республики в духе власть имущих, реакции, капитала. Так происходит в любом классовом обществе. И эта государственная бюрократия насаждает террор, особенно в кризисные времена. При этом отдельный прокурор, судья, буйвол чувствуют себя совершенно безнаказанными.

Репрессивный аппарат функционирует посредством прусской муштры и классовых рефлексов. Мы были бы слепыми, если бы не видели

разницы между действиями нацистского правосудия, которое в десять минут выносило приговор «Тыкву долой!», и нашим процессуальным производством, которое на протяжении нескольких месяцев и лет вымучивает приговор, который едва ли что устанавливает, зато тщится сохранить видимость справедливости.

Мы даже можем давать интервью — очень мило. Фашизм нельзя противопоставлять нормальному гражданскому государству. Это всё равно, что белое сравнивать с черным. Переходы плавные. Оба государства — капиталистическое господство. ФРГ не является фашистским государством, но фашистские тенденции есть, они в последнее время как раз усиливаются. Конечно, сегодняшние методы стали более тонкими, дифференцированными. Но возьмите тюрьмы: заключенных по-прежнему избивают, бросают в «успокоительные» камеры, где им против их воли делают успокаивающие уколы.

Только ради заботы о заключенных RAF летом 1977 года в Гамбурге им деревянными зубилами выбивали зубы во время голодной забастовки, когда они сопротивлялись насильному приему пищи. В мае 1977 года спецназовцы госбезопасности цепями скручивали нам до крови запястья, были клоки вырванных волос и удары по почкам. Таким образом прекращали сопротивление против принудительного обривания и наказывали за гримасы при очных ставках.

Международная амнистия озаботилась. Известный правовед говорил о пытках. Пресса молчала. Были мертвые камеры, в которых, например, Астрид Проль и Ульрике Майнхоф отлично изолировались на протяжении многих лет. Здесь говорилось о праве на «белые» пытки. Закон № 6 о запрете на контакты между заключенными делает их по произволу Боннского правительства беззащитными и бесправными.

Филбингер(7) может назвать себя ужасным юристом. События в одной из тюрем, которой он руководил, остались нерасследованными, закрытыми ложными сказками и пеной официальных сообщений. Всё это после ужасных преступлений и истязаний нацистского периода кажется нам не таким уж масштабным.

После фашизма в основе этого вопроса лежит стереотип мышления, который для многих левых является препятствием для того, чтобы здесь и сейчас разобраться в проблематике вооруженного сопротивления. Если коротко, их принцип: вооруженная борьба за социализм приобретает смысл и легитимность только в том случае, если она ведется против откровенно фашистских форм капиталистического режима. Но немецкая история показывает, что как раз тогда-то это будет уже слишком поздно. Вооруженная борьба имеет смысл не благодаря тому, что мы судорожно

пытаемся доказать, что государство стало насквозь фашистским. Некоторые товарищи потратили на это уже слишком много усилий(12).

Акции «Движения 2 июня» и RAF привели к тому, что полиция вооружилась и законы ужесточились. Это может быть повернуто и против легальных левых.

— *Учитывались ли такие последствия акций?*

Тот, кто добровольно подчиняется господам и позволяет себя эксплуатировать, — тот не боится репрессий. Если он отказывается это делать, то его принуждают силой, и чем сильнее его сопротивление, тем сильнее принуждение господ. Всё было бы по-другому, если бы не было господ и угнетенных. Альтернатива типа я якобы «добровольно отказываюсь от самоопределения, чтобы не быть подвергнутым террористическим методам», — это никакая не альтернатива.

Революционные акции являются излюбленным предлогом для ограничения гражданских свобод и создания аппарата подавления. Но не это является его основой. Во всяком случае, законы о чрезвычайном положении и ручных гранатах не ссылаются на этот аргумент. Даже мобильные группы быстрого реагирования были созданы еще задолго до того, когда были осуществлены первые большие акции партизан. А к закону о запрете на профессии партизаны вообще никакого отношения не имеют. А то, что акции проводятся маленькими группами, а за это должны расплачиваться другие, — это известный метод фашистов.

А давайте повернем эту аргументацию против власть имущих: эксплуатация народа, полицейский и тюремный террор приводят ко всё более усиливающемуся сопротивлению и кровавым революциям.

— *А власть имущие просчитали такие последствия?*

— Очевидно! Ральф Райндерс на процессе заявил: нашей целью было и остается привлечь большинство народа на сторону революции.

— *Как стыкуется с этим захват самолета Люфтганзы с отдыхающими на Майорку?*

— Да никак! Хорст Малер тогда сказал: «Этому государству нужны террористы, чтобы шаг за шагом ликвидировать те свободы, которые были оставлены народу после падения в 1949 году фашистского режима».

— *Не лучше ли теперь эти гражданские свободы защищать?*

— Патрон говорит: «Благодари лентяя за то, что мы меньше платим тебе зарплату». Законодатель говорит: «Благодарите партизан за то, что мы выбираем более толстые дубинки». СС говорит: «Благодарите партизан за то, что мы уничтожим вашу деревню». Но как можно такое говорить в условиях демократии, когда народ имеет свое СЛОВО? Мы что, так глупы, что сами себя эксплуатируем, подавляем и убиваем? Логика

освобождения не может быть такой же, как логика господства. Мы будем целовать зад своему мучителю, чтобы Хорст Малер получил цветной телевизор? Бомми Бауман сказал: «Могадишу стало бы элитарным безумием, если бы убийство Шляйера принесло политическую неудачу».

— *А разве нельзя ожидать политических успехов от легальных базисных движений, таких как группы против атомных станций или гражданских инициатив?*

— Похищение и смерть старого нациста и предпринимателя Шляйера имеют другой вес по шкале ценностей, нежели похищение в Могадишу. Путать правильные и неправильные акции могут совершенно другие люди, чем Бомми Бауман. Только схематичное сознание и догматизм с обеих сторон могут поддерживать разделение легального и нелегального движения, вооруженной гражданской инициативы от невооруженной. Этот схематизм, это разделение — вот то, что тормозит политический прогресс. Мы же, наоборот, боремся.

— *Возникал ли у вас когда-нибудь «колючий» вопрос: «Это не то, к чему мы стремились. Может, мы должны мы по-новому пересмотреть свою исходную позицию?»*

— Общество не есть что-то застывшее, неподвижное. Всегда происходят какие-то изменения, процессы, метаморфозы, передвижки властных отношений. Исходя из этого твоя собственная политика должна постоянно перепроверяться, пересматриваться. Если этого не делать, то она превращается в догматизм, отдалается от реальности и программирует поражение. Или, как сказал Маркс: «Пролетарские революции всегда самокритичны, в своем движении постоянно прерывают свой ход». Возвращаются обратно к, казалось бы, уже сделанному, чтобы начать снова; беспощадно насмеяются над своей половинчатостью, слабостями, жалкостью своих первых попыток, казалось бы, бросают своего противника, чтобы он набрал новые силы, и снова встают перед ним еще мощнее, снова пугают его перед неопределенной чудовищностью своих собственных сил до тех пор, пока всякий возврат невозможен, а сами обстоятельства кричат: *Nic rhodos, hic salta* — «Здесь роза, здесь и танцуй!». На некоторых процессах настроение в боксах обвиняемых было очень веселым.

— *А что смешного при перспективе заключения на долгие годы?*

— Жизнь достаточно серьезна, ее тяготы можно вынести только со смехом, как имел обыкновение говорить Геральд.

А теперь серьезно. Так вопрос вообще нельзя ставить, поскольку ложка дегтя пролилась, а лучше сказать, деготь широко разлился в пестром спектре левых сект. Перспектива, которую предлагает капитализм людям,

ужасна. Либо многолетнее заключение, либо эксплуатация в течение всей жизни, империалистические войны или атомное отравление. Тому, кто удовлетворился бы этим, действительно не до смеха. Этот принцип понят еще не всеми партизанами-любителями: жизнь должна приносить удовлетворение. Революционная борьба должна приносить удовлетворение, так как ее никто не ведет. Тому, кто защищается, есть над чем смеяться. Широкое объявление о затхлости всё более распространяющегося насилия государства необходимо, чтобы театр Моабита не утонул в открытом смехе народа.

Должны ли мы оставаться серьезными, когда придет свидетель Петер Лоренц? Андреас Фогель сейчас без своего доверенного адвоката. С защитником по назначению он не хочет работать.

— *В какой степени для него еще возможна защита?*

— Если очень захочешь, то возможно всё. Полёт без ракеты, юридическая защита без защитника. Обратная сторона еще хуже. Вы должны вести процесс без морали, без гуманизма, без разумности.

— *Как вообще оцениваете судебный процесс?*

— Если бы нас не поймали, мы бы не пошли. Иногда было очень напряженно, но это всё же веселее, чем сидеть в камере. Мы должны использовать каждую возможность, чтобы сказать то, что мы должны сказать. Предыдущая практика показала, что суды плохо справляются с обвиняемыми такого типа. Учитывая, что общественный интерес к процессу упал (что естественно, ведь мы не пуп земли), то ход процесса благодаря стараниям прокурорского корпуса и пенитенциарной системы всё в большей степени принимал характер паровозного колеса. Все специальные возможности для ограничения защиты к моменту заключения по обвиняемым были полностью использованы.

Уже по прошествии трех месяцев с начала судебного процесса Федеральная ассоциация адвокатов инициировала процедуру суда против местных адвокатов по доверию из-за их высказываний в ходе судебного разбирательства. Речь шла по большей части о молодых неопытных адвокатах. Адвокаты с соответствующим опытом, например такие как Хенинг Шпаненберг, были исключены из процесса по закону о запрете на профессию или специальным параграфом № 146 (запрет на неоднократную защиту). Адвокаты из-за границы были отклонены из-за отказа суда заключать с ними договоры — по финансовым соображениям. Мы сами удалялись из зала судебных заседаний неоднократно, а потом и насовсем, так как просто не могли терпеть, что суд позволял присутствующим в зале полицейским подавлять всякое выражение сочувствия со стороны наших друзей и родственников. Мы не могли согласиться, что адвокаты

по назначению против нашей воли вступали в процесс и опрашивали свидетелей. Пока мы тут были, наши адвокаты по доверию часто не могли просматривать наши выступления.

По некоторым дням процесса казалось, что суду при достижении определенного этапа, например при зачитывании обвинительного акта досрочно, сулили премию. Протокол по магнитофону был отклонен. Поэтому председатель суда имел возможность принимать свою версию высказываний в протоколе. Приблизительно так, как говорил один свидетель: «Я подписал всё, что мне подложил государственный защитник».

С другой стороны, председатель всё больше производил впечатление, что он был переформатирован членами Сената и Ассоциацией адвокатов так же, как защитник и обвиняемые.

После нашего исключения из процесса мы подали письменное прошение, где объявили, что в будущем хотим быть еще более вежливыми. Суд это прошение квалифицировал как «несерьезное и оскорбительное».

При этом речь идет не о демонтаже демократических прав. Скорее такие процессы органично включены в понятие классового правосудия. Поскольку права, записанные в законах, «нормальные» заключенные (на жаргоне — зеки) никогда не принимают всерьез. Для этого нужна или финансовая подушка, как у мошенников-хозяйственников высокого полета, или исключительный интерес общественности, как при афере с зеркалами или первом студенческом процессе, или нацистское прошлое при надежно симпатизирующем законе на юридической сцене. Рихард Вайс, заседатель от судьи Геуса, оправдал заседателя нацистского суда Резе.

Рихтер Вайс является представителем берлинского Верховного суда. В других земельных судах и Федеральном суде в Карлсруэ обстановка выглядит ничуть не лучше. То, что сократили срок шайке Браунера, означает освобождение. И мы еще будем говорить, что рассчитываем на честный приговор! Надеемся, что Мэксхен Мюллер поймет иронию.

В определенном смысле для нас процесс уже прошел, так как мы не можем больше себя защищать, не можем больше говорить от своего имени — у нас отняли даже тот маленький участок для защиты.

— *Ужесточились ли условия вашего содержания после побега Тия Майера? Как?*

— Условия нашего содержания не изменились, если не считать установку разделительных стекол при посещении адвокатов, которые по закону были введены с 1 июня идиотами по безопасности и для всех других посещений, даже для людей из категории «в поддержку процесса».

Условия нашего содержания и так достаточно гадские.

— *Какие последствия в плане подготовки к процессу, совместной работы с адвокатами имеют новые разделительные стёкла? Какое чувство ты испытываешь за стеклом?*

— Ощущение такое, что сидишь за витриной и глазеешь сквозь нее. Человеческий контакт идет как игра на флейте. Затруднено совместное изучение документов с адвокатами, поскольку каждый лист необходимо держать перед стеклом.

Письменные доказательства и акты, которые до этого напрямую менялись при посещении адвоката, иногда по мере необходимости контролировались зондами, теперь передаются только через суд, что иногда занимает несколько недель. Целенаправленная подготовка к отдельным частям процесса уже невозможна.

— *Сколько посещений разрешается (друзья, родственники)?*

— Все четырнадцать дней по полчаса на посещение, которое сопровождается двумя шуцманами и одним буйволом заведения. И это за стеклом. Затем всем относящимся к процессу было отказано в свиданиях. Объяснение такое: мы разрешаем посетителям приходить, чтобы они смотрели на стекла и разбивали их.

— *Какие книги и журналы можно читать? Какие нельзя?*

— Мы получаем «Штерн», Шпигель», дневные газеты. В Западной Германии у некоторых заключенных всё читиво проходит строгую проверку. Леволиберальные газеты и журналы мы вообще не получаем. Даже венскую социал-демократическую «Новый форум» — как наверняка опасную. Книги надо заказывать через посредническую канцелярию, но она просто отказывается принимать заказы, так что книг мы вообще не получаем.

— *Как часто видятся члены группы вне процесса?*

— Ежедневно один час прогулки в тюремном дворе, по шесть человек в группе, два часа игры в настольный теннис и один раз в неделю — сбор на два часа, чтобы обменяться книгами и журналами, что уже запрещено.

— *Есть ли какие-то контакты с другими подследственными?*

— Можно перекрикиваться через тюремный двор, но это наказуемо — так называемые «домашние наказания» (запрет делать покупки в тюремном магазине, лишение прогулок, изолятор). За это мстят перемещениями как нам, так и другим. Вся переписка проходит через цензуру. При этом партнер по переписке должен учитывать негативные последствия. Были случаи, когда одному из нас со ссылкой на переписку отменили постановление на УДО. А так — никаких контактов в рамках исполнения наказания, это всё декорации.

— *Как часто обыскивают камеры?*

— По решению суда в течение 14 дней семь раз. По большей части во время нашего отсутствия. Контролеры злоупотребляют. Официально обыски проводятся по решению суда, особенно по торжественным поводам, а неофициально — ежедневно. Документы защиты читаются, копируются, фотографируются, воруются. Нас, например, не удивил тот факт, что федеральный судья сразу же после только что поданного ходатайства защиты зачитал готовый отпечатанный ответ. Голова опростоволосившегося Вёльца была такой же красной, как его мантия. Поэтому у Геуса не было интереса делать рекламу этому процессу.

Один раз в неделю всё имущество заключенных, включая еду, собирается специальными служащими в так называемой «комнате просвещения» и там сканируется на рентгене. Имущество кладется на раздвижной стол и без какой-либо защиты подвергается рентгеноскопии. И так на протяжении многих лет. На жалобы адвокатов тюремный врач встал в позу: никаких сомнений в том, что здоровью не наносится вреда.

В начале года работающие там служащие всё же получили защитную спецодежду, а 31 июля 1978 года эту комнату обшили защитным слоем. Вероятно, нет никакой связи между этим процессом и раком кишечника у заключенного Эберхарда Дреера, которого подвергали тому же контролю, что и нас. Имущество заключенных проверяется сейчас на аппарате, который полностью экранирован.

— *В ходе судебного процесса резко критиковались условия содержания. Что-нибудь изменилось?*

— А что должно измениться? Тюрьма вообще должна быть ликвидирована как инструмент сохранения классовых отношений. Это, конечно, приведет к перевороту всех общественных отношений. Для нас же речь идет о том, чтобы добиться в тюрьме таких условий содержания, чтобы мы могли ее пережить, то есть гарантировали бы себе психическую и физическую интеграцию в обществе после тюрьмы. Это касается не только нас, но и всех заключенных. Конкретно это называется отказ от спецрежимов, интеграция и нормальный быт заключенных. Как минимум надо создать заключенным те же условия, которыми пользуется привилегированное меньшинство: так называемое исполнение наказания в групповом проживании. Кстати, условия содержания в Моабите самые плохие в ФРГ. Так называемое «нормальное» содержание включает только один час прогулки в тюремном дворе. Это всё, что предоставляется заключенному для общения с людьми на протяжении многих лет. Остальное время — 23 часа — он сидит один в камере.

Условия содержания в группах совместного проживания

означают: 7,5 часов — открытые камеры, 2,5 часа совместного просмотра телевизионных программ. Такой режим был введен Бауманом(10) как показательно-демонстрационная модель, которая подходит для всех заключенных, которые сидят больше года. В действительности на таком режиме находится только незначительная их часть.

Примечания

1. «Порядок поведения на улицах» — стратегический документ RAF, разработанный Хорстом Малером, от которого RAF потом дистанцировалась.
2. См. хронологию от 27 мая 1978 года.
3. См. хронологию от 10 апреля 1978 года.
4. Ссылается на обращение заключенных «Движения 2 июня» в январе 1978 года к конгрессу в Тунисе.
5. См. хронологию от 13 октября 1977 года.
6. См. хронологию от 7 сентября 1977 года.
7. Карл-Хайнц Филбингер, тогдашний министр-президент земли Баден-Вюртембер. В 1945 году после капитуляции как морской судья выносил смертные приговоры за побег с флагом и приводил их в исполнение. Когда это стало известно общественности, он оправдывался: «Что тогда было правом, сегодня не может быть правом». После этого скандала он ушел в отставку.
8. См. хронологию от 5 сентября 1977 года.
9. Избранный защитник Андреаса Фогеля из-за утраты доверия сдал свой мандат. См. также хронологию от 25 июля 1978 года.
10. Профессор Юрген Бауман, с 1976 по 1978 год сенатор юстиции в Западном Берлине. В то время пользовался популярностью либерального реформатора пенитенциарной системы.

Годы в тюрьме

Ральф Райндерс был арестован спецназом берлинской полиции на квартире в Штеглице вместе с Ингой Вит и Джулиан Пламбек. Этому предшествовали пять лет нелегального положения и многочисленные акции повстанцев RAF и «Движения 2 июня». Как следствие — срок 15 лет тюремного заключения, затем содержание в небольшой группе, спецкамера, так называемый «нормальный режим». За неделю до своего освобождения 14 сентября 1990 года, во время тюремного «отпуска», Ральф сидит с несколькими старыми соратниками и рассказывает о годах в тюрьме. Включен магнитофон. На следующих страницах — сокращенная подборка многочасового разговора.

Вопрос: ...а затем из телефона: Бэр на очереди. Я спрашиваю, кто это? — Бэр, я говорю: можно же и забыть. Это Бэр? Это невозможно! Прошло довольно много времени, пока я понял, что это ты звонишь! Это был 1986 год.

Райндерс: Разрешение на телефонную связь мы получили с 1986 года. Когда мы были уже 2 года в Моабите, в блоке № 3.

— *Какое у тебя было чувство, когда ты первый раз звонил на волю по телефону?*

— *Очень своеобразное. Хотя я так и так не люблю телефоны. А из тюрьмы, когда ты вообще никого не видишь, не слышишь никакого голоса, не видишь никакой мимики, гримасы, вообще ничего, при этом рядом кто-то сидит, прислушивается — это ужасно! Но телефонные контакты необходимы, чтобы получить хотя бы кусочек нормальности.*

— *Вы могли звонить в любое время, как захотите?*

— *Мы могли звонить раз в неделю, пять минут. Ежедневно в блоке 3 с коммутатора могли звонить четыре заключенных. Каждый понедельник они должны были быть внесены в список, вся тюрьма была человек 40–44. В список вносились только 28 имен. Нужно было стоять в очереди, чтобы записаться. А тот, кого в список заносили последним, был неудачником. Звонить можно было в период с шести до восьми вечера.*

— *А как вообще поддерживался контакт с волей?*

— *Ну, письма, свидания.*

— *Они контролировались?*

— *Да, полностью.*

— *А свидания? За ними тоже было наблюдение?*

До 1985 года. А с начала 1985 года мы могли участвовать в общих встречах в тюрьме. Были групповые посещения для общения, раз в месяц. 12–14 заключенных могли встречаться со своими близкими без прослушки за кофе и пирожными.

— *А как это было для тебя после нескольких лет тюрьмы? Было ли у тебя ощущение, представление, что, мол, я сижу в обществе на кухне вместе с другими, где много плакатов на стене?*

— У меня было ощущение, как на переговорах при свидании. Кто-то сидит перед тобой, и ты с ним можешь обменяться мнениями. Но само вот это чувство, как там, на воле и т.д., — это всё еще зажато. Это пришло немного позднее.

— *Но ощущение нормальной жизни как на воле в тюрьме пропадает?*

— Да, конечно. Сначала это всё консервируется, твоя прежняя жизнь. И это ощущение у тебя в животе, и это не меняется от рассказов. У тебя в голове оседает мысль, что там что-то меняется, но реализовать это ощущение из-за изолированной обстановки не получается. И тогда, естественно, у тебя возникает существенный разлад. Это ты замечаешь остро, когда выходишь.

— *Какое у тебя было чувство, когда после пятнадцати лет тюрьмы ты стоишь на улице и смотришь, как мимо тебя проезжают машины?*

— Прежде всего — запахи. Этот безумный застой газа, который доставал меня до печенок. Потом, после Кройцберга, какие-то восточные запахи. Из каждого кафе шел другой запах. Это всё ужасно интенсивно било в нос. Возвышенное чувство было, когда я выехал из Берлина, где был долго. Там я, собственно, и ощутил впервые пространство. Горизонт был ужасно далеко, а на полях уже убрали урожай. И снова чистая вода, что я после тюрьмы уже забыл.

— *Но давай с самого начала. Как было тебе, когда ты только попал в тюрьму?*

— Сначала, когда нас только завезли, мы были полностью изолированы. Пошли допросы. Когда они поняли, что так они не добьются успеха, то отказались от полной изоляции. То есть у нас было полчаса прогулки с другими заключенными. А так 23,5 часа ты был полностью изолирован от других. Но тогда были нормальные условия содержания.

— *Сегодня тоже или...?*

— Более-менее. Сегодня у заключенных один час прогулки и окружение. Всё это по минимуму. Два часа общения в конце недели — это очень мало. Такое «нормальное содержание» было до лета 1976 года.

Потом пришел Ентеббе. Мы были полностью изолированы на одну неделю. У нас у первых был запрет на контакты. Они не пропускали даже адвокатов. К тому времени законов о запретах на контакты еще не было. 7 июля 1976 года отказались от этого запрета, женщин выпустили из изоляторов. За это мы были полностью изолированы на 3,5 месяца. Именно по предписанию тогдашнего либерального (ах!) сенатора юстиции Баумана, который проявил такую реформистскую активность и привнес много чего, чтобы ужесточить условия содержания в Берлине.

— *А что по этому поводу говорил Фогель?*

— Тот полностью изолгался. Он даже приезжал в тюрьму, заходил к нам в камеру и спрашивал, чего мы хотим. Мы ответили, что хотим нормальных условий содержания, чтобы с нами обходились так же, как с другими. Нам не надо никаких особых условий содержания. На следующий день мы читаем в газете, что он сказал на одной пресс-конференции. Что он «не будет кланяться перед дерзким желанием этих элитарных людей оставаться между собой».

Когда он вошел ко мне в камеру, я даже не подумал, что это он. Он вошел в камеру, а я подумал: «Ты его откуда-то знаешь». Я в это время как раз мыл руки, а тут — опа! — в дверях какой-то гражданский, новый контролер, что ли? Он говорит: «Я сенатор юстиции...». Тут-то я узнал, что это Бауман. Я в позицию — хотел ему врезать. А он сразу так резко отпрыгнул назад — к сожалению, не достал его. Тогда я просто направил струю воды на него. Он немного обмочился.

— *На допросах буйволы пытались приводить политические аргументы?*

— Они пытались возбудить во мне готовность к разговору. То есть всё, что они о тебе знают, что о тебе известно, твои личные обстоятельства, разумеется, твои политические убеждения — всё это они старались сделать темой разговора, чтобы подтолкнуть тебя к беседе.

Вообще, это очень забавно, когда ты сидишь, не говоришь ни слова, четыре часа сидишь с замком во рту, а они всё пытаются тебя разговорить, а когда ты спрашиваешь, можно ли получить один кофе, то они такие счастливые, что ты вообще хоть что-то сказал!

Но после нескольких попыток это тоже проходит — они сами прекращают. Однако до этого некоторые рассказывают о своей личной жизни, своем душевном дискомфорте, которые они испытывают по отношению к своей жене или детям, которые в школе никто...

Всё это, конечно, служит для того, чтобы побудить тебя к разговору. У меня была такая ситуация, что я знал некоторых еще с 1970 года, когда был арестован. Тогда я с буйволами говорил. Но тогда нас взяли за дела,

к которым мы вообще никакого отношения не имели. Мы беседовали с буйволами. Мы были тогда немного наивны, выступая под лозунгом «Нам нечего скрывать». Посему в этот раз они привлекли тех старых буйволов — вероятно, подумали: ну, тогда они с ними беседовали — сейчас тоже найдут общую тему.

При этом они пытаются на каждого выходить в отдельности. Хотят выяснить, на что ты реагируешь. Иногда это выглядит абсурдно, как арестантское клише. Например, попытка жесткого прессинга.

Мой первый допрос у буйволов был такой. В комнате сидели шесть мужчин. Один исключительно подлаживался под меня. Он казался мне идиотом: подражал каждому моему движению — я даже подумал, что у него на лице маска. Другой изображал из себя этакого крутого. Периодически повторял фразы: «Надо бы его как следует избить» или «Жаль, что мы не в Чили» и т.д. Другой пытался разглагольствовать о марксизме и цитировал книги, которых я даже не знал. Их проблема была в том, что они не понимали, что в ситуации, когда ты ни на что не ловишься, не поможет никакая тактика.

Они вытаскивали меня шесть дней подряд, всегда шесть часов. И после четырех дней, в течение которых я не произнес ни одного слова, даже то, что я хочу пить или есть, они пытались привнести кое-что новенькое. Обед всегда разносит тюремная охрана. В этот день я услышал, как они гремели бадьей. Потом один из буйволов заходит в комнату с горшком и говорит: «Нет, это вообще никому нельзя предложить — это недостойно человека. Фу, дерьмо! Может, вам принести что-нибудь из столовой?» Я говорю: «Да». Это было единственное слово, которое я сказал в этот день.

Я пришел на следующий день на допрос. А этот буйвол говорит и говорит, говорит и говорит. Вдруг он на меня смотрит: «Вообще ничего не понимаю. Вчера мы с тобой так хорошо беседовали, а сегодня ты опять ничего не говоришь». Одно мое слово было для него разговором.

Иногда на допросах можно что-то услышать о своих товарищах, если буйвол разговорится. «Они все тупеют здесь. Один воображает, что он может на нас насрать» — это определенно Майер. «Другой только и делает, что сосет свой большой палец» — ну, ясно: это Тойфель. «...А этот хлещет один кофе» — это может быть только Ронни. Правда, следует признать: они не пытались применить брутальную методику. Здесь не как в ФРГ — они еще не были обстреляны. К тому же после похищения Лоренца к нам пришла популярность. Лоренц на пресс-конференции даже хвалил нас: как хорошо мы с ним обращались. Поэтому буйволы не хотели идти на контру с нами. После этого с нами обращались сравнительно корректно, до недели избиений в 1977 году. Но это уже была вина

пенитенциарной системы.

— *Когда это было и почему?*

— Руководство тюрьмы опять хотело нас изолировать. Тогда это было впервые. Это был лишь предлог. Они могли найти любой другой повод.

— *И что из этого вышло?*

— Они ворвались во двор и набросились на нас. Каждый кого-нибудь выдерживал и бил. Мы пытались оказать сопротивление, но в то время мы были в очень плохой физической форме. Сопротивление было не очень эффективным. Они уложили нас довольно быстро.

— *Это была единственная акция?*

— Нет. В 1979 году была еще драка во дворе. Наряду с другими разборками. В этот раз было немного по-другому, так как уже шел наш процесс. К тому времени из-за продолжительного содержания под стражей нам дали два часа прогулки: один час перед обедом, другой после обеда. А в дни процесса руководство тюрьмы нам просто сказала, что после 16 часов только один час прогулки, так как внешняя охрана буйволами больше не осуществляется. Это было абсурдно. В дни судебного процесса у нас иногда и по полчаса не было. Тогда мы пожаловались в суде, а председательствующий судья выразился так: «Да, я дал предписание на два часа прогулки, но у меня нет полицейского наряда, который я мог бы послать, чтобы выполнить это предписание».

Тогда мы сказали, что сами выполним это предписание. На следующий день после прогулки они должны были завести нас внутрь, а мы остались снаружи. Им потребовался целый час, чтобы основательно подготовиться. На каждого из нас выделили по шесть буйволов, которые должны были наброситься на нас. То есть их было очень много. Но их маршевый порядок как-то спутался. Это были явно не самые храбрые. Они знали, что Фриц физически самый слабый. Он со своими очками не мог долго продержаться, и весь авангард, который был сначала нацелен на Клёппера и нас, набросился на Фрица Тойфеля. Из-за этого они потеряли бдительность и понесли болезненные потери. Одному сломали нос, другому повредили шею, один потерял зуб. Мы выглядели тоже очень красочно.

— *У них были дубинки?*

— Нет. Но у некоторых были ключи. С нами они были немного осторожны, так как общественность была на нашей стороне. У других заключенных они не пользовались уважением. Некоторых так били об ограду, что у них были переломы. Буйвол, которому сломали носовую перегородку, бил одного заключенного из Тегеля связкой ключей по лицу,

когда другие держали его. Он пинал его, когда тот уже лежал на земле. Второй, которому повредили шею, до этого бил одного русского лицом об ограду. Тому сломали всё: скуловую кость, подбородок, носовую перегородку. Это было первый раз, когда мы были на равных. Такая маленькая радость. Мы к этому дню готовились целый год.

Тогда буйволы начали писать рапорты о случаях, которых вообще не было, или они сами провоцировали стычки. После этого снова появились разделительные окна — нам это было не по нутру, и мы ругались. Потом был отменен час свиданий. Час свиданий — это был такой неврологический пункт. После его отмены снова начались драки. Это было еще до того, как мы поступили в тюрьму. Тогда мы сказали: или свидания, или вообще никаких компромиссов. По другим моментам можно было отступить. Невозможно ведь годами драться. Но отмена свиданий — это уже через край! Тут не должно быть компромисса. Всё равно должен же быть какой-то контакт, соприкосновение, в какой-то мере должно быть общение, насколько это возможно. Иногда атмосфера бывает очень агрессивная.

Происходило так: когда у нас был час свиданий, буйвол забирал нас из камеры, а по пути к комнате свиданий начинал: «Вы же знаете: никаких касаний, никакого контакта». Или: «Не потому, что я великодушен, но вы можете обменяться рукопожатиями». Иногда мы с ними вообще не разговаривали. Тогда они всегда спрашивали: «Вы же знаете, вы поняли: никакого контакта». Вот тут наступает агрессия. Тогда из-за такого буйвола напряжение возрастало. Некоторые вообще ничего не делали. Они не вмешивались, даже если мы во время посещений обнимались.

— *А когда-нибудь наступал момент, когда ты думаешь: подчинись...*

— Если ты поддаешься таким мыслям, то ты уже потерян. Бывают моменты, когда ты всё передумываешь, когда в голову лезут всякие мысли, но «подчиниться» означает, что рано или поздно ты потеряешь свою идентичность. Многие на воле забывают, что то, что происходит в тюрьме, — это та же жизнь на воле, только она до крайней степени сконцентрирована. Всё настолько спрессовано, что представить это невозможно. Всё — экстрим! Ты всё время размышляешь, где смысл, что делать и когда ничего не станет. Это ходьба по лезвию ножа. Стой твердо на ногах. Тебя бьют каждый день, не сильно. И когда-нибудь тебе придет конец. Здесь, в тюрьме, ты должен соображать очень хорошо, должен знать, что делать в любой ситуации. Здесь, на воле, гораздо легче избежать конфликтов.

— *А не было такой мысли: сделать видимость, что ты подчинился,*

чтобы вписаться в нормальные условия содержания?

— Так говорят только те заключенные, которые так делают. Я думаю, что нет — это не пройдет. Нет кажущейся жизни, так же как нет и временной. Если ты на что-то идешь, то идешь на это реально. Всякое выражение в твоей жизни контролируется. Каждый буйвол пишет о тебе рапорт. Это вещи, которых некоторые заключенные просто не замечают. Вот, например, ты поприветствовал какого-то служку, а тот сразу в рапорт: «Этот стал намного приветливей. С ним можно говорить». Прямая конфронтация нужна только для того, чтобы сказать: «Я *этих* разочарую». Во всяком случае, я не знаю ни одного заключенного, который создавал такую видимость и действительно ее выдерживал. У тебя ограниченные возможности. Для меня такое было невозможно.

Есть еще кое-что. Этот процесс всё время идет, а ты размышляешь: наедут ли *эти* на тебя? Проскочит или нет такое тихое приспособление? Как на таком узком пространстве хоть в какой-то мере защитить свое «Я»? Я не хочу за три минуты выходить из камеры, когда придут за мной. Поскольку через 100, 200, 300 дней, которые текут друг за другом, ты становишься винтиком. И осознанно приспособляешься к этому — и есть предпосылка к тому, что ты больше никогда не поднимешься в своем статусе.

— *Только сопротивление удерживает тебя в жизни как личность?*

— Да. Это абсолютно верно. Даже если у тебя большой срок. Ты можешь сказать: если у меня два года, то сижу тихо как мышь и никого не раздражаю. Но я не знаю, можно ли выйти здоровым, если просто проглатывать эти годы.

— *Такие рассуждения играли какую-то роль, когда вы в 80-е годы писали против дискуссии об амнистии для заключенных из воинствующих левых: «Никакой амнистии для классовой юстиции»?*

— Нет, это была чисто политическая дискуссия, в которой наша личная ситуация играла подчиненную роль.

— *С одной стороны, ты сам хочешь всё пережить так, чтобы быть потом способным к свободной жизни. С другой стороны, для твоих товарищей, да и для тебя самого имеет политическое значение, как ты себя вел в тюрьме.*

— Когда ты садишься в тюрьму, то не размышляешь о том, что ты будешь там делать 15 лет. Но перед этим заранее думаешь, что ты делаешь с политической точки зрения, что ты в ответ противопоставишь и к каким последствиям это приведет. А когда ты оказываешься в тюрьме, то задумываешься, как дальше пойдет твое дело, как ты можешь продолжить начатое в новых условиях. Ты пытаешься собрать как

можно больше информации, которая когда-то исчерпывается, поскольку это, пожалуй, самый существенный момент, который нас отличает от интеллектуалов: мне всегда трудно на протяжении длительного периода времени объясняться на совершенно теоретическом уровне о том, что ты не можешь где-то применить на практике. В тюрьме твои возможности сильно ограничены. И это только тут, где ты непосредственно имеешь дело только с тюрьмой.

— *Вы для тюремщиков были такие же заключенные, как остальные?*

— Нет, с самого начала мы были не такие как все. Уже хотя бы по причине всех тех распоряжений, которые составлялись по нам. Они были вынуждены больше следить за нами, потому что мы имели особую категорию.

К этому надо еще добавить: если другие заключенные устраивали стычки, то они, как правило, были одни. В период с 1976 по 1980 год наших в Моабите сидело человека 22–23. И *эти* знали, что если они кому-то из наших дадут по морде, то всегда получают ответ, но не знали где. Из-за этого они были с нами всегда осторожны. Вообще-то, они впервые столкнулись с коллективным сопротивлением — для них это было что-то новое. Других заключенных им было легче разъединять, а отдельных заставлять сдаваться. Есть такие заключенные, которые защищаются физически, не позволяют на себя нападать. На такого только тогда нападают, когда их человек пятьдесят. Его избивают и изолируют. После этого он постепенно сдается. Выдержать такое на протяжении нескольких лет могут очень немногие.

— *Какие отношения у вас были с другими заключенными — с так называемыми «социальными»?*

— В первые годы, особенно в период жестокой изоляции, мы от других заключенных очень много узнали о солидарности. Для улучшения условий содержания мы совместно организовывали акции — например, такую как голодная забастовка в 1979 году.

Один буйвол мне как-то сказал: «Совершенно неважно, что вы что-то делаете». Другие заключенные просто набрались мужества: если здесь сидят политические, то они знают, как надо действовать, у них есть план, они подготовились. Все другие заражаются зудом сопротивления. Заключенные, которые всегда были тихими, начинают ворчать. Начинают писать жалобы, дерзить буйволам. И те частично стали терять контроль над заключенными.

— *Вам тюремщики как-то досаждали?*

— Да. Некоторые при шмоне вытаскивали мармелад, высыпали на

вещи мыльный порошок, срывали картины или перемешивали все вещи. Но таких буйволов были единицы.

Другой формой испоганить нам жизнь были распоряжения. Особенно во время процесса. Утром процесс, после обеда процесс и прогулка. И понеслось. По утрам перед процессом догола раздеться. Возвращаешься с процесса — догола раздеться. Идешь на процесс — догола раздеться. Возвращаешься — догола раздеться. Затем идешь на прогулку, возвращаешься с прогулки — догола раздеться. Наконец, мы сказали: хватит, больше мы это не делаем. Много накопилось злости. Тогда они каждый день разбрасывали нашу камеру. Я когда приходил в камеру, смотрю: как будто здесь был взрыв бомбы — всё разбросано. После этого — психологический взрыв. А это уже массово. Этот длительный стресс бьет по твоему равновесию. Когда ты пытаешься обеспечить себе более-менее сносные условия, тебя бьют. В тебе дикая ярость, но ты не можешь ее выплеснуть. А если ты работаешь над чем-то — не важно над чем, — то тебе нужна хотя бы минимальная концентрация.

Потом в камерах наступил период интенсивных стычек с буйволами. Тогда они решили после нескольких драк — нас тогда в камере было семь человек — разделить нас на маленькие группы, по двое-трое. И разбросать по разным камерам. Это было время основного слушания дела; к тому времени наш процесс обсуждался публично. И тут нам помог случай. За два дня до этого между буйволами была драка. Мы сказали: «Вот смотрите: если уж буйволы, которые могут каждый день выходить из тюрьмы, в таких условиях дерутся между собой, и даже они не знают, что делать со своей агрессией, то что вы хотите от нас?»

После того, как мы озвучили эту тему, нас оставили в покое. Они всегда заходили в камеру по нескольку человек, в шлемах и с дубинками, ставили еду, закрывали дверь, а мы могли делать всё, что хотели.

— *Когда это было?*

— С 13 апреля 1980 года. Тогда один буйвол получил по носу и решающий удар в глаз. Это стало причиной лишения нас прогулок. А также причиной, обосновывающей наше разьединение. После того, как нас убрали из общей камеры, физических стычек больше не было. Со стороны тюремщиков вообще не было ни одной попытки вступить в конфронтацию с нами. Даже наоборот. Если сверху поступали какие-то распоряжения и они замечали, что эти распоряжения натолкнутся на наше сопротивление, то они выполняли эти указания начальства так формально, что практически спускали их на тормоза.

— *Они с вами нормально разговаривали?*

— Некоторые. Там, среди них, тоже большие различия. Есть

буйволы — абсолютные свиньи, а были и такие, с которыми у нас с самого начала не было никаких проблем. Да, они тюремщики, они по другую сторону баррикады, но они не только не делали никаких усилий, чтобы как-то тебя притеснять, но были корректны, всегда старались, я бы сказал, вести себя по-человечески. Они просто считали, что их работа необходима. Но не все одинаковы. Были и такие, которые так проводили уборку в камере, что после этого ее было не узнать. Как правило, это были консервативные буйволы — они были жесткие, но в то же время корректные. Один такой навел в моем шкафу такой порядок, какого я до этого не знал.

— *В тюрьме возникает чувство квартиры?*

— Да нет, конечно. У зеков, сидящих долго, есть опыт. Вот у них есть чувство квартиры. Ты видишь, что пол отполирован, видишь такие-то гардины перед окном. А потом у тебя по-настоящему едет крыша. У меня в камере никогда не было чувства домашнего уюта.

Это просто другой способ ранжирования. Всё зависит от того, как ты попадаешь в тюрьму и за что. Это совсем другое, когда ты нелегально хотел улучшить твой стандарт жизни. Например, тебя осудили за ограбление, ты садишься в тюрьму и уже ничего не можешь изменить. Кроме того, у тебя есть чувство вины. Поначалу у многих есть это чувство. Но в третий раз его уже нет. И чего такой арестант должен придерживаться? Потом к нему приходит чувство привыкания.

Каждому человеку нужно жизненное пространство. Когда его не хватает, ты замечаешь, что начинаешь возбуждаться. Если ты привыкаешь, перестаешь реагировать, то не будешь волноваться. Когда ты возвращаешься в камеру, а она выглядит как поле битвы, то ты уже не волнуешься по этому поводу. Тебе уже всё равно, и с тобой уже ничего нельзя поделать. Но есть ведь еще вещи, которые тебе нужны. Это условия жизни и условия работы. Тогда, конечно, у тебя постоянная борьба за твое жизненное пространство.

— *У тебя было когда-нибудь чувство страха?*

— Да, перед драками я испытывал страх. Что значит страх? Это такое чувство... да, уже чувство. Но страх не был определяющим чувством. Не таким, как если бы я сказал: сейчас я отказываюсь от этого. Я чаще всего злился из-за того, что иногда ничего не делал. После этого злился на себя из-за упущенной возможности.

У нас были споры, как вести себя с буйволами. Это, собственно, такая вещь, когда мы говорили: «Маленький буйвол нас не интересует. С ним мы действуем по принципу: как он войдет в лес, так он оттуда и выйдет». Они тоже это поняли. И заметили, что если они сами ведут

себя прилично и разумно, то ничего не происходит. Этим, особенно в последние годы, и определялись наши отношения. Я думаю, дело было в том, что мы не просто без разбора били буйволов в морду, а только тогда, когда мы были вне себя. Мы сами примечали, кто есть кто.

— *А общественность вам помогала?*

— Я думаю, немного. Если чисто по закону, то защиты никакой не было. Но благодаря СМИ за нами всегда наблюдали. Особенно во время процесса. Если в зале суда кто-то сидел с синяками, то это выглядело не очень хорошо. Тогда создавалось особое впечатление. Ты мог сообщать об избиениях, но если обвиняемый сидит на суде с синяками, это производит соответствующее впечатление.

У меня такое чувство, что мы всё время говорим о драках. Может, это связано с тем, что сама атмосфера жестокости порождает жестокие драки. И это каким-то образом формирует всё твое сознание.

Хронология ключевых дат

60-е годы:

Борьба за освобождение и независимость в разных странах. Борьба против колониализма оказывает влияние на появление новых левых в ФРГ, образует площадку для многочисленных дискуссий в Западной Европе. В США, Франции и ФРГ зарождаются движение против вьетнамской войны и студенческое движение под сильным влиянием «Франкфуртской школы» (Маркузе, Хоркхаймер), битников и французских экзистенциалистов (Сартр и др.). К тому же в США возникает движение хиппи (дети цветов). Сначала без каких-либо политических претензий. Выходцы из этих движений приобретают большое культурное значение. В США под давлением сильных репрессий движение политизируется.

В ФРГ возникает подобное «Гаммлеровское движение». Они живут на улицах, путешествуют по странам, развивают новые цели и мечты совместной жизни. Позднее это движение сходит на нет, распадается на движение земельных коммун, движение хиппи в Индии, на юношеские грехи и возобновление прерванной учебы.

С начала до середины 60-х годов в США возникает мощное движение афроамериканцев против расизма. Доходит до серьезных конфликтов, особенно до путчей черной молодежи в гетто: 1961 год — Алабама, 1964-й — Гарлем, 1965 — Лос-Анджелес, 1966 — Чикаго, 1967 — Нью-Йорк и Детройт. Во многих американских городах беспорядки.

В 1966 году Хей Ньютон и Бобби Сил основывают партию «Черная пантера» — как ответ на безуспешное движение за гражданские права. Впервые доходит до открытого попрания принципа о неприменении насилия. В Окленде «Черные пантеры» впервые вступают в вооруженный конфликт с полицейскими для защиты черного населения от террора. Одновременно эта организация осуществляет социальные мероприятия: детское питание, школы, медицинское обеспечение.

В 60-е годы в Уругвае образуются «Тупамарос» (леворадикальная национальная организация в Уругвае, впервые в 1960-е годы применившая тактику герильи. — Б. Е.), чья политика городских партизан оказывает влияние на развивающихся воинственных левых в ФРГ.

В начале 60-х годов США при президенте Кеннеди посылают своих военных советников в Южный Вьетнам. В апреле 1962 года американские солдаты впервые загоняют население Южного Вьетнама в так называемые «стратегические деревни», чтобы лишить Вьетконг базы.

20 декабря 1960 года: основание национально-освободительного движения Вьетконг.

15 апреля 1960 года: вторжение США на Кубу. В этот день бомбардировщики Б-26 делают налет на Кубу и уничтожают кубинскую люфтваффе. 16 апреля в Плэя Жирон (Залив Свиней) высаживаются полторы тысячи вооруженных боевиков, подготовленных ЦРУ. Через три дня агрессоры полностью разбиты кубинскими мужчинами и женщинами.

20 июня 1962 года: в Мюнхене происходят так называемые швабские волнения: молодежь сталкивается с полицией в уличных боях.

14–28 октября 1962 года: карибский кризис. Когда американская разведка обнаружила на Кубе советские установки для пуска ракет средней дальности, Кеннеди ответил экономической блокадой Кубы (морская блокада). Хрущёв сказал: «Если вы возьмете Кубу, мы захватим Западный Берлин». Конфронтация между СССР и США вплотную подошла к порогу третьей мировой войны.

Июнь 1963 года: визит в Берлин президента США Джона Кеннеди. На улице перед ратушей в Шёнеберге 300 000 человек прислушиваются к его словам: «Я берлинец». Первые акции по распространению листовок против визита Кеннеди и войны США во Вьетнаме.

22 ноября 1963 года: убит президент США Кеннеди.

1964 год: Че Гевара обращается к североамериканским студентам, которые посещают Кубу: «Я вам завидую. Вы, североамериканцы, можете быть очень счастливы. Вы от имени всех ведете важную борьбу, живя в сердце зверя».

Декабрь 1964 года: берлинцы и мюнхенцы совместно выпускают листовку к визиту Чомбе. С 10 июля 1964 года Чомбе — президент Конго, позднее царь. После убийства Лумумбы (12 февраля 1961 года) он, как пособник североамериканцев, создал в стране диктатуру. В связи с визитом Чомбе происходят столкновения с полицией. В Берлине начинаются волнения студентов и молодежи.

21.февраля 1965 года: в Берлине на лесной сцене состоялся концерт «Роллинг Стоунз», ущерб составил 400 000 марок.

25 мая 1966 года: культурная революция в Китае. Идеи Мао Цзедуна оказывают сильное влияние на теоретические споры левых в ФРГ. «Огонь по штабам!», «Срезайте старые косы!»

Конец октября 1966 года: Конгресс против чрезвычайного положения под лозунгом «Чрезвычайное положение демократии». Несмотря на широкое движение, начиная от демократов и профсоюзов до оппозиционных новых левых, которые маршами и другими формами протеста пытались препятствовать принятию этих законов,

они были приняты в 1968 году. ФРГ создала инструмент, чтобы вооружиться против ожидаемых внутривластных дискуссий. Законы о чрезвычайном положении облегчают использование полиции, госбезопасности и Бундесвера в обход парламента через правительство, а также ограничивают основные гражданские права в так называемом «состоянии чрезвычайного положения». Законы предусматривают создание служб безопасности с полномочиями исполнительной власти, даже при необходимости предоставления им права вводить чрезвычайное положение. Позднее в вышедших к законам инструкциях от 21 ноября 1968 года конкретизируются взаимодействие спецслужб и служб пенитенциарной системы, использование боннской группы безопасности как следственного органа по государственным преступлениям, а также проведение ежемесячного совещания комитета госсекретаря по вопросам безопасности.

Осень 1966: экономический кризис и большая коалиция: ХДС/ХСС и СДПГ. Вили Брандт становится министром иностранных дел. Бизнес, профсоюзы и государство сходятся в одной «концентрированной акции»; определяются ключевые даты экономического развития, среди прочего также «красные линии по зарплате». Но большая коалиция существует недолго. Союз социал-демократов и консерваторов увеличивает влияние внепарламентской оппозиции. Для того чтобы интегрировать эти силы (что удается в эру Брандта в 1969 году), СДПГ снова разрывает союз с коалицией ХДС/ХСС.

Декабрь 1966: Руди Дучке на одном собрании призывает к созданию внепарламентской оппозиции.

1967 год: возникновение движения коммун.

5 апреля 1967 года: берлинская полиция предотвращает покушение «Коммуны 1» на вице-президента США Губерта Хэмфри.

2 июня 1967 года: Во время демонстрации против визита шаха Персии полицейский криминальной полиции Карл-Хайнц Куррас застрелил Бенно Онезорга.

9 октября 1967 года: в Боливии убили Эрнесто Че Гевару.

25 октября 1967 года: Кассиус Клей (Мохаммед Али) за отказ идти на военную службу приговорен к пяти годам тюрьмы и запрету на профессиональный бокс.

30 января 1968 года: начало наступления Вьетконга (вьетнамский Новый год) против южновьетнамского режима, которое увенчалось крупным успехом. Большая часть страны переходит под контроль Вьетконга.

17–18 февраля 1968 года: «Вьетнамский конгресс». В Берлине

состоится международный Вьетнамский конгресс — наивысший пункт вьетнамской кампании, в которой принимают участие многочисленные международные делегации. После отказа от запрета на демонстрацию, изданного Сенатом, в заключительной демонстрации приняли участие более 12 000 человек.

21 февраля 1968 года: официальный Берлин отвечает встречной демонстрацией, которую организуют Сенат, немецкий профсоюз и концерн Шпрингера. Служащие и чиновники госслужбы для участия в демонстрации освобождаются от работы. 8000 берлинцев демонстрируют против студенческого движения под лозунгом «Берлин не должен превратиться в Сайгон». Шпрингеровские газеты, подогретенные настроениями погрома, провоцируют к эксцессам против студентов, молодежи и интеллигенции. Некоторые освобожденные учителя на демонстрации протестуют против принуждения к участию в демонстрации и тоже подвергаются нападениям.

3 апреля 1968 года: после резни в Май-Лае Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Торвальд Проль и Хорст Зёнляйн закладывают в супермаркете во Франкфурте-на-Майне два зажигательных фугаса в знак протеста против равнодушия общества в отношении убийств во Вьетнаме. Через четыре дня их арестовывают. За эти акции, похожие на партизанские, их приговаривают к трем годам тюрьмы.

4 апреля 1968 года: убийство Мартина Лютера Кинга.

11 апреля 1968 года: в Западном Берлине от выстрела в голову Йозефа Бахмана, вращающегося в праворадикальных кругах, серьезно ранен Руди Дучке. Сразу после покушения в ФРГ и Западном Берлине доходит до крупнейших и очень воинственных демонстраций («пасхальные волнения»). Под лозунгом «Бильд» участвовала в расстреле» демонстранты препятствуют выдаче шпрингеровской прессы (блокада Шпрингера). Доходит до многодневных стычек с полицией. Начало кампании «экспроприации Шпрингера».

24 марта 1979 года: Руди Дучке умирает в Дании от последствий ранения.

Май 1968 года: красное 1-е мая, Берлин. Независимо от майских мероприятий, организованных Союзом немецких профсоюзов, новые студенческие и не студенческие левые организуют свою демонстрацию.

11 мая 1968 года: в Бонне более 70 000 человек вышли на демонстрацию в знак протеста против законов о чрезвычайном положении, которые 30 мая 1968 года были всё же приняты большой коалицией.

Парижский май 1968 года: источник волнений — оккупация парижских университетов. 3 мая 1968 года парижская полиция выгоняет

всех из Сорбонны. Это приводит к уличным боям в латинском квартале. После жестких стычек возле университетов миллионы рабочих солидаризуются со студентами генеральной забастовкой и совместными демонстрациями. В июне 1968 года захватываются предприятия «Рено», а 11 июня доходит до восстания в Пежо-Монтебло. В Морненграунене на фабрику Пежо-Монтебло вторгается CSR (республиканская рота по обеспечению безопасности). Один рабочий застрелен полицейским, четверо его коллег тяжело ранены. Вслед за этим начинаются ожесточенные бои, в ходе которых было убито 11 полицейских CSR.

В парижском театре «Одеон» спонтанно идет дискуссия о возможности культурной революции.

Французский президент де Голль 30 мая 1968 года в ответ на события в Париже распускает парламент и на 10 июня назначает новые выборы. За несколько дней до этого он сбегает в Саарланд, где дислоцируются танковые части, и маршем направляет их на Париж. Коммунистическая партия Франции дистанцируется от восстания и заботится только о том, чтобы рабочие снова вышли на работу.

Парижский май становится сильным толчком для левых в ФРГ. Студенческие левые обсуждают поход на предприятия и создание фабричных групп, но многим, как позднее показало время, эта выбранная пролетарская позиция была насажена искусственно. В противоположность им у рабочей молодежи и хиппи на первом месте стоит отказ от работы.

Параллельно с этим возникает движение студентов и рабочей молодежи, для которых борьба за лучшие условия работы и обучения является добавочным пунктом.

В сентябре 1968 года создается «Gauche Proletarienne» — самостоятельная организация, вышедшая из майского движения.

Сентябрь 1968 года: на 23-й конференции SDS (Социалистический союз немецких студентов — социалистическая организация левого толка в тогдашних ФРГ и Зап. Берлине. — Б. Е.) во Франкфурте «Берлинский совет за освобождение женщин» берёт интервью. Собеседница Хельке Сандерс упрекает авторитетов антиавторитарной SDS в том, что в их организации женщины подавляются так же, как в обществе. Когда Ганс Юрген Краль, следующий докладчик, не соглашается с этим, женщины забрасывают его помидорами. «Личное есть политическое». Эта инициатива становится спусковым моментом для создания нового женского движения. Повсюду в ФРГ создаются женсоветы.

4 ноября 1968 года: «Битва по дороге в Тегель». После покушения на Руди Дучке адвокат Хорст Малер участвует в демонстрации протеста против концерна «Шпрингер». На следующий день его обвиняют в том,

что он возглавлял эту демонстрацию. Генеральная государственная адвокатская контора вносит предложение запретить Хорсту заниматься профессиональной деятельностью. Предложение отклоняется берлинским земельным судом. Около тысячи демонстрантов собираются за зданием суда во время обсуждения и пытаются пробиться к тегельскому переулку. Смешанная толпа из студентов, молодых рабочих, рокеров. Газета «Бильд» прокомментировала это так: «Больше 300 арестов. Что поразительно: каждый третий — студент». В организованном военном порядке, чего никогда не было, демонстранты выступают против сил правопорядка. Это последняя демонстрация, когда полиция была со старыми киверами, — после этого она была оснащена новыми шлемами. После стычки на Тегельском переулке в SDS происходят жаркие споры о насилии и изменениях в обществе. В этих спорах SDS разделяется.

8 ноября 1968 года: Беате Карлсфельд дает пощечину тогдашнему федеральному канцлеру Киссинджеру и бросает ему в лицо: «Фашист!» Любке (в то время федеральный президент) и Киссинджер сделали карьеру при нацистах. Деятельность Киссинджера в качестве посредника между министерством иностранных дел и министерством пропаганды нацистов для Беаты Карлсфельд является поводом вынести на обсуждение деятельность бывших нацистов на уровень высоких общественных ведомств в ФРГ. В тот же день Беате Карлсфельд была осуждена на год тюрьмы.

1969 год: с роспуском SDS образуются многочисленные коммунистические партии — так называемые К-группы. На встречах Smoke-in (любителей марихуаны) кроме прочего, как ответ на появление многочисленных студенческих группировок создается «Центральный совет ищущих повстанцев».

24 января 1969 года: уличные бои в Дери, Северная Ирландия. Ирландская Республиканская Армия снова возобновляет вооруженную борьбу.

1 июня 1969 года: транспортные предприятия в Ганновере повышают плату за проезд. В ответ на это вспыхивают забастовки, в течение нескольких недель работа парализована. Состоится первая акция «красных табличек»: наклеив красную карточку на переднее стекло автомобиля, водитель сигнализирует о том, что он готов подвезти людей, куда им нужно. Этим был достигнут отказ от повышения цен на проезд.

7 июня 1969 года: демонстрация рабочей молодежи и учеников на производстве в Кёльне под лозунгом: «Самоопределение и классовая борьба вместо того, чтобы быть в фарватере борьбы профсоюзов».

27 июня 1967 года: в баре на Кристоферстрит в Нью-Йорке люди

обороняются против одной из обычных облав.

Июль/август 1969 года: После того, как в Западном Берлине были арестованы и отправлены в соответствующие земли 11 дезертиров Бундесвера, начались многочисленные акции протеста и стычки с полицейскими.

2 сентября 1969 года: начало легендарных концертов Вудстока.

2 сентября 1969 года: «Сентябрьские стачки» в Рурской области. Спонтанный отказ от работы на предприятиях прекращает «красную линию по зарплатам». В ФРГ начинается период повышенной стачечной активности, который продлится до 1974 года.

28 сентября 1969 года: после выборов канцлером становится Вилли Брандт. Создается социал-либеральная коалиция.

Осень 1969 года: Основание «Социалистического центра» в Западном Берлине.

70-е годы

На леворадикальной сцене идут жаркие дискуссии о революционном насилии и организационных формах. Возникает «Blues». Активисты этой организации в Западном Берлине объединяются в альтернативные проекты, в группы городских кварталов, предприятий и магазинов детских товаров, в группы в тюрьмах, а также в уличных стычках. Самоорганизованное школьное и ученическое движение достигает своего апогея, начинает завоевывать жизненное пространство (молодежные центры, коллективы по местам жительства).

В период с 31 декабря 1967 года по 6 декабря 1971 года только в одном Западном Берлине происходит до 70 нападений воинствующих групп («Тупамарос», «Ищущие повстанцы», «Черные крысы», «Черный фронт») с применением зажигательных и взрывчатых веществ на сооружения американской армии, которые направлены против войны США во Вьетнаме. Здания юстиции, банки, ратуши, ведомственные здания в округах, консульства, а также реакционная пресса становятся объектами этих нападений. Часть активистов в 1972 году объединяются в «Движение 2 июня».

1970 год: в Гейдельберге доктором Вольфгангом Хубером создается социалистический союз пациентов (СПК). Эта организация самопомощи выносит тему больного общества, имеет в своих рядах около 500 членов, прокламирует: «Превратить болезнь в оружие!».

14 мая 1970 года: в Берлине освобождают Андреаса Баадера. Он вместе с Гудрун Энслин работает во Франкфурте над молодежным проектом. Чтобы написать эту работу, Баадер получает допуск в институт прессы. По поводу его освобождения RAF публикует свое первое

обращение «Создать красную армию».

24 июня 1970 года: в начале 70-х годов распускается SDS. Последняя существующая группа после жестокой стычки с полицией запрещена.

7 августа 1970 года: в США проваливается освобождение Георга Джексона. Его брат Джонатан, двое заключенных, а также судья умирают под градом пуль ФБР. Коммунистку-журналистку Анджелу Дэвис обвиняют в том, что она контрабандой провезла оружие для этой акции. Начинается долголетняя международная кампания за ее освобождение. Первый раз в молодежную тюрьму Георг Джексон попал в пятнадцать лет, а в восемнадцать за вменяемое ему ограбление на 760 долларов приговорен от одного года до пожизненного. При этом срок этот будет зависеть от решения комиссии за его «хорошее поведение». В заключении он сразу начинает привлекать сторонников к черной освободительной борьбе, с другими заключенными организует «Солидарное братство», позднее становится членом «Черных пантер». Джексон — важное связующее звено между афроамериканцами, испаноговорящими и белыми заключенными.

26 сентября 1970 года: в связи с предстоящими массовыми увольнениями в Линнофе (предприятие машиностроения) на Зильберштайнштрассе (Берлин) «Черный фронт тупамарос» осуществляет нападение со взрывчаткой на дом директора завода и его автомобиль.

Сентябрь 1970 года: В Берлине в ходе совместной акции RAF и «Blues» одновременно подвергаются нападению три банка. Добытые деньги распределяются на оружие, логистику и поддержку товарищей, живущих на нелегальном положении.

18 октября 1970 года: На одной из берлинских квартир на Кнезебекштрассе арестовывают Бригитту Аздонк, Монику Берберих, Ирену Георгенс, Хорста Малера и Ингрид Шуберт.

1971 год: путч в тюрьме Аттика (США) осуществлен в основном афроамериканцами и пуэрториканцами. Через четыре дня подавлен в крови. Убито 32 заключенных, около 300 тяжело ранены, многие — выстрелами в спину.

1 мая 1971 года: В Хайзенской пустоши на встрече с любителями марихуаны (Smoke-in) основывается «Джиппи Западного Берлина». Одна их часть переходит позднее в «Движение 2 июня». Джиппи происходит от «Международной Партии Молодых» — политического ответвления движения хиппи в США. Пройдут многочисленные акции и кампании против войны во Вьетнаме.

15 июля 1971 года: во время масштабных преследований в ФРГ (акция «Кобра»), в которых было задействовано более 300 полицейских, в

Гамбурге расстреляна 20-летняя Петра Шельм. Она стала первой жертвой террора преследования. Стрелок самодовольно объявил о «необходимой обороне».

Июль 1971 года: через 14 месяцев предварительного следствия начинается процесс против Георга фон Рауха, Бомми Баумана и Томаса Вайсбеккера. Трое обвиняются в «применении насилия, нанесении телесных повреждений и попытках ограбления», так как они избили репортера. После сообщения арестантской охраны для Бомми Баумана и Томаса Вайсбеккера в зал суда поступает команда: «Ошибка — отпустить». Томас Вайсбеккер был сразу же отпущен. На следующий день после освобождения он написал следователям письмо. Сегодня Георг фон Раух на нелегальном положении.

15 августа 1971 года: в кинотеатре «Арсенал» на фильме Розы Праунхайм «Гомосексуалист — не извращенец, а ситуация, в которой он живет» встречаются около 40 мужчин и женщин. Возникает НАВ (гомосексуальная акция Западного Берлина). Чуть позднее внутри НАВ образуется женская группа, которая позиционирует себя как гомосексуальная эмансипированная группа внутри женского движения. Как самостоятельная организация она солидаризируется с другими женскими группами и пунктуально работает с мужчинами из НАВ.

21 августа 1971 года: Джорж Джексон убит в тюрьме Сан-Квентин.

4 декабря 1971 года: в Берлине на Айзенахштрассе служащим криминальной полиции застрелен Георг фон Раух. Через два дня в Кройцберге захватывают дом «Георга фон Рауха», названного так по его имени.

1972 год: после бунтов и массовых побегов из воспитательных интернатов берлинский Сенат публично признаётся в банкротстве своей молодежной политики. Должны закрыться многие молодежные заведения (дома, места встреч, центры); в ответ на это молодежь сама захватывает их и управляет ими. 25 февраля 1972 года 200 подростками захватывается бывший городской молодежный центр. Городской центр рабочей молодежи — первый и единственный, которому удается в противовес Сенату оформить это документально. Происходят и другие захваты: так, в конце 1971 года захват молодежного дома при Сенате в Шёнеберге на Потсдамской улице, в котором возникает самоуправляющийся молодежный центр «Путе». В 1973 году на Вильгельмштрассе основан «Дом Томаса Вайсбеккера».

Январь 1972 года: на стыке годов состоится первая встреча различных воинствующих групп («Тупамарос Западного Берлина»,

«Ищущие повстанцы», «Армия красного Рура» и др.). Они дискутируют и в результате создают «Движение 2 июня».

28 января 1972 года: конференция министерства внутренних дел под председательством канцлера Вилли Брандта издает указ «О радикалах». В государственных службах проводятся экзамены на лояльность. Кандидаты на государственную службу и служащие проверяются Ведомством по охране Конституции, а кандидаты с подозрительно левыми взглядами отклоняются. В качестве подозрения достаточно, например, проживания в общине, членства в КПГ или участия в одной из левых демонстраций. Указ «О радикалах» является ответом на пропагандируемый студенчеством движением «Марш через институции».

30 января 1972 года: «Кровавое воскресенье». На Дерри (Северная Ирландия) британские солдаты открывают огонь по мирной демонстрации жителей — 13 убитых.

2 февраля 1972 года: «Движение 2 июня» осуществляет нападение с применением взрывчатки на британский яхт-клуб союзнических сил и два его автомобиля, дислоцирующиеся в Берлине.

2 марта 1972 года: Томас Вайсбеккер, которого ищут из-за поджога и нанесения телесных повреждений, застрелен в Аугсбурге спецназом баварской криминальной полиции. Убийца был оправдан, так как он будто бы действовал в пределах «необходимой обороны».

3 марта 1972 года: после убийства Томаса Вайсбеккера «Движение 2 июня» осуществляет нападение со взрывчаткой на полицейский участок в Берлине. Со своей короткой листовкой «А теперь направо!» они связывают эту акцию с убитыми Петрой Шелм и Георгом фон Раухом.

Апрель 1972 года: после объявления в стране «чрезвычайного положения» военный режим Уругвая арестовывает членов «Тупамарос» в качестве заложников, удерживает их. В конце 1972 года «Тупамарос» разбиты.

Май 1972 года: в ходе эскалации войны против Северного Вьетнама президент США Никсон объявляет морскую блокаду и распоряжается минировать северо-вьетнамские порты. Одновременно состоятся переговоры в Париже. В ФРГ проходят массовые протесты. На улицы выходят более 100 000 человек.

5 мая 1972 года: в знак протеста против министерства юстиции «Движение 2 июня» осуществляет поджог на юридическом факультете. Эта акция связана прежде всего с тем фактом, что процессы против полицейских-убийц прекращены.

7 мая 1972 года: в Бад-Ноймаре арестовывают Ингу Вит и Ульриха Шмюккера.

19 мая 1972 года: в Гамбурге в издательстве Акселя Шпрингера взрываются две бомбы. Ранено 17 человек. Руководство RAF и «Движение 2 июня» берут на себя ответственность за акцию.

1 июня 1972 года: во время одной из крупнейших акций преследования против групп городских партизан в ФРГ и Западном Берлине арестовывают Андреаса Баадера, Хольгера Майнса, Яна-Карла Распе, а 7 июня в Гамбурге — Гудрун Энслин. 15 июня 1972 года в Ганновере схватывают Герхарда Мюллера, после того как его выдал арендодатель.

5 сентября 1972 года: во время Олимпийских игр в Мюнхене палестинская организация «Черный сентябрь» захватила несколько израильских спортсменов в качестве заложников и потребовала освободить 200 арабских заключенных в Израиле. Вмешательство полиции в аэропорту Фюрстенфельдбрук привело к кровавой бойне. Вертолет, в котором находились похитители и заложники, был прошит тысячами выстрелов. Погибли все девять израильских заложников, пять палестинских боевиков и один полицейский. «Черный сентябрь» связывает эту акцию с резней, которую в 1970 году иорданская армия устроила в отношении палестинцев, проживающих в Иордании.

17 января — 12 февраля 1973 года: во время первой голодной забастовки RAF 40 заключенных потребовали нормальных условий содержания и одинакового со всеми обращения, а также переместить Ульрику Майнхоф из «мертвой тюрьмы» в Кёльн-Оссендорфе.

25 января 1973 года: под заголовком «Преступления женщин-лесбиянок» на протяжении нескольких недель печатается серия статей в газете «Бильд». Группа женщин ГАЗБ (гомосексуальная акция Западного Берлина) и другие организации выступают против.

Февраль-октябрь 1973 года: На предприятиях автомобильной и сталелитейной промышленности проходят бурные забастовки нескольких тысяч рабочих. На некоторых предприятиях в ходе совместных акций полиции и заводской охраны забастовки подавляются. Забастовка на заводе Форда в Кёльне способствовала появлению значительной части иностранных рабочих. Происходят конфликты между турецкими и западногерманскими рабочими. В качестве штрейкбрехеров активизируются группы драчунов, провокаторов и некоторые немецкие рабочие, которые не относятся к основному составу предприятия. Передовицы в газетах «Бильд» ведут огонь с флангов: «Немецкие рабочие снова завоевывают свои предприятия». Во время забастовки на предприятии «Пирбург/Аотогерэтбау» в Нойсе немецкие рабочие солидаризуются со своими иностранными коллегами, которые

прекращают работу.

Март 1973 года: эскалация борьбы за дома во Франкфурте. После освобождения занятых домов доходит до воинственных демонстраций с участием в них до 5000 человек.

23 мая 1973 года: в Гамбурге захваченный дом освобождается мобильным спецназом.

Август 1973 года: Инга Вит сбегает из тюрьмы на Лорерштрассе.

11 сентября 1973: в Чили военный путч генерала Пиночета против демократически избранного правительства Сальвадора Альенде. В перевороте замешано ЦРУ. Наряду с ЦРУ в этом авторитетно участвует корпорация ИТТ. Отменяются национализация тяжелой промышленности (медная промышленность), аграрные реформы, а также последовавшее под руководством правительства Альенде создание новых социальных структур. Движение революционных левых (MIR), которое принимало участие в процессе преобразования страны, после путча уходит в подполье. Военщина арестовывает десятки тысяч людей, часть их держат на стадионах, тысячи людей подвергаются истязаниям, их убивают.

Ноябрь 1973 года: во Франкфурте-на-Майне создается «Совет заключенных», чтобы донести свои требования до общественности.

11 ноября 1973 года: Тиль Майер («Движение 2 июня») сбегает во время открытого процесса в Кастроп Раукселе.

17/18 ноября 1973 года: первые удары «Революционных ячеек». Их цель — поселения фирмы ИТТ, которая несет ответственность за соучастие в путче в Чили.

20 декабря 1973: ЭТА (Баскская радикальная организация в Испании) осуществляет покушение на Кареро Бланко, правую руку испанского диктатора Франко. Взрыв настолько мощный, что автомобиль Кареро разлетается на несколько частей. Бланко мертв.

1974 год: создается сеть медицинских информационно-консультационных центров. Руководство КПГ в рамках этой политики пытается проводить кампанию в здравоохранении и по желанию народа восстанавливает прежнюю сеть клиник Бетани. После этого у населения появляется возможность выбора.

Лето 1974 года: у берлинского Сената выпадают из-под контроля учебные школьные, молодежные центры. Во время грандиозной акции против молодежных центров и коммун принимаются меры. Например, официальное объявление и чистка «Путе» или объявление и попытка освобождения молодежных центров.

24 апреля 1974: в Португалии путч левых военных против диктатуры, длящейся с 1926 года («Революция фиалок»). После этого

заканчиваются колониальные войны Португалии против Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау.

4 июня 1974 года: в берлинском Грюневальде группой «Черный июнь» застрелен агент Ведомства по охране Конституции Ульрих Шмюккер. После задержания 7 мая 1972 года через несколько месяцев он был выпущен. Шмюккер работал на Ведомство по охране конституции агентом-provокатором.

23 июля 1974 года: конец военной хунты в Греции.

13 сентября 1974 февраль 1975 года: заключенные RAF, «Движение 2 июня» и другие во время голодной забастовки выступили с требованиями нормального содержания, равных условий с другими заключенными, прекращения особых условий содержания. Возникла дискуссия по «Хартии Магны» которая образовала единую платформу для всех людей в неволе. То есть для всех заключенных в тюрьмах, психбольницах, воспитательных домах.

Ноябрь 1974 года: после девяти недель голодной забастовки умирает Хольгер Майнс. После этого происходит несколько поджогов во многих городах ФРГ. А в Берлине проходит свыше 50 демонстраций, в некоторых из них — жестокие стычки с полицией.

10 ноября 1974 года: при попытке похищения президента берлинского суда фон Дренкмана он был застрелен одним из членов «Движения 2 июня». Через неделю западноберлинский Сенат в связи с похоронами фон Дренкмана объявляет траур и протест. На эту церемонию отпускаются сотрудники государственных служб, а также служащие крупных частных фирм (например, «Сименс»). Тем не менее в церемонии участвуют едва ли 10 000 человек.

14 ноября 1974 года: на грандиозной демонстрации в поддержку голодающих в тюрьме заключенных и в знак протеста против «убийства» Хольгера Майнса в Берлине участвуют 15 000 человек.

Начало декабря 1974 года: во время широкомасштабной акции преследования «Акция “Зимняя поездка”» идут многочисленные обыски в квартирах и офисах, арестовано 10 человек, 56 временно задержаны.

23 февраля 1974 года: с территорий для атомных электростанций выгоняют более 20 000 человек. Мощно задействуется полиция, много арестов и административных наказаний.

17 февраля — 5 марта 1975 года: в самый разгар предвыборной кампании в Берлине «Движением 2 июня» похищается председатель берлинского отделения ХДС Петер Лоренц. Власти соглашаются на обмен. Пастор Хайнрих Альбертц сопровождает до Южного Йемена освобожденных заключенных Верену Беккер, Рольфа Хайслера,

Габриэлле Тидеманн, Рольфа Поле и Зипмана. Петера Лоренца отпускают по специальному паролю.

2 марта 1975 года: выборы в Берлине. ХДС выигрывает, и Петер Лоренц становится правящим бургомистром Западного Берлина.

4 марта 1975 года: после отклонения Конституционным судом разрешения на досрочное прерывание беременности Роте Зора осуществляет нападение на суд в Карлсруэ. В Бонне проходит одна из мощнейших демонстраций против параграфа 218.

24 апреля 1975 года: группа RAF «Хольгер Майнс» захватывает немецкое посольство в Стокгольме, берёт 12 заложников. Требуется отпустить 26 политических заключенных. Правительство не идет на уступки. По причине, которую так никогда и не удалось выяснить, посреди ночи в здании посольства происходит взрыв бомбы. Погибают военный атташе Андреас фон Мирбах, советник посла Хайнц Хиллегарт и Ульрих Вессель из группы RAF. Другой член группы, Зигфрид Хауснер, скончался от тяжелых ранений при его транспортировке в ФРГ.

28 апреля 1975 года: в гараже в районе Берлин-Тегель схвачены члены «Движения 2 июня» Герард Клёппер и Рональд Фрич.

30 апреля 1975 года: Вьетконг захватывает Сайгон.

9 мая 1975 года: во время перестрелки на парковке в Кёльне застрелены Вернер Заубер из «Движения 2 июня» и один полицейский. Карл-Хайнц Рот тяжело ранен и захвачен вместе с Рональдом Отто.

21 мая 1975 года: в Штутгарте начинается процесс против Андреаса Баадера, Гудрун Энслин, Ульрики Майнхоф и Яна-Карла Распе.

6 июня 1975 года: на подземной станции метро «Йоркштрассе» застрелен Тиль Майер.

Июль 1975 года: через одну распределительную структуру доставлены листовки «Революционных ячеек» и 120 000 поддельных проездных билетов стоимостью 360 000 марок. Выводятся из строя автоматы для проездных билетов, а фальшивые проездные раздаются.

30 и 31 июля 1975 года: «Движение 2 июня» грабит два банка, захватывает 100 000 марок. Во время захвата банков посетителям и служащим банка выдаются шоколадные конфеты.

9 сентября 1975 года: Ральф Райндерс, Инга Вит и Джулиан Пламбек арестовываются на квартире в Берлине, а через несколько дней арестовываются Фриц Тойфель и Габриэлла Рольник.

12 ноября 1975 года: арестованы Вальтрауд Зиппер и Кристина Думеланд.

16/24 декабря 1975 года: масштабная акция против политических книжных лавок, издательств, типографий и коммун. Вся акция

легитимируется параграфом № 131 («Восхваление насилия»). Однако в соответствии с параграфом 131а закона о «намордниках» (инструкция по наказуемым деяниям) и параграфом 88 «по защите Конституции» (опасная для конституции поддержка уголовных деяний) предлагается всё же предварительное рассмотрение этих деяний.

21 декабря 1975 года: в Вене палестинские боевики захватывают конференцию ОПЕК. В качестве заложников взято почти 70 человек. При этом погибли один австрийский служащий криминальной полиции, один иракский чиновник службы безопасности и один служащий ОПЕК. Боевики добиваются выезда вместе с министром ОПЕК.

24 декабря 1975 года: Инга Вит пытается вторично сбежать из тюрьмы, подпиливая решетки. Но ее слишком рано раскрывают.

16 января 1976 года: Бундестаг издает 14-й закон по поправкам к Уголовному кодексу, который вступает в силу 1 мая 1975 года. Он вводит в действие параграфы 88а и 130а, которые предусматривают тюремный срок до 3 лет за распространение и хранение записей, «поддерживающих насилие».

26 марта 1976 года: Ульрике Майнхоф нашли повешенной в ее камере. В 50-е — 60-е годы она была рупором «Движения против атомной смерти», член нелегальной коммунистической партии и колумнистка газеты «Конкретно». 4 мая 1970 года она участвовала в освобождении Андреаса Баадера. Была арестована 15 июня 1972 года, приговорена к 8 годам тюрьмы 29 ноября 1974 года.

16 июня 1974 года: в Южной Африке (ЮАР) начинается многодневное восстание черных учащихся против введения африкаанс (голландский диалект) как языка преподавания. Силы безопасности открывают огонь по демонстрантам. Убито 350 учащихся. Свыше 200 ранено. Сопrotивление в Совете стало символом сопротивления против расистского режима апартеида.

24 июня 1976 года: Бундестаг издает первые «антитеррористические» законы. С этого момента письменные контакты между заключенными и адвокатами контролируются. Кроме того, прекращается так называемая многоцветная защита. Параграф 129 устанавливает «состояние вины за образование или членство в террористической организации».

27 июня 1976 года: палестинские боевики при участии членов «Революционных ячеек» захватывают самолет «Эйр Франс», угоняют его в Энтеббе (Уганда), требуют освободить 53 политических заключенных, сидящих в различных странах. Среди них также шестеро из ФРГ: Ян-Карл Распе, Вернер Хоппе, Ральф Райндерс, Ингрид Шуберт, Фриц Тойфель,

Инга Вит. Среди 250 пассажиров — 100 израильтян или евреев из других стран. После того, как пассажиры-неевреи были отпущены, израильское воинское подразделение штурмует самолет, освобождает заложников и расстреливает боевиков группы похитителей, среди них Вильфрид «Бони» Бёзе и Бригитта Кульман из «Революционных ячеек».

7 июля 1976 года: четверем женщинам (Моника Берберич, Инга Вит, Габриелла Рольник и Юлиана Пламбек) из RAF удается сбежать из женской тюрьмы на Лертерштрассе в Западном Берлине.

30 октября 1976 года: впервые захватывается строительная площадка в Брокдорфе (приблизительно 8000 участников).

13/14 ноября 1976 года: 40 000 человек снова пытаются занять строительную площадку в Брокдорфе. Доходит до жестокого выдворения и стычек с полицией, в ходе стычки есть тяжелораненые.

4 апреля 1976: Норберт Крёхер и Манфред Адомайт доставлены в ФРГ. 31 марта — 1 апреля 1977 они вместе с другими были арестованы в Стокгольме.

7 апреля 1977 года: в Карлсруэ с мотоцикла стреляли в служебный автомобиль генпрокурора Бубака (группа RAF «Ульрике Майнхоф»). Генеральный прокурор Зигфрид Бубак, его водитель и один полицейский убиты.

2 апреля до мая 1977 года: голодная забастовка заключенных RAF, в ходе которой они выдвинули новый политический курс: в соответствии с Женевской конвенцией признать их статус «военнопленные» и содержать совместно.

28 апреля 1977 года: Андреас Баадер, Ян-Карл Распе и Гудрун Энслин приговорены к пожизненному заключению.

3 мая 1977 года: во время перестрелки с полицией тяжело ранен Гюнтер Зоннеберг и схвачен вместе с Вереной Беккер.

4 мая 1977 года: в Гёттингене в студенческой газете под заголовком «Бубак — некролог» опубликована статья по нападению на тогдашнего генерального прокурора. Статья содержала явную критику политики городских партизан. В связи с тем, что в статье было выражение «осторожная местечковая радость по поводу ухода из жизни Бубака», государственная власть задействует весь свой репрессивный аппарат. В знак солидарности с преследуемыми редакторами журнала многие альтернативные, студенческие и ученические журналы перепечатали эту статью. После этих публикаций новая волна судебных дел. 177 преподавателей ВУЗов в сентябре 1977 года написали обращение против ограничения «свободы прессы». После последовавших дисциплинарных процессов большинство из них всё же отозвали свои подписи.

30 июля 1977 года: расстрелян председатель дрезденского банка в Оберзуле Юрген Понго.

3 сентября 1977: группа RAF «Зигфрид Хауснер» похищает в Кёльне Ханса Мартина Шляйера и при этом расстреливает его водителя и троих полицейских. Боевики требуют освободить 11 заключенных RAF.

7 сентября 1977 года: по закону, который вступил в действие только 29 сентября 1977 года, 72 заключенным объявлен «запрет на контакты». Закон «О запрете на контакты» был издан Бундестагом в течение трех дней. В связи с похищением Шляйера тогдашний канцлер Шмидт квалифицировал этот закон как «невозможный для отклонения». Он ограничивает, а точнее — запрещает посещение обвиняемых адвокатами даже с их ордерами, контакты заключенных между собой, а также контакты с волей.

24 сентября 1977 года: международная демонстрация против строительства атомных станций в Калкаре, в которой участвует около 50 000 человек.

13–18 октября 1977 года: Палестинские боевики похищают самолет Люфтганзы «Ландсхут» с пассажирами на Майорку, летящий в столицу Сомали Могадишу. Требование: освободить заключенных Андреаса Баадера, Гудрун Энслин, Яна Карла Распе, Верену Беккер, Вернера Хоппе, Карла-Хайнца Дельво, Ханну Крабе, Бернда Рёснера, Ингрид Шуберт, Ирмгард Мёллер, дать им 100 000 марок и предоставить возможность вылететь в любую страну по их выбору. Во время промежуточной посадки в Адене для дозаправки застрелен командир экипажа. В Могадишу спецназ штурмует самолет, трое похитителей застрелены.

18 октября 1977 года: в Штамхайме смерть Гудрун Энслин, Андреаса Баадера, Яна Карла Распе.

19 октября 1977 года: Ханс-Мартин Шляйер найден мертвым в Мюльхаузене в багажнике легкового автомобиля.

Октябрь 1977 года: в ходе кампании против изготовления нелегальных печатных изданий и многочисленных листовок, прежде всего против берлинского издания «Инфобуг», начинаются первые аресты и процессы против составителей, печатников и распространителей левых печатных изданий. Позднее следуют арест и процесс против печатающих «агитки».

12 ноября 1977 года: Ингрид Шуберт найдена повешенной в камере в Штадельхайме.

13 ноября 1977 года: массовая демонстрация против атомной электростанции в Брокдорфе.

Январь 1978 года: в Берлине состоялся Тунисский конгресс левых сил.

6 февраля 1978 года: чтобы создать правдоподобную легенду, Ведомство по охране Конституции с помощью GSG 9 (подразделение спецназа ФРГ, созданное в 1973 году. — Б. Е.) взрывом проделывает дыру в стене тюрьмы в Селле. Тем самым симулируется попытка побега Зигурдом Дебусом. После этого он изолируется.

10 апреля 1978 года: в Берлине Верховный суд начинает процесс «Лоренца-Дренкмана» против Рональда Фрича, Геральда Клёппера, Тили Майера, Ральфа Райндерса, Фрица Тойфеля и Андреаса Фогеля. Начало процесса знаменуется спорами по поводу адвокатов по назначению. После этого «Революционные ячейки» берут на себя ответственность за две акции против адвокатов по назначению: одному прострелили ногу, другой нашел под своим автомобилем бомбу.

27 мая 1978 года: две соратницы из группы «Набиля Харба» освобождают Тиль Майера из тюрьмы Моабит. Одновременно планировавшееся освобождение Андреаса Фогеля срывается.

1 июня 1978 года: в соответствии с новым законом в тюрьмах в комнатах свиданий вводится разделительное стекло.

5 июня 1978 года: в Берлине арестован Клаус Виман.

21 июня 1978 года: в Болгарии арестованы Тиль Майер, Габриэлла Рольник, Гудрун Штюрмер, Анжелика Годер. Они доставлены в ФРГ.

31 апреля 1979 года: в Горлебене вышли на демонстрацию 100 000 человек, протестующих против завода по переработке ядерного топлива.

2 июня 1980 года: часть «Движения 2 июня» объявляет о своем роспуске, а его остатки переходят в RAF.

13 октября 1980 года: объявление приговора по процессу «Лоренц-Дренкманн»: 15 лет для Ральфа Райндерса и Тили Майера, 13 — для Рональда Фрича, 11 — для Герарда Клёппера, 10 — для Андреаса Фогеля и 5 — для Фрица Тойфеля.

Фриц Тойфель после объявления приговора выпущен на свободу, в настоящее время работает водителем-курьером и педагогом. Герард Клёппер выпущен досрочно в 1982 году. Сегодня — успешный предприниматель.

Андреас Фогель перешел в RAF, сидел в тюрьме в Селере до 1986 года.

Тиль Майер стал уважаемым, дистанцировался от всего, в 1986 году выпущен по УДО. Нашел новую родину в ГДР при штази.

20 сентября 1989 года Рональд Фрич, а *14 сентября 1990 года* Ральф Райндерс выпущены на свободу из тюрьмы Моабит.

<https://www.samoopredelenie.info/>

Райндерс Р., Фрич Р. Движение 2 июня. М., СПб, - Самоопределение, 2018. - 124 стр.